ISSN 1998-5053

Федеральное агентство по образованию

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 8 (102). Август, 2009

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора
Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук, ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

Сохранены типографская верстка и оформление обложки журнала 1947–1975 гг.
© ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2009

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)

А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)

ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йоенсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)

СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)

Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)

А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)

Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)

В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)

РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)

П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)

З. К. ТАРЛАНОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)

М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

ISSN 1998-5053

Federal Educational Agency

Scientific Journal

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 8 (102). August, 2009

Social Sciences & Humanities

Chief Editor
Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences,
Executive Secretary

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Addres
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

The cover, proof correction, and proof page has been preserved since 1947–1975
© FEA «Petrozavodsk State University (PetrSU)», 2009

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)

A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)

I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKY
Doctor of Archtecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)

PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)

L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)

A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)

R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series
«Social Sciences & Humanities»

V. AKULOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)

T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

Z. TARLANOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Андреевская Е. С.
Этапы становления обязательного медицинского страхования в России 7

ИСТОРИЯ

Калинина Е. А.
«Мы утешали себя тем, что работали для народа» (Учителя гимназий Русского Севера в первой половине XIX века) 15
Лайдинен Э. П.
Хроника преследования (судьба семьи А. Ф. Нуортева) 25

ПЕДАГОГИКА

Володина О. В.
Методика обучения иностранному языку на основе оригинальных произведений художественной литературы 31
Добрынина О. Л.
Компетентностный подход в образовании: за и против 39

ПОЛИТОЛОГИЯ

Гуторов В. А., Шувалов Ю. Е.
Посткоммунизм и толерантность: методологические аспекты 44
Лескова И. В.
Духовная безопасность и формирование национальной идентичности 53

ФИЛОЛОГИЯ

Патроева Н. В., Лебедев А. А
Поэтическая фразеология П. А. Вяземского: функционально-семантический потенциал трансформации устойчивых оборотов 60
Тарланов З. К.
«...Взор проницает густую завесу времени...» (К 260-летию со дня рождения А. Н. Радищева) 67
Тарасов К. Г.
Из эпистолярного наследия В. И. Даля 72

ФИЛОСОФИЯ

Пивоев В. М.
Сон как бытие и небытие 78
Волкова С. В.
Культура и образование: опыт философской рефлексии 85

ЭКОНОМИКА

Исаков В. А., Зекуненко Д. А.
Институты налогообложения и налоговая система современной России. Часть 1 89
Семенова М. А.
Реформирование электроэнергетики: опыт развитых стран 96

РЕЦЕНЗИИ

Пигин А. В.
Рец. на кн.: Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства 101
Ружинская И. Н.
Рец. на кн.: Школьное историческое краеведение Карелии: практикум для студентов / Сост. Е. В. Дианова 105

Юбилеи
К 50-летию со дня рождения А. В. Воронина 107
К 50-летию со дня рождения В. Б. Акулова 108
К 55-летию со дня рождения С. Н. Чернова 109

Информация для авторов 110

Научная информация 111

Contents 113

Учредитель: ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Е. И. Соколова. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 03.08.2009. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд. № 194

Индекс 66094. Цена свободная.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ТУ 10 – 00059
от 25 мая 2009 г. выд. Управлением Россвязькомнадзора по Республике Карелия.

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Август, № 8 **Государство и право** **2009**

УДК 349.3

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА АНДРЕЕВСКАЯ
аспирант кафедры международного и конституционного права юридического факультета ПетрГУ
etaka@onego.ru

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ

Обязательное медицинское страхование является формой социальной защиты интересов населения в сфере охраны здоровья. Для уяснения современного механизма функционирования обязательного медицинского страхования в России необходимо проследить путь его исторического развития.

Ключевые слова: история обязательного медицинского страхования в России, страховая медицина, страхование на случай болезни

Развитие медицинского страхования в России прошло несколько этапов. В литературе нет однозначного подхода к периодизации обязательного медицинского страхования (далее – ОМС). По мнению А. В. Решетникова, зарождение элементов социального страхования и страховой медицины в России началось еще в XVIII – начале XIX века, когда на первых капиталистических предприятиях появились кассы взаимопомощи. Сами рабочие стали создавать (без участия работодателей) общества взаимопомощи – предшественники больничных касс [34; 100–104], [35; 1]. Аналогичного мнения придерживаются ряд других исследователей в области ОМС, в частности А. В. Свидерский [39; 19–22], Ю. Б. Махтина [28; 17], Е. Погорелая [33; 42–43], В. И. Кашин, А. Т. Бойко, К. И. Шевченко [20; 8–9], Л. Г. Штельмах [51; 25–26], Ю. П. Лисицын, В. И. Стародубов, Е. Н. Савельева [27; 16–17], А. М. Бабич, Е. Н. Егоров, Е. Н. Жильцов [10; 96] указывают на зарождение элементов ОМС в XVII веке. В отличие от них, В. В. Дрошнев считает, что история ОМС имеет глубокие исторические корни, и выделяет 4 этапа [16; 47] [17; 31]:

I этап – с X века по 1775 год, характеризующийся обязательной церковной и государственной благотворительностью, отсутствием какой-либо системы медико-социальной защиты населения.

II этап – с 1775 (издание «Уложения о губерниях») по 1917 год, когда в стране развивалась государственная система социального призрения и медико-социальное обеспечение.

III этап – с 1917 года (принятие Временным правительством четырех законодательных актов по социальному страхованию) по 1937 год, характеризующийся преобразованием социального страхования в систему государственного обеспечения.

IV этап – с 1991 года по настоящее время – возрождение медицинского страхования в России.

Аналогичный подход поддерживает Н. А. Садовникова [38; 11].

С. Рябухина считает, что ОМС ведет отсчет с 1903 года, когда был принят Закон «О вознаграждении граждан, потерпевших вследствие несчастного случая, рабочих и служащих, а равно членов их семейств на предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» [37; 68].

© Андреевская Е. С., 2009

По мнению Ю. В. Бондарь, началом становления медицинского страхования как отношений по защите имущественных интересов, связанных с затратами на получение медицинской помощи, следует считать 1917 год. Автор отмечает, что именно в этот период появился термин «страховая медицина» [13; 43–44].

Некоторые исследователи последним этапом развития ОМС считают период с 1 января 2001 года. Он связан с введением в действие второй части Налогового кодекса Российской Федерации [2], который ввел единый социальный налог и изменил ранее действующую схему поступления финансовых ресурсов в систему ОМС [23; 53].

На наш взгляд, периодизацию ОМС в России целесообразно вести с 1861 года, так как обязательная церковная и государственная благотворительность не являлись страхованием. Предлагаем выделить следующие этапы в развитии ОМС:

I этап – с марта 1861 года по июнь 1912 года – зарождение ОМС в России и начало его практической реализации, принятие Закона «О вознаграждении граждан, потерпевших вследствие несчастного случая, рабочих и служащих, а равно членов их семейств на предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности».

II этап – с июня 1912 года по июль 1917 года – принятие Государственной думой четырех страховых законов: «О страховании рабочих от несчастных случаев», «О страховании рабочих на случай болезни», «Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих», «Об учреждении Совета по делам страхования рабочих».

III этап – с июля 1917 года по октябрь 1917 года – реформирование медицинского страхования в связи с приходом к власти Временного правительства.

IV этап – с октября 1917 года по ноябрь 1921 года – введение в России «рабочей страховой медицины», переход от социального страхования к социальному обеспечению, крах системы социального страхования в России.

V этап – с ноября 1921 года по 1929 год – новая экономическая политика и возрождение элементов медицинского страхования.

VI этап – с 1929 года по июнь 1991 года – период государственного здравоохранения.

VII этап – с 1991 года – современный этап становления ОМС.

I ЭТАП – С МАРТА 1861 ГОДА ПО ИЮНЬ 1912 ГОДА

6 марта 1861 года был принят первый законодательный акт, вводивший элементы обязательного страхования в России (Закон «Об обязательном учреждении вспомогательных товариществ на казенных горных заводах» [9; 20]). В соответствии с этим законом, при казенных горных заводах учреждались товарищества, а при товариществах – вспомогательные кассы, в задачи которых входило: выдача пособий по временной нетрудоспособности, а также пенсий участникам товарищества и их семьям, прием вкладов и выдача ссуд. Участниками вспомогательной кассы при горных заводах были рабочие, которые уплачивали в кассу установленные взносы в пределах 2–3 % заработной платы [16; 52], [20; 9], [35; 2].

В 1866 году был принят закон, которым предусматривалось создание при фабриках и заводах больниц. Согласно закону, к работодателям, владельцам фабрик и заводов предъявлялось требование иметь больницы с числом коек, зависимым от количества рабочих на предприятии (1 койка на 100 работающих). Однако данный закон выполнялся не всегда и не везде, а открывшиеся в 70–80-е годы XIX века больницы на крупных заводах были малочисленными и не могли обеспечить всех нуждавшихся медицинской помощью. В целом медицинская помощь, оказываемая рабочим того времени, характеризуется как неудовлетворительная [16; 52], [35; 2].

Особое значение в становлении обязательного медицинского страхования в России имел принятый в 1903 году Закон «О вознаграждении граждан, потерпевших вследствие несчастного случая, рабочих и служащих, а равно членов их семейств на предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности». По данному закону, работодатель нес ответственность за ущерб, нанесенный здоровью при несчастных случаях на производстве, путем выплаты пособий и пенсий потерпевшим или членам их семей [16; 52], [20; 11], [35; 2].

Закон определял выплаты пособий только при несчастных случаях и не затрагивал другие виды временной и стойкой утраты трудоспособности. Поэтому весь последующий период до июня 1912 года вопрос о государственном страховании рабочих за счет взносов предпринимателей находился в центре внимания и стал одним из требований русского пролетариата в революционной борьбе, особенно в период русской революции 1905–1907 годов [35; 2].

II ЭТАП – С ИЮНЯ 1912 ГОДА ПО ИЮЛЬ 1917 ГОДА

23 июня 1912 года III Государственная дума приняла четыре страховых закона, разработанных царским правительством:

«О страховании рабочих от несчастных случаев на производстве»;

«Об обеспечении рабочих на случай болезни»;

«Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих»;

«Об учреждении Совета по делам страхования рабочих» [10; 97].

Таким образом, спустя четыре с лишним десятилетия в России на практике была внедрена социально значимая идея о необходимости обязательного страхования рабочих на случай болезни.

Действие указанных законов распространялось на все промышленные предприятия, за исключением казенных и железных дорог общего пользования, на которых число занятых рабочих и служащих

достигало 20 человек, а при отсутствии машин и механизмов – 30. Не подлежали страхованию строительные и сельскохозяйственные рабочие, торговые служащие, ремесленники и прислуга [39; 23].

В соответствии с законами, на вышеуказанных предприятиях учреждались больничные кассы, отдельные для крупных и общие для нескольких мелких предприятий. Число участников одной больничной кассы должно было быть не менее 200 человек. Средства больничной кассы составлялись из страховых взносов рабочих и приплат к этим взносам со стороны предпринимателей. Взносы рабочих определялись в пределах от 1 до 2 % заработной платы. Для мелких больничных касс закон разрешал увеличивать взносы до 3 %. Приплата предпринимателей устанавливалась в размере 2/3 от взносов рабочих. Важным является то обстоятельство, что в определении окончательного размера взноса в пределах, установленных законом, кассы были самостоятельны. Окончательный размер взноса определялся постановлением общего собрания уполномоченных больничной кассы [10; 18].

Врачебная помощь за счет предпринимателей оказывалась участнику в четырех видах: 1. Первоначальная помощь при внезапных заболеваниях и несчастных случаях. 2. Амбулаторное лечение 3. Родовспоможение. 4. Больничное (коечное) лечение с полным содержанием больного. Медицинская помощь рабочим оказывалась либо больницами и амбулаториями, находящимися в ведении фабрик и заводов, либо городскими и земскими лечебными учреждениями согласно заключенному с ними предпринимателем договору, либо, в случае отсутствия фабрично-заводских лечебных учреждений и договоров, медицинская помощь оказывалась на общих основаниях с местным населением [35; 3].

Необходимо также отметить, что денежная помощь больничных касс предназначалась только работнику – участнику больничной кассы. Закон не обязывал оказывать помощь членам их семей. Однако больничные кассы в пределах 2/3 средств имели право организовывать для них лечебницы, которыми они активно пользовались. Первая кассовая лечебница была создана в России в 1914 году при тульских медно-прокатных и патронных заводах. У каждого участника больничной кассы имелось удостоверение, в котором перечислялись все члены семьи, находящиеся на его иждивении. Врачи кассовых лечебниц могли работать как семейные врачи [10; 19–20].

Законы 1912 года стали первыми законодательными актами, наиболее подробно описывающими систему управления и взаимоотношений между субъектами страхования на случай болезни. Впервые вводился принцип обязательного страхования; взносы исчислялись с начисленных доходов работающего по всем основаниям (заработная плата, пособия и т. д.); сохранялись расходы предпринимателей по лечению рабочих и т. д. Вместе с тем данные законы имели и ряд существенных недостатков, такие как ограниченный круг действия, разрешение образовывать только один тип больничных касс (фабричные или заводские), в большей степени материальная тяжесть страхования возлагалась на рабочих и др. Законы касались лишь двух видов страхования – от несчастных случаев и болезней. Их действие охватывало лишь шестую часть российских рабочих (чуть более двух миллионов человек), оставляя без страхования целые регионы, такие как Сибирь, Кавказ, Средняя Азия [34; 118].

В последующие после принятия законов годы наметилась тенденция к объединению и укрупнению больничных касс, вплоть до создания общегородских касс. К 1916 году в России существовали 2403 больничные кассы с числом застрахованных – 1 962 000 человек [35; 4]. Анализируя данный период работы больничных касс, Т. А. Бажан отмечает, что они являлись важной составной частью системы страхования рабочих и сыграли большую роль в улучшении организации медицинской помощи [11; 43]. Врачи больничных касс положили начало изучению профессиональных заболеваний на основе повседневного обслуживания рабочих и определили значение социального и профессионального компонентов в возникновении заболеваний [46; 33].

III ЭТАП – С ИЮЛЯ 1917 ГОДА ПО ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА

После Февральской революции 1917 года к власти пришло Временное правительство, которое с первых шагов своей деятельности начало реформы в области ОМС. В частности, им были приняты четыре законодательных акта по социальному страхованию, в которых серьезно пересматривались и исправлялись многие недостатки законов, принятых III Государственной думой в июне 1912 года: расширялся круг застрахованных; уравнивались взносы рабочих и предпринимателей; увеличились размеры выплачиваемых застрахованным пособий; больничным кассам разрешалось объединяться в союзы и самостоятельно осуществлять организацию и предоставление медицинской помощи застрахованным; от уплаты взносов освобождались рабочие с низкой заработной платой, а предпринимателям вменялось в обязанность вносить за них двойные взносы; введено управление больничными кассами только рабочими [35; 4–5].

Страховые законы Временного правительства открыли огромные возможности для развития медико-социального страхования в России, но они не были реализованы [12; 19].

IV ЭТАП – С ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА ПО НОЯБРЬ 1921 ГОДА

Советская власть начала свою деятельность по реформе социального страхования с декларации Народного комиссариата труда от 30 октября 1917 года о введении в России «полного со-

циального страхования». Основные положения декларации были следующие:

- распространение страхования на всех без исключения наемных рабочих, а также на городскую и сельскую бедноту;
- распространение страхования на все виды потери трудоспособности (на случай болезни, увечья, инвалидности, старости, материнства, вдовства, сиротства, безработицы);
- возложение всех расходов по страхованию на предпринимателей и государство;
- возмещение полного заработка в случае утраты трудоспособности и безработицы [33; 42–43], [35; 5].

В 1917 году был издан ряд декретов, в корне изменивших систему социального страхования: 14 ноября 1917 года – декрет о передаче больничным кассам лечебных учреждений, 29 ноября – о страховых присутствиях и страховом совете, 11 декабря – о страховании на случай безработицы, 22 декабря – о страховании на случай болезни.

В соответствии с декретами началось создание системы под названием «рабочая страховая медицина». Больничные кассы развернули активную деятельность, и за короткое время была создана система лечебных учреждений, где застрахованные получали квалифицированную медицинскую помощь. Амбулатории и больницы больничных касс были лучше, чем другие учреждения, обеспечены оборудованием, лекарствами, специалистами, имели лаборатории и другие вспомогательные учреждения. Рабочая страховая медицина была относительно самостоятельна, контролировалась лишь Народным комиссариатом труда в плане соблюдения законов, декретов, постановлений. Создание в июле 1918 года Народного комиссариата здравоохранения привело к существованию двух параллельных систем здравоохранения: «рабочей страховой медицины», подчиненной Народному комиссариату труда, и «советской медицины», созданной на основе земской и народной медицины и подчиненной Народному комиссариату здравоохранения. В результате было принято решение об объединении страховой медицины с общегосударственной. 18 февраля 1919 года Совет народных комиссаров принял Постановление «О передаче всей лечебной части бывших больничных касс Народному комиссариату здравоохранения». «Рабочая страховая медицина» была ликвидирована и утверждена единая «советская медицина». Одновременно проходила реформа всей системы социального страхования, которая заменялась государственной системой социального обеспечения [10; 99–100], [27; 20–21].

Данный процесс построения модели социальной защиты населения В. Д. Роик называет «национализацией обеспечения», а период ее функционирования – периодом «социального обеспечения» [36; 47]. В этот период произошел полный отказ от системы страховой медицины.

V ЭТАП – С НОЯБРЯ 1921 ГОДА ПО 1929 ГОД

В 1921 году в стране была провозглашена новая экономическая политика (далее – НЭП), и правительство вновь обратилось к элементам страховой медицины. 15 ноября 1921 года Советом народных комиссаров и ВЦИК издается Декрет «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом», в соответствии с которым вновь вводится социальное страхование, распространяющееся на все случаи временной и стойкой утраты трудоспособности [16; 54], [35; 6].

Размер взносов на социальное страхование определялся в зависимости от опасности и вредности производства для здоровья работающих в процентном отношении к фонду заработной платы. Первоначально максимальный взнос на лечебную помощь составлял от 5,5 до 7 % фонда заработной платы. Ряду предприятий устанавливался пониженный (льготный) тариф, в частности предприятиям транспорта, бюджетным и работающим на экспорт и военную промышленность. Для хорошо оборудованных предприятий, создающих благоприятные условия работающим, устанавливался «поощрительный» тариф, а для плохо оборудованных – «карательный».

Страховые взносы взимались органами социального страхования и передавались органам здравоохранения – Фонды социального страхования разделялись на местные, губернские и межсоюзный. В последний поступало 10 % отчислений от взносов, которые передавались Наркомздраву. Управление фондами осуществляли вновь созданные страховые кассы, в функции которых входило участие в разработке планов медико-санитарной помощи застрахованным [10; 100], [27; 22].

В 1928 году был введен новый порядок отчислений на медицинскую помощь, устанавливающий обратную зависимость суммы отчислений от расходов по временной нетрудоспособности и инвалидности. Повышалась роль страховых организаций в области регулирования отчислений по отдельным районам в зависимости от состояния медицинской помощи, коэффициента заболеваемости, профвредности и социально-производственного значения. Ассигнования по фонду медицинской помощи застрахованным были включены в общий бюджет здравоохранения [28; 24].

Таким образом, то, что некоторые понимали в годы НЭПа под страховой медициной, было просто составной частью единой государственной системы здравоохранения, позволившей использовать дополнительные (но по-прежнему недостаточные) источники финансирования – страховые фонды, формирующиеся за счет взносов работодателей.

VI ЭТАП – С 1929 ГОДА ПО ИЮНЬ 1991 ГОДА

В начале 1930-х годов социальное страхование в стране было передано профсоюзам, а страховые

кассы, система финансирования и все, что связано со страховой медициной, ликвидировано. Этот этап можно охарактеризовать как период государственного здравоохранения, в течение которого в силу объективной политической и экономической ситуации сформировался остаточный принцип финансирования системы охраны здоровья. Как пишет Н. А. Левант, «в условиях бюджетного дефицита, резкого спада производства, с одной стороны, разработки и принятия Верховным Советом СССР различных социальных программ – с другой, нельзя ожидать не только улучшения создавшегося катастрофического положения в медицине, но даже его стабилизации» [25; 44].

Кризис здоровья и здравоохранения в стране обострил и без того серьезную проблему постоянного роста стоимости медицинского обслуживания населения при стремлении правительства ограничить фактические расходы государства на здравоохранение. Попытка внести кардинальные изменения в стратегию и тактику развития государственной системы здравоохранения были предприняты XXVII съездом Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Съезд КПСС в 1985 году принял новую редакцию программы КПСС и «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года». В данных документах были определены конкретные пути ускорения развития здравоохранения, расширения научных медицинских исследований по ведущим фундаментальным и прикладным проблемам, повышения качества медицинского обслуживания, укрепления и реконструкции материально-технической базы медицинской отрасли в соответствии с новейшими достижениями науки и техники.

Съездом КПСС была поставлена задача по осуществлению перестройки работы органов учреждений здравоохранения и перехода с экстенсивного на интенсивный путь развития медицинской отрасли, использованию экономических рычагов управления и наиболее эффективному достижению конечных результатов – подъема уровня здоровья жителей страны, повышению качества медицинской помощи, осуществлению повсеместного высококвалифицированного медицинского обслуживания всего населения; обоснована необходимость преодоления имеющихся недостатков в организации и управлении здравоохранением. В стране в условиях экономического кризиса начался переход к рынку, что требовало принятия радикальных мер, кардинально меняющих структурные, организационные, финансовые, экономические и политические основы функционирования системы социального обеспечения и реализации прав граждан на охрану своего здоровья [16; 57–58].

Декларируемые реформы невозможно было осуществить без радикального изменения источников финансирования и методов управления системой здравоохранения. Данные изменения стали возможными при введении обязательного медицинского страхования населения страны.

VII ЭТАП – С 1991 ГОДА

С 1991 года в России началось введение современной системы медицинского страхования. Одной из основных причин введения ОМС явилась необходимость улучшения системы здравоохранения, так как выделяемые ранее средства из госбюджета не доходили до поликлиник и больниц, распыляясь на нужды, далекие от потребностей медицины. Второй причиной стала насущная необходимость повышения качества медицинского обслуживания. Недаром возникла поговорка: «Лечиться даром – даром лечиться». Третья причина состояла по существу в «крепостной» привязанности жителей к своим районным, сельским и городским поликлиникам по месту жительства [14; 87–95], [15; 64], [16; 58], [18; 129–130], [19; 105–109], [20; 73], [21; 27], [22; 5], [24; 185], [26; 5–7], [29; 90–92], [30; 3], [31; 53], [32; 326], [40; 3–4], [41; 531–533], [42; 89–91], [43; 217], [45; 85], [47; 6–9], [48; 140–141], [49; 27], [50; 375], [52; 61].

Таким образом, одной из главных предпосылок реформы явилась необходимость влить в отрасль дополнительные финансовые ресурсы.

Основываясь на опыте зарубежных стран, был разработан и 28 июня 1991 года принят Закон РСФСР «О медицинском страховании граждан в РСФСР» [6], положивший начало новому этапу в развитии здравоохранения – созданию и развитию бюджетно-страховой медицины. Как отмечает А. М. Таранов, за основу данного закона «была взята голландская модель организации обязательного медицинского страхования», главный аргумент в пользу выбора которой заключался в «активной роли государства в формировании социально ориентированной системы, направленной на уменьшение различий в общественном положении тех граждан, которые получали медицинские услуги в системе социального страхования (малообеспеченные слои населения), и тех, кто должен страховать себя сам (высокооплачиваемые граждане) в системе добровольного страхования» [44; 20].

Специалисты отмечают, что указанная модель, «довольно громоздкая по своей сути, достаточно высокозатратная и организационно малопонятная для руководителей здравоохранения, поскольку в этой модели в основном функционировали частные медицинские организации, а не государственные, как в России» [14; 104]. Новый механизм финансирования здравоохранения встретил сопротивление по трем основным причинам:

- большинство руководителей опасались введения защиты прав и интересов граждан в сфере охраны здоровья и создания вневедомственных организаций, связанных с контролем предоставления медицинской помощи;
- реализация указанного закона требовала коренного изменения существовавших методов руководства и повышения ответственности должностных лиц в органах управления здравоохранением и руководителей медицинских учреждений;

- в условиях отсутствия достаточного нормативного правового регулирования отношений в сфере обязательного медицинского страхования у руководителей здравоохранения вызывало опасение и само введение в систему охраны здоровья рыночных отношений.

Для исправления такого положения был принят ряд нормативных актов. Так, Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 января 1992 года № 41 «О мерах по выполнению Закона РСФСР “О медицинском страховании граждан в РСФСР”» [7] были утверждены типовые договоры обязательного медицинского страхования, положение о страховых медицинских организациях и другие нормативно-правовые документы.

Несмотря на то что эти шаги и стали важными для дальнейшего развития системы обязательного медицинского страхования, они не решили всех проблем выполнения данного закона на территории Российской Федерации. В частности, не было определено:

- как организуются потоки финансовых средств, формирующиеся за счет уплаты страховых взносов;
- как обеспечивается всеобщность ОМС; как достигаются социальная справедливость и равенство всех застрахованных;
- кто определяет «правила игры» в системе ОМС;
- как осуществляется государственное регулирование страхового рынка в системе ОМС и т. д.

Особенность первоначальной редакции закона состояла в том, что страховые взносы должны были поступать от страхователей непосредственно к страховщикам, в страховые медицинские организации. В них должны были образовываться фонды обязательного медицинского страхования. При этом другой формой финансирования мероприятий по охране здоровья населения должны были стать фонды здравоохранения, функции по управлению которыми передавались органам государственной власти как на федеральном и территориальном уровнях, так и на муниципальном уровне.

Правовой статус фондов здравоохранения был определен в первоначальной редакции закона достаточно скупо, и в статье 10 указывалось, что это самостоятельные фонды. Если путь поступления средств в фонды обязательного медицинского страхования страховых медицинских организаций был определен однозначно, то пути поступления средств в фонды здравоохранения могли быть любыми, если не противоречили действующему законодательству.

Это привело к необходимости совершенствования законодательства в области охраны здоровья граждан. Так, статья 41 Конституции Российской Федерации [1] продекларировала право граждан Российской Федерации на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь за счет средств бюджетов всех уровней, страховых взносов и других поступлений, а статья 72 – право субъектов Российской Федерации на самоуправление в области хозяйственной деятельности.

Принятые 22 июля 1993 года «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (статья 20) [3] гарантировали объем бесплатной медицинской помощи гражданам, который должен обеспечиваться в соответствии с программами обязательного медицинского страхования.

Для введения обязательного медицинского страхования на всей территории России был необходим публичный интерес, создание государственной структуры, которая бы не только отвечала за осуществление проводимой реформы, но в силу своего положения была бы заинтересована в ней. Потребовалось совершенствование нормативной правовой базы функционирования здравоохранения, основой которой стал принятый 24 февраля 1993 года Верховным Советом Российской Федерации и подписанный 2 апреля 1993 года президентом Российской Федерации Закон Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О медицинском страховании граждан в РСФСР”» [4]. Законом медицинское страхование было определено как комплекс отношений, имеющих своей целью защиту связанных с охраной здоровья имущественных интересов населения путем оплаты медицинской помощи, в частности, за счет средств обязательного медицинского страхования. При этом предоставление самой медицинской помощи должно было организовываться на основе действующей системы здравоохранения.

Принципиальной поправкой к закону стало положение, предусматривающее создание в системе ОМС специальных государственных финансово-кредитных учреждений, на которые возлагались функции реализации государственной политики в обязательном медицинском страховании, сбор и аккумулирование страховых взносов, обеспечение всеобщности и равенства в ОМС. Эти учреждения получили название фондов ОМС, которые создавались на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации.

Поскольку предполагалось, что совокупность отношений в системе здравоохранения только частично совпадает с совокупностью финансовых отношений в системе обязательного медицинского страхования, а правовое регулирование этих отношений различно, возникла необходимость создания соответствующей инфраструктуры, без которой финансовые средства обязательного медицинского страхования не смогут надлежащим образом поступать в систему здравоохранения. В связи с этим во исполнение Закона РСФСР «О медицинском страховании граждан в РСФСР» Верховным Советом Российской Федерации принимается Постановление от 24 февраля 1993 года № 4343-1 «О порядке финансирования обязательного медицинского страхования граждан на 1993 год», утверждаются положения о Федеральном и

территориальном фондах обязательного медицинского страхования и «О порядке уплаты страховых взносов в Федеральный и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» [5]. Распоряжением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 27 мая 1993 года № 927-р [8] создается Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, а в субъектах Российской Федерации – территориальные фонды обязательного медицинского страхования.

Был введен четко установленный размер взносов на обязательное медицинское страхование работающего населения в размере 3,6 % по отношению к начисленной оплате труда по всем основаниям. Установлена обязанность органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления вносить платежи за неработающее население. Вместе с тем размер страховых взносов на ОМС неработающего населения установлен не был, что впоследствии создало проблему неуплаты взносов за данную категорию граждан.

С января 2001 года в связи с принятием второй части Налогового кодекса Российской Федерации [2] утвержден новый порядок исчисления и уплаты страховых взносов в государственные социальные внебюджетные фонды, в том числе и в фонды ОМС. Отныне работодатели уплачивают их в составе единого социального налога.

В настоящий момент система ОМС в Российской Федерации сложилась следующим образом. В качестве субъектов медицинского страхования выступают: гражданин, страхователь, страховая медицинская организация, медицинское учреждение [6].

Страхователями при ОМС являются:

- для неработающего населения – органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления;
- для работающего населения – организации, физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, частные нотариусы, адвокаты, физические лица, заключившие трудовые договоры с работниками, а также выплачивающие по договорам гражданско-правового характера вознаграждения, на которые, в соответствии с законодательством Российской Федерации, начисляются налоги в части, подлежащей зачислению в фонды обязательного медицинского страхования.

Страховыми медицинскими организациями выступают юридические лица, осуществляющие медицинское страхование и имеющие государственное разрешение (лицензию) на право заниматься медицинским страхованием.

Медицинскими учреждениями в системе медицинского страхования являются имеющие лицензии лечебно-профилактические учреждения, научно-исследовательские и медицинские институты, другие учреждения, оказывающие медицинскую помощь, а также лица, осуществляющие медицинскую деятельность как индивидуально, так и коллективно. Также к субъектам ОМС можно отнести и фонды обязательного медицинского страхования, хотя формально законом в качестве субъектов они не выделяются. Однако именно они, будучи самостоятельными некоммерческими финансово-кредитными учреждениями, реализуют государственную политику в области обязательного медицинского страхования.

Отношения между субъектами ОМС, помимо закона, строятся на основе договоров, к которым относятся:

1. Договоры обязательного медицинского страхования;
2. Договоры на предоставление лечебно-профилактической помощи (медицинских услуг) по обязательному медицинскому страхованию;
3. Договоры о финансировании обязательного медицинского страхования, заключаемые между территориальными фондами обязательного медицинского страхования и страховыми медицинскими организациями.

Таким образом, обязательное медицинское страхование в России начиная с 1861 года прошло несколько этапов своего развития. В настоящий момент сложилась комплексная и полусубъектная система ОМС. Вместе с тем изучение истории обязательного медицинского страхования в России позволяет выявить положительные и негативные стороны в его формировании и использовать накопленный опыт в современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2008 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
3. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (утверждены Верховным Советом Российской Федерации от 22.07.1993 г. № 5487-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1318.
4. Закон Российской Федерации от 02.04.1993 г. № 4741-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О медицинском страховании граждан в РСФСР”» // Российская газета. 1993. 27 апреля.
5. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 24.02.1993 г. № 4543-1 «О порядке финансирования обязательного медицинского страхования граждан на 1993 год» (вместе с «Положением о Федеральном фонде обязательного медицинского страхования», «Положением о территориальном фонде обязательного медицинского страхования», «Положением о порядке уплаты страховых взносов в Федеральный и территориальные фонды обязательного медицинского страхования») // Российская газета. 1993. 28 апреля.
6. Закон Российской Федерации от 28.06.1991 г. № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27. Ст. 920.

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.01.1992 г. № 41 «О мерах по выполнению Закона РСФСР “О медицинском страховании граждан в РСФСР”» // Российская газета. 1992. 26 февраля.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.05.1993 г. № 927-р // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 22. Ст. 2093.
9. Ахмедов С. А. Медицинское страхование как элемент социальной защиты населения: Дисс. … канд. экон. наук. М., 1997. 170 с.
10. Бабич А. М. Экономика социального страхования: Курс лекций. М.: ТЕИС, 1998. 189 с.
11. Бажан Т. А. Роль больничных касс в системе страховой медицины в дореволюционный период // Советское здравоохранение. 1991. № 1. С. 42–46.
12. Басаков М. И. Страховое дело в вопросах и ответах: Учебное пособие для студентов экономических вузов и колледжей. Ростов н/Д, 1999. 576 с.
13. Бондарь Ю. В. Комплексное развитие обязательного и добровольного медицинского страхования: Дисс. … канд. экон. наук. М., 2007. 217 с.
14. Вялков А. И. Управление в здравоохранении Российской Федерации. Теория и практика. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2003. 523 с.
15. Гвозденко А. А. Страхование: Учебник. М.: Проспект, 2004. 462 с.
16. Дрошнев В. В. Развитие обязательного медицинского страхования в России: история и современность // Страховое дело. 2004. № 1. С. 47–59.
17. Дрошнев В. В. Теоретико-методологические основы совершенствования финансового механизма функционирования обязательного медицинского страхования в России: Дисс. … д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2005. 351 с.
18. Ивасенко А. Г. Некоторые вопросы развития медицинского страхования в России // Управление в здравоохранении России и США: Опыт и проблемы: Сборник научных трудов / Под ред. М. В. Удальцовой, М. Ричардсон. Новосибирск: НГА ЭиУ, 1997. 186 с.
19. Ильин В. Медицинское страхование: начало пути // Проблемы теории и практики управления. 1993. № 2. С. 105–109.
20. Кашин В. И. Страховая медицина и рыночные отношения: Учебное пособие. Петрозаводск, 1993. 135 с.
21. Ковалевская Н. Правовое регулирование обязательного медицинского страхования // Закон. 1995. № 7. С. 27–37.
22. Комаров Г. А. Деятельность системы ОМС в условиях современной система финансирования // Экономика и практика обязательного медицинского страхования. 2005. № 1. С. 5–10.
23. Конюкова О. Л. Финансирование медицинского страхования в Российской Федерации: Дисс. … канд. экон. наук. Иркутск, 2003. 197 с.
24. Кузьменко М. М. Здравоохранение в условиях рыночной экономики. М.: Медицина, 1994. 297 с.
25. Левант Н. А. Страховая медицина и медицинское страхование // Финансы СССР. 1991. № 11. С. 44–47.
26. Линденбратен А. Л. О финансировании здравоохранения // Медицинская помощь. 2005. № 1. С. 3–10.
27. Лисицын Ю. П. Медицинское страхование: Учебное пособие. М.: Медицина, 1995. 142 с.
28. Махтина Ю. Б. Финансовый механизм функционирования обязательного медицинского страхования: Дисс. … канд. экон. наук. Иркутск, 2003. 182 с.
29. Медик В. А. Курс лекций по общественному здоровью и здравоохранению. Часть III. Экономика и управление здравоохранением. М.: Медицина, 2003. 390 с.
30. Миронов А. А. Медицинское страхование. М.: Наука, 1994. 312 с.
31. О реформировании системы обязательного социального страхования // Человек и труд. 2004. № 1. С. 52–57.
32. Основы страховой деятельности: Учебник / Отв. ред. Т. А. Федорова. М.: БЕК, 2002. 768 с.
33. Погорелая Е. Медицинское страхование в дореволюционной России и в первые годы советской власти // Врач. 1999. № 9. С. 42–43.
34. Решетников А. В. Социальный маркетинг обязательного медицинского страхования в Российской Федерации: Дисс. … д-ра экон. наук. М., 1997. 595 с.
35. Решетников А. В. Формирование и эволюция системы обязательного медицинского страхования в России // Медицина труда и промышленная экология. 2000. № 9. С. 1–8.
36. Роик В. Д. Эволюция форм социальной защиты в России // Страховое дело. 2005. № 1. С. 41–49.
37. Рябухина С. Азбука страхования // Охрана труда и социальное страхование. 2005. № 5. С. 67–70.
38. Садовникова Н. А. Развитие системы обязательного медицинского страхования в регионе: Дисс. … канд. экон. наук. Саранск, 2006. 177 с.
39. Свидерский А. В. Административно-правовые проблемы управления обязательным медицинским страхованием в Российской Федерации: Дисс. … канд. экон. наук. Тюмень, 2001. 195 с.
40. Семенков А. В. Медицинское страхование. М.: Финстатинформ, 1993. 128 с.
41. Семенов В. Ю. Экономика здравоохранения. М.: МЦФЭР, 2004. 648 с.
42. Становление нового экономического механизма российского здравоохранения // Общество и экономика. 1993. № 5. С. 87–98.
43. Страховое право: Учебник для вузов / Под ред. В. В. Шахова, В. Н. Григорьева, С. Л. Ефимова. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2007. 332 с.
44. Таранов А. М. Система ОМС: история и перспективы // Вестник государственного социального страхования. 2003. № 12. С. 20–28.
45. Тишук Е. Проблемы здравоохранения в Европе // Современная Европа. 2005. № 3. С. 76–87.
46. Четыркин Е. М. Медицинское страхование на Западе и в России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 12. С. 31–37.
47. Швырков Г. Ю. Перспективы развития медицинского страхования в России // Здравоохранение Российской Федерации. 1992. № 8. С. 6–9.
48. Шейман И. М. Реформа управления и финансирования здравоохранения. М.: Издатцентр, 1998. 335 с.
49. Шишкин С. Метаморфозы реформы российского здравоохранения // Вопросы экономики. 1995. № 9. С. 26–33.
50. Шишкин С. Выбор страховой модели финансирования и процесс практического внедрения обязательного медицинского страхования // Социальная политика в постсоциалистическом обществе: задачи, противоречия, механизмы. М.: Наука, 2001. 415 с.
51. Штельмах Л. Г. Государственное регулирование обязательного медицинского страхования населения в условиях построения социально ориентированной экономики региона: Дисс. … канд. экон. наук. Орел, 2005. 185 с.
52. Юркин Г. Система обязательного медицинского страхования: проблемы функционирования и модернизации // Врач. 2003. № 5. С. 61–62.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 8 **История** **2009**

УДК 378

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА КАЛИНИНА
кандидат исторических наук, учитель истории МОУ «Эссойльская СОШ»
kalinka46@yandex.ru

«МЫ УТЕШАЛИ СЕБЯ ТЕМ, ЧТО РАБОТАЛИ ДЛЯ НАРОДА» (УЧИТЕЛЯ ГИМНАЗИЙ РУССКОГО СЕВЕРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА)

Статья посвящена социальным проблемам в истории народного образования. Автор рассматривает правовое положение и социальный статус учителей губернских гимназий Русского Севера. Среди них было много незаурядных личностей, хороших специалистов, обладавших глубокими знаниями, хотя материальная необеспеченность и низкое социальное положение учителя делали педагогическую карьеру малопривлекательной.

Ключевые слова: учителя, гимназия, правовое положение, социальный статус

Вопросы создания и развития образовательной системы в России постоянно привлекают внимание современных историков. Одним из направлений изучения истории становления и развития системы просвещения России в XIX веке является социально-правовое положение учителей гимназий. Педагоги, стоявшие у истоков реформирования народного образования в стране, становились главными проводниками грамотности среди населения российской провинции. Развитие сети школ в течение XIX столетия требовало значительного увеличения количества учителей и их качественной подготовки к преподаванию предметов в учебных заведениях.

Данная тема не является приоритетной и относится к малоразработанным сюжетам истории образования. Современные исследователи уделяли более пристальное внимание социальному облику педагогов второй половины XIX – начала XX века [48], [45]. Положение же учительства гимназий первой половины XIX века рассматривалось в основном фрагментарно при освещении общих вопросов истории образования [34], [35], [37], [39], [47].

Целью настоящей статьи является анализ официальной политики в данном вопросе, а именно законодательства первой половины XIX века, регламентирующего деятельность российского учителя, а также рассмотрение социального статуса учителей губернских гимназий. Объектом исследования стали средние учебные заведения Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, входивших в первой половине XIX века в состав Санкт-Петербургского учебного округа, а также биографии 23 педагогов, работавших в это время в губернских гимназиях Русского Севера. С точки зрения современного положения школьного образования и социальной политики государства по отношению к учителю особый интерес приобретает изучение вопросов его социальной защищенности в период становления системы народного образования в первой половине XIX века.

В начале XIX века правительство Александра I провело ряд реформ в области народного образования. В 1804 году был принят «Устав учебных заведений, подведомых Университе-

© Калинина Е. А., 2009

там», где была представлена система общеобразовательных школ, включающая приходские училища, уездные училища, гимназии, университеты.

Отсутствие квалифицированных педагогических кадров было одной из главных проблем при организации гимназий и уездных училищ. Основными учебными заведениями, готовившими кадры для провинциальных училищ, были духовные семинарии, многие выпускники которых становились педагогами в губернских и уездных школах. Привлекались к занятию учительских должностей и лица, окончившие главные народные училища в губернских городах и малые народные училища – в уездных, существовавшие в России до 1803 года. В начале образовательной реформы было принято решение готовить преподавательские кадры для главных народных училищ (впоследствии названных гимназиями) в университетах. В 1803 году на базе Учительской семинарии в Петербурге была открыта Учительская гимназия, в 1804 году она была преобразована в Педагогический институт, а в 1819-м – в Императорский Санкт-Петербургский университет. Именно здесь в первой трети XIX века сложился основной центр подготовки учителей не только для училищ столичного учебного округа, но и для гимназий и училищ других округов.

Приступая к должности, учителя в исследуемый нами период должны были выполнять обязанности, определенные в «Уставе учебных заведений, подведомых Университетам» 1804 года и в «Уставе учебных заведений» 1828 года. По «Уставу» 1804 года, преподаватели и начальники губернских и уездных училищ зачислялись на государственную службу, для них были разработаны специальные мундиры, и новоиспеченным чиновникам присвоили соответствующие чины по «Табели о рангах». Старшие учителя гимназий состояли в 9-м, младшие – в 12-м классе, педагоги уездных училищ соответствовали 12-му классу. В «Уставе» 1828 года «права государственной службы» были присвоены учителям приходских училищ.

Значительное место в «Уставах» 1804 и 1828 годов уделялось обязанностям учителей и их нравственному облику. В 22 статьях главы II «Устава» 1804 года определялись не только обязанности учителей всех ступеней школ в преподавании предметов, но и моральные основы личности учителя. Особое значение уделялось дисциплине учителя во время его работы. «Учителя должны с точностью наблюдать учебные часы <…> никогда не пропускать классов, не уведомя о том заблаговременно» училищное начальство. А в случае отсутствия учителя (пропуски уроков разрешались только по уважительной причине) необходимо было заменять преподавателя другими учителями или «с более успевшим учеником повторять с прочими прежние уроки» [18; ст. 309]. Свой предмет учитель должен был вести строго по программе. В статье 36 указывалось, что он «не должен вмешивать ничего постороннего и до учебных предметов некасающего» [18; ст. 310]. Статьи «Устава» определяли облик учителя с точки зрения морали и нравственности. «Учитель должен быть терпеливым и исправным и полагаться на свою прилежность и порядочные правила» (ст. 40), «кротость, ласковость, терпение и внимание к их (учащихся. – *Е. К.*) пользе, сердцу родителей свойственные» (ст. 42). Отметим, что в «Уставе учебных заведений» 1828 года количество статей, посвященных моральным и нравственным основам личности учителя, значительно увеличилось. Статьи этого устава предписывали благонравное поведение наставникам во время службы в училище и в быту. Так, для определения на должность учителя необходимо было не только доказывать на специальных испытаниях право на преподавание учебных предметов, но и «предоставлять достоверные сведения в беспорочном поведении» [19; ст 162]. Училищное начальство обязано было знать «об их (учителях. – *Е. К.*) нравственных качествах и поведении» [19; ст. 155]. Учителя же, в свою очередь, должны были повиноваться училищному начальству и в точности выполнять все его распоряжения и предписания. В отношении к учащимся школ преподавателям необходимо было следить «за нравственностью воспитанников» (ст. 77), «действовать на юные души воспитанников, служа для них примером благонравия, трудолюбия, точного, ревностного исполнения долга и строгого наблюдения не только правил чести, но и необходимых приличий общежития» [19; ст. 180]. Таким образом, учитель своим нравственным обликом и достойным поведением в обществе должен был выполнять свою главную обязанность – «образовывать умы и сердца вверенных ему юношей» [19; ст. 180].

В начале XIX века в учебных заведениях Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний служили учителями выпускники Новгородской, Архангельской, Тверской, Московской и других духовных семинарий и местных главных народных училищ. Так, в Архангельском Главном народном училище (до приезда первых выпускников Петербургского Педагогического института в 1808 году) учителями служили выпускники Тверской и Архангельской духовных семинарий, а также Архангельского Главного народного училища. Только начальник Архангельской дирекции В. Л. Сильвестров окончил Учительскую гимназию в Петербурге. В губернских учебных заведениях Петрозаводска и Вологды трудились выпускники Архангельской, Новгородской и Владимирской духовных семинарий. Выпускники Петербургской учительской семинарии стали преподавать в северных провинциальных училищах с конца XIX века, они и составили основные педагогические кадры учебных заведений северных провинций в это время. В 1802 году в Главное народное училище Петрозаводска прибыли П. А Лопатинский, Г. К. Ореховский и М. А. Копосов, в Вологду в 1804 году – А. Яхонтов и В. Двинский.

Оказавшись вдали от центра, в глухом провинциальном городе, выпускники сталкивались с большими трудностями не только в профессиональной деятельности, но и в быту. Приезжая на «учительские места», молодые учителя обычно сталкивались с проблемой нехватки учебных пособий, теоретических и практических руководств по преподаванию учебных предметов, кроме того, в классах-кабинетах было незначительное количество наглядных таблиц, карт, приборов, остро стояла проблема с учебниками и письменными принадлежностями. В таком положении находилось большинство главных и малых народных училищ на окраинах империи.

В России преобразование Главных народных училищ в гимназии нового типа началось после издания «Устава» 1804 года, но велось далеко не энергично и продолжалось почти 20 лет. В 1808 году в Санкт-Петербургском уездном округе из пяти губернских городов лишь в трех существовали гимназии, в Казанском – из 13 городов только в 5, в Харьковском из 11 – 8, в Виленском из 8 – 6. Только в Московском учебном округе дело по открытию гимназий обстояло лучше – во всех 10 городах округа были открыты средние школы [38; 179, 189]. В северных провинциях России одной из первых была преобразована Вологодская губернская гимназия (1804 г.), Олонецкая – в 1808 году, позже всех появилась Архангельская – в 1811 году.

Главные народные училища северных губерний в то время не располагали никакой материальной базой. По сообщению директора Олонецких народных училищ С. А. Ушакова попечителю Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцеву в 1803 году, в училище «никаких физических и математических пособий не находится, равно и натурального кабинета. В библиотеке же имеется одно присланное от господина тайного советника Н. Н. Новосильцева периодическое издание о средствах народного просвещения» (имеется в виду «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения», издававшееся с 1803 года) [20]. В таких нелегких условиях надо было начинать службу молодым учителям.

К трудностям преподавания добавлялась неустроенность быта. Чаще всего учителям отводились квартиры прямо в училищных домах. Иногда молодых учителей селили в наемные квартиры за небольшую плату. Обычно это были комнаты в домах городских жителей. А. Е. Крылов, директор Олонецких училищ, сообщал Н. Н. Новосильцеву в 1804 году, что учителя «помещаются сами в чердаках, весьма тесных и холодных, подверженных зимой угару, которые состоят из двух покоев, даже и кухни не имеют» [21]. Значительно позже, после ремонта здания училища, учителя селились в здании Олонецкой гимназии, где занимали боковые комнаты. Молодых педагогов, направленных из Петербурга в Архангельскую гимназию в 1808 году, – К. В. Васильева и В. Баранова – по распоряжению губернатора разместили на частных квартирах за свой счет [22]. Тяготила приезжих и дороговизна жизни на северной окраине России. «Край пустой, и все ужасно дорого, и такие квартиры можно дешевле нанять в Санкт-Петербурге», – писал из Петрозаводска один из бывших студентов [1].

Тяжелые условия службы, неустроенность быта, суровый климат Российской империи оказывали негативное влияние на здоровье 20–22-летних выпускников. Несомненно, большое значение имело и психологическое состояние учителя, заброшенного в глухой край. Оказаться в провинциальном городе после нескольких лет, проведенных в столице, наполненных интенсивной интеллектуальной деятельностью и яркой «столичной» жизнью, было тягостно. Привыкнуть к этому было трудно, многие из приехавших годами испытывали дискомфорт. Не случайно количество смертей учителей в молодом возрасте было невероятно высоким по округу в целом. Пример тому – судьбы студентов, распределенных в Олонецкую гимназию в 1808 году. Многие из них заболевали и не доживали до пенсионного возраста. Только один из них, Н. О. Куняев, вышел на пенсию по выслуге 25 лет в 1834 году, трое (И. Д. Егорьевский, П. С. Соболев и И. Д. Яконовский) скончались в возрасте 26–36 лет.

Важно заметить, что судьбы выпускников в первой половине XIX века были под пристальным вниманием Конференции Педагогического института, а позже – Правления Петербургского университета. В местных архивах сохранились донесения директоров народных училищ об учителях, их материальном положении, справочные сведения местных врачей о состоянии их здоровья, сообщения о причинах смерти. Просьбы учителей о материальной помощи через директоров училищ рассматривались в Совете университета, а затем – в канцелярии попечителя учебного округа. Так, в 1826 году от Совета Императорского университета в адрес попечителя учебного округа К. М. Бороздина поступило представление о выдаче денежного пособия учителям Архангельской гимназии К. В. Васильеву, Е. П. Смирнову, Л. С. Левитскому и И. А. Никольскому в связи с их тяжелым материальным положением [17].

В учебных «Уставах» кроме непосредственных обязанностей учителей по преподаванию указывались и «посторонние», то есть обязанности, которые должны были выполняться учителем без дополнительной оплаты. «Сей труд относится к числу посторонних обязанностей Учителей, за которые они имеют ожидать особенной награды, если оный достоин будет уважения», – говорилось в «Уставе» 1804 года [18; ст. 315]. В статье 51 «Устава» учителям гимназий предписывалось «вести записку заведенным и впредь заводимым училищам, как в губернском, так и в уездных городах и других окрест-

ных местах Губернии» [18; 314]. В этих исторических заметках необходимо было указывать даты открытия училищ, сведения о министре народного просвещения, о попечителе, директоре, смотрителях и учителях. Они должны были составляться ежегодно и посылаться в университет.

К составлению таких исторических описаний обычно привлекали учителей истории. Так, записки об истории учебных заведений в Олонецкой губернии по поручению директора А. Е. Крылова, как сообщал последний в 1806 году в своем донесении Н. Н. Новосильцеву, вел учитель всемирной и естественной истории: «П. А. Лопатинский ведет записку заведенным и впредь заводимым училищам в Олонецкой губернии» [21]. Его труд был опубликован в газете «Олонецкие губернские ведомости» в 1889 году, вероятно, по сохранившейся рукописи. В Национальном архиве Республики Карелия находится «Историко-статистическое описание состояния народных училищ Олонецкой губернии со времени учреждения оных», составленное в 1834 году неизвестным автором [2]. По-видимому, это был А. С. Бельзовский, так как именно он преподавал в этот момент в Олонецкой гимназии историю и статистику.

«Уставы» предписывали учителям сверх преподавания уроков дополнительные занятия с учениками, например, учителя должны были ходить с учениками за город на экскурсии и «показывать им в сих прогулках различные роды мельниц, гидравлических машин и других механических предметов, если оные находятся в окрестностях того места, где состоит гимназия» [18; ст. 307]. Во время прогулок вместе с учениками предписывалось собирать травы, различные виды грунтов, камней и объяснять их свойства и отличительные признаки. В Петрозаводске такие экскурсии в 1811 году проводил учитель П. С. Соболев. Вместе с учащимися гимназии им был собран гербарий, который пополнил коллекцию учебных пособий Петербургского педагогического института. «В Санкт-Петербургский педагогический институт отправлен собранный трудами учителя Петрозаводской гимназии Соболева гербарий», – сообщал в 1814 году ведомственный журнал [42; 186].

Учителям физики и математики предписывалось вести метеорологические, топографические и статистические записки. Такие наблюдения в Вологодской гимназии вел А. Мудров, в Олонецкой – М. И. Троицкий. Многие учителя без вознаграждения выполняли обязанности библиотекарей в училищных библиотеках.

Нехватка учебных пособий сказывалась на качестве и методах преподавания. Эта проблема могла быть решена только силами самих учителей, так как Министерство народного просвещения в начале XIX века еще не располагало необходимым списком учебных пособий по всем предметам. Одни учителя довольствовались тем немногим, что было в училищной библиотеке, другие старались сами написать учебники по предметам, используя собственный опыт преподавания и ранее изданные пособия. По сообщениям визитаторов и директоров народных училищ, такие рукописные методические пособия составляли учителя Олонецкой гимназии И. Ф. Яконовский, Н. О. Куняев, П. С. Соболев, М. И. Троицкий. За неимением учебников и методических руководств обучение велось по «запискам и собственными прибавлениям, замечаниям и объяснениям» [15]. Частные методики и способы преподавания имели педагоги и в других гимназиях Санкт-Петербургского учебного округа.

Для улучшения качества преподавания учителя предлагали внести изменения в программу изучения отдельных предметов. Н. Н. Поздняков, учитель Олонецкой гимназии, в 1837 году сделал предложение попечителю Петербургского учебного округа по изменению программы преподавания французского языка в губернских гимназиях. «Необходимо начать в гимназии обучение французского языка, по крайней мере, с третьего класса», – писал он, предлагая для этого уменьшить количество часов в неделю, отводимых на чистописание и рисование в третьем классе гимназии [3]. Интересен ответ попечителя на предложение: согласен, но без дополнительной платы учителю. На Совете гимназии решили: «…утвердить обучение французскому языку в Олонецкой гимназии с 3-го класса и принять нововведение с 1 августа 1837 г.» [4] Так училищное начальство поощряло инициативу снизу, но оплачивать различные новшества и предложения не собиралось.

Для распространения среди горожан физических знаний учитель гимназии в г. Петрозаводске Э. А. Мудров в ноябре 1840 года разработал программу публичных лекций по физике. Его прошение об официальном разрешении проводить публичные лекции в здании гимназии по субботам было представлено начальству. Оно попало сначала к директору народных училищ Олонецкой губернии М. И. Троицкому, затем к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа М. А. Дондукову-Корсакову и министру народного просвещения С. С. Уварову. В результате официальной переписки учителю разрешили проводить лекции по утвержденной министром народного просвещения программе. «Я согласен на дозволение старшему учителю Э. А. Мудрову открыть в г. Петрозаводске публичный курс физики по одному разу в неделе в продолжение нынешнего зимнего времени», – писал С. С. Уваров М. И. Троицкому в декабре 1840 года [24].

В 1840 году министр народного просвещения официально разрешил учителям губернских гимназий и уездных училищ составлять учебные и методические пособия. Такое нововведение было сделано по предложению попечителя Казанского учебного округа, который после обозрения подведомственного округа в 1838 году

обратил внимание, что учителя по учебной части ограничивают свои занятия одним преподаванием в классах. Большая часть наставников не следят за развитием науки и «уклоняются от умственной деятельности в возрасте наиболее к тому доступном и способном к науке, преимущественно в практическом их применении, теряют многое...» [25]. По Казанскому учебному округу уже в 1838 году были сделаны соответствующие распоряжения о доставлении попечителю округа «рассуждений об отраслях преподавания или наук». Это могли быть «исследования о лучшем способе преподавания», «критические трактаты» о существующих учебных руководствах, «переводы замечательных статей, этнографические и топографические записки, исторические исследования местных событий, описание древностей, собрание местных поверий и т. п.» [25].

С. С. Уваров предложил попечителю Петербургского учебного округа сделать подобное распоряжение по своему округу. В мае 1840 года директорам народных училищ было предложено представить работы авторов, которые «следят за ходом в ученом мире преподаваемого предмета, стремятся к обогащению науки новыми фактами, занимаются улучшением учебных руководств, методов преподавания или другими учеными и литературными изысканиями» [25]. Необходимо отметить, что для утверждения научный труд учителя должен был пройти ряд инстанций. Вначале автор представлял свой труд директору народных училищ, затем от имени дирекции училищ делалось представление на имя попечителя учебного округа. Далее рукопись попадала на экспертизу к профессорам Петербургского университета, которые составляли отзыв об этом сочинении с указанием положительных и отрицательных качеств работы. Рукопись, как правило, рассматривалась на Совете университета. Если работа признавалась достойной напечатания, то есть утверждалась на Совете и получала одобрение попечителя учебного округа, ее публиковали отдельным изданием с разрешения министра народного просвещения. За свой труд учитель получал гонорар 200 рублей и небольшой процент с продаж. Процедура утверждения таких рукописей занимала около 2 лет. Иногда министерство за неимением средств на издание учебных пособий предлагало другим министерствам и ведомствам издать их. Так, учитель Олонецкой гимназии Э. А. Мудров составил курс коммерческой бухгалтерии, на основании которого Министерство финансов в 1844 году издало учебное пособие «Счетоводство для всех видов и родов торговли» [26]. В Архангельской гимназии И. А. Никольским было издано «Общее обозрение географии для 1 класса». В Вологде учителями гимназии Н. Иваницким составлено учебное руководство к преподаванию логики и риторики, А. Поповым – «Русско-греческий словарь», А. Иваницким – «Собрание арифметических задач с присовокуплением полного перечня числительного искусства» [27]. Таким образом, училищное начальство, приобщая учителей гимназий к научной работе, давало им возможность совершенствовать и применять свои знания.

Часто дирекция народных училищ привлекала учителей гимназии к инспекторским поездкам по уездным и приходским училищам губернии. По окончании командировки учителя составляли подробные отчеты о состоянии школ. Такие обозрения по Олонецкой губернии в разное время составляли Г. К. Ореховский, Н. О. Куняев, М. И. Троицкий. Примечательно, например, что И. Муромцев, учитель Вологодской гимназии, после посещения школ в отдаленных селах и деревнях не только составлял отчеты, но и публиковал свои записки в «Вологодских губернских ведомостях» [40]. При посещении училищ, особенно сельских, учителя встречались с местным населением, духовенством и призывали крестьян открывать в деревнях приходские училища. Обозрение совершалось без дополнительной оплаты, и, кроме прогонных денег, визитаторы не получали ничего сверх жалования.

Во время отсутствия директоров народных училищ (по случаю их отпусков, командировок, болезни) исполняющими должность директора училищ назначались старшие учителя гимназий. Например, старшие учителя Олонецкой гимназии М. А. Копосов (в 1806–1807 годах), Н. О. Куняев (в 1813–1814 годах), Архангельской – И. А. Никольский (в 1832–1833 годах) замещали начальников училищных дирекций. Нередко педагогов привлекали к исполнению общественных поручений в качестве членов различных общественных организаций. Так, в Петрозаводске М. И. Троицкий и Э. А. Мудров являлись членами тюремного комитета и были отмечены за усердную работу в этом комитете «Всемилостивейшим удовольствием императора» [26]. В Вологде учитель гимназии Н. И. Левицкий был членом цензурного комитета «Вологодских губернских ведомостей».

Нравственность и поведение учителя, как в службе, так и в быту, становились особым предметом внимания столичного училищного начальства. Обозревая учебные заведения округа, визитаторы обязаны были наблюдать за нравственным обликом наставников и в своих отчетах об осмотре училищ доносить о поведении, настроении, образе жизни педагогов. Такие представления визитаторов (профессоров университета) и попечителей учебных округов на имя министра народного просвещения были важным фактором, определявшим возможности карьерного роста: перехода на более престижное место, получения следующего чина или должности, награды за выслугу лет, прибавки к жалованию. Так, попечитель Петербургского учебного округа С. С. Уваров в своем докладе министру народного просвещения А. К. Разумовскому по результатам ревизии профессора Императорского университета П. Д. Лодия Олонецкой, Архан-

гельской и Вологодской дирекций в 1811 году сообщал, что учителя всех этих гимназий «в полной мере признательны к правительству и начальству за образование свое» [16]. А в 1834 году по итогам такой же ревизии в отчете попечителя учебного округа М. А. Дондукова-Корсакова Николаю I отмечалось: «…нравственное направление наставников и юношества подает самые утешительные надежды <…> педагоги гимназий пользуются уважением и заслуживают отличную похвалу» [14].

Учитель был под постоянным наблюдением инспектора и директора гимназии, смотрителя училищ, чиновников местной администрации (земских исправников, городничего, губернатора), родителей учеников. Директора в своих годовых отчетах по ведомству, составляя списки учителей гимназий и уездных училищ, давали характеристику поведения каждого. Представления директоров и смотрителей училищ о педагогах изобилуют свидетельствами о «благонравном» поведении. Так, об учителе Н. О. Куняеве директор Олонецких училищ С. А. Башинский в 1818 году писал: «Прилежен и довольно успешен, поведения благородного и отличного» [28]. В ходатайстве о награждении орденами Св. Анны III степени М. И. Троицкого и М. А. Копосова в 1832 году указывалось: учителя прилежны, ответственны, «благородного образа мыслей» [6].

Но были и другие примеры, когда поведение учителей характеризовалось как недостойное, неблаговидное, при этом чаще всего имелось в виду пьянство. Интересен тот факт, что сигналы о «неблагонравном» поведении учителя поступали в то время, когда учитель находился уже в зрелом возрасте. Упоминания «о периодической болезни как последствии временной невоздержанности» [7] учителей появлялись в отчетах директоров народных училищ и смотрителей училищ всех дирекций столичного учебного округа. Одни из таких нерадивых учителей были молодыми специалистами, не выдержавшими трудностей быта на Севере, другие – опытными и уважаемыми учителями, которые неоднократно получали благодарности по службе. Одну из причин столь недостойного в учительской среде порока указал в своем заявлении учитель П. А. Лопатинский в 1808 году, увольняясь от должности после 6-летнего срока службы в Петрозаводском главном народном училище. Он, в частности, писал: «Путь, который предпоказан учителям к приобретению высших университетских званий, для меня кажется неприступным. В продолжение более нежели пяти лет не имею я так как и теперь ни частных, ни училищных пособий к усовершенствованию своих знаний. Сверх того, напрасно ожидание любых выгод, назначенных учителям гимназии» [29]. Таким образом, талантливые педагоги, которые способны были многое сделать не только на педагогическом поприще, но и в науке, натыкались на серьезные препятствия. Трудно было тем, кто понимал и оценивал свои способности по достоинству, но не мог применить их на практике. Именно эта группа педагогов подвергалась опасности спиться или погибнуть в далекой провинции, так и не реализовав себя в полной мере.

Контроль училищного начальства над учителями затрагивал и их личную жизнь. Учителя обязаны были по закону, так как они относились к чиновникам, испрашивать у директора народных училищ разрешения на женитьбу. В Национальном архиве Республики Карелия сохранились прошения А. И. Мещерского 1834 года на второй брак с воспитанницей Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома Настасьей Ивановой. «Я вдов, – писал А. И. Мещерский в прошении, – и со стороны училищной к занятию такого брака препятствий не имею» [8]. Нами также найдено прошение Э. А. Мудрова 1837 года на брак с дочерью коллежского асессора Василия Аберхалтина Любовью [9].

Для поездки во время летних каникул домой к родителям или в Санкт-Петербург необходимо было также просить позволения у директора училищ, который о перемещении учителя в свою очередь докладывал попечителю учебного округа и составлял приказ о его увольнении в отпуск во время летних вакаций. Такие «увольнения» в разные годы учительской службы получили Н. О. Куняев, А. С. Бельзовский, К. В. Баранкоев, И. И. Анциферов и другие. Перемещение учителя из одного училища в другое также было под контролем не только губернского училищного начальства, но и Совета университета. Так в 1834 году решился перевод Н. В. Талицкого из Каргопольского уездного училища в Олонецкую гимназию на преподавание географии и российской грамматики [10].

Приезжая на новое место, учителя по долгу службы вынуждены были контактировать со многими жителями города. Находясь в социальном пространстве провинциального города, учителю приходилось выстраивать взаимоотношения сразу на нескольких уровнях. Это были не только ученики гимназий и училищ, коллеги по службе и училищное начальство, но и родители учащихся, представители губернской администрации. Надо отметить, что в архивных документах сведений о конфликтных ситуациях, участниками которых становились учителя, немного. Ситуации конфликта с родителями учеников возникали при высказывании ими недовольства качеством преподавания предметов. Некоторые родители обвиняли учителей в недостаточном знании предмета. Иногда замечания педагогам выражали инспектора гимназий по поводу их «нетрезвого поведения».

Особого внимания требует рассмотрение вопроса о семейном положении учителей, служивших в провинциальных губернских гимназиях. Приезжая на новое место службы, молодые педагоги достаточно быстро вступали в брак. Обычно их женами становились дочери чинов-

ников или учителей. Все учительские семейства были многочисленны. Например, в семье учителя Олонецкой гимназии М. А. Копосова было десять детей, в семьях Н. В. Талицкого, А. И. Мещерского, В. Л. Сильвестрова – по семь, у Н. О. Куняева – четверо. Все мальчики из семей учителей после окончания городских уездных училищ обучались в гимназии. Во время учебы учительские дети всегда характеризовались положительно. Все они прилежно учились, имели награды за отличные успехи. Многие из них были казенными стипендиатами в гимназии. Это давало право на продолжение обучения в университете или занятие учительской должности в уездных или приходских училищах. Так дети учителей после окончания Олонецкой гимназии приступали к работе в качестве учителей не только в губернской гимназии, но и в уездных и приходских училищах. Например, сын Н. О. Куняева Павел был преподавателем в Олонецкой гимназии, а сыновья И. Д. Воскресенского Николай и Павел Воскресенские работали в Вытегорском уездном и Петрозаводском приходском училищах соответственно. Важно заметить, что учителя заботились и об образовании своих дочерей. Многие из них обучались в приходских училищах или в частных школах, открытых в городах Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний с 1834 года.

Уже в первой половине XIX века постепенно стали складываться учительские династии. Это Копосовы из Олонецкой губернии, Фортунатовы, Протопоповы и Иваницкие из Вологодской губернии. Одним из ярких примеров учительской династии и верности делу просвещения может служить семейство М. А. Копосова. Все шесть сыновей Михаила Андреевича после окончания Олонецкой гимназии продолжили дело отца и стали учителями. Старший сын Павел служил учителем в Петрозаводском приходском училище, Иван был учителем в Олонецкой гимназии. Владимир, Александр, Петр в разное время стали студентами Петербургского университета, вернулись после его окончания домой в г. Петрозаводск, служили в гимназии. Затем Александр и Петр уехали в Санкт-Петербург, где Александр Копосов служил учителем в 1-й Санкт-Петербургской гимназии, а Петр Копосов стал директором 4-й Санкт-Петербургской гимназии. Николай Копосов окончил Олонецкую гимназию с серебряной медалью и «поступил в Императорскую Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую Академию в число казеннокоштных студентов» [11].

Как правило, учительские семьи жили бедно. Жалования учителя не хватало на содержание многочисленного семейства. Для увеличения жалования учителя брали дополнительную нагрузку, совмещая несколько вакансий. Но чрезмерная загруженность сказывалась на их здоровье. Как отмечает К. М. Петров в своем историческом очерке об Олонецкой гимназии, «беспрестанные и бессменные занятия делаются тягостными и изнуряют здоровье» [43; 10]. В архивных документах сохранились многочисленные ходатайства жен учителей в дирекцию народных училищ о материальной помощи на лечение детей, на погребение членов семьи и так далее. В 1833 году в семье М. А. Копосова заболел сын Иван, ставший учителем гимназии, для его лечения необходимы были средства. Семья учителя их не имела. Директор народных училищ обратился к попечителю Петербургского учебного округа с прошением о выделении денег на лечение, в котором писал: «…отец его обременен многочисленным семейством, при ограниченном состоянии не может составить ему никаких способов к исцелению» [12]. Средств на лечение Ивана Копосова выделено не было, ему пришлось по состоянию здоровья оставить учительскую службу, а в 1834 году он скончался.

Нередко в семьях учителей не было даже денег на похороны. Дирекции народных училищ такую помощь всегда оказывали. Так, после смерти П. С. Соболева в 1817 году директор Олонецких народных училищ С. А. Башинский сообщал в своем донесении попечителю учебного округа С. С. Уварову, что «приняв в уважение бедность оставшейся после него жены его Матрены Соболевой выдано на погребение мужа 75 руб.» [30]. Смерть учителя, не выслужившего пенсию, обрекала его многодетную семью на нищенское существование. Материальная помощь вдовам таких учителей по закону была единовременной – в размере годового жалования мужа или того меньше. Картину бедственного положения учителей провинциальных гимназий иллюстрируют воспоминания и дневники, составленные визитаторами и бывшими учащимися гимназий. А. В. Никитенко, профессор Петербургского университета, посетивший с ревизией учебные заведения Санкт-Петербургского учебного округа в 1834 году, увидев тяжелое положение учительства, записал в своем дневнике: «Участь учителей незавидная. Общество смотрело на них холодно. Никто их не поощрял, а вознаграждения едва хватало на дневное пропитание» [41; 60]. Неслучайно в периодической печати в середине XIX века стали появляться заметки, авторы которых говорили о необходимости улучшения материального положения учителей. В 1868 году М. П. Погодин в своих школьных воспоминаниях предлагал обеспечить учителей государственным жильем и позволить им «иметь нахлебников», то есть пансионеров – учеников школ, которые за определенную плату будут проживать в домах учителей [44; 629]. Таким образом, материальная необеспеченность и низкое социальное положение учителя делали педагогическую карьеру для молодых людей непривлекательной и заставляли искать другой род службы. Многие называли труд учителя «неблагодарным». Однако официальные оценки положения учительства были более оптимистичны.

Так, член Министерства народного просвещения А. С. Воронов, подводя итоги учебной реформы 1804 года, отмечал в 1828 году, что в начале XIX века в России появилось «новое поколение наставников, облагороженных, обеспеченных в жизни» [33; 102]. Кроме всего вышесказанного следует иметь в виду и еще одно обстоятельство, влиявшее на качество учительского контингента в северных губерниях: Олонецкая губерния рассматривалась училищным начальством не только как место службы выпускников университета, но и как место для исправления нерадивых студентов и учителей. В мае 1812 году студенты Педагогического института в Петербурге Александр Розанов и Петр Беликов были наказаны за «предосудительные проступки» и отправлены в Олонецкую губернию «на исправление». Их проступок состоял в том, что вместо посещения Щукиного двора, куда они отпросились за покупками, студенты побывали у своего друга – офицера Семеновского полка, «откуда возвращались пьяные и попались навстречу неизвестному ремесленнику-немцу», который провожал даму [31]. По словам немца, А. Розанов и П. Беликов сорвали с дамы платок, после чего он закричал «Караул!». На крик подоспел дежуривший караул.

О неблаговидном поступке А. Розанова и П. Беликова стало известно не только Конференции института, но и попечителю Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварову и министру народного просвещения А. К. Разумовскому. Высшим учебным начальством было предложено наказать студентов за «худой» поступок «временным удалением из Института в Олонецкую губернию на исправление с предложением тамошнему директору, чтоб строжайше наблюдал за ними» [32]. В Национальном архиве Республики Карелия сохранились ежемесячные донесения директора народных училищ Олонецкой губернии Н. П. Ушакова о благонравном поведении этих студентов, ведомости прихода и расхода их годового содержания (по 200 рублей на каждого).

На такое же «исправление» в августе 1834 года был направлен бывший выпускник Петербургского университета, учитель Подольской гимназии А. И. Мещерский, который был уволен из гимназии по предписанию попечителя Харьковского учебного округа «за нетрезвое поведение» [13]. За А. И. Мещерским, назначенным учителем Олонецкой гимназии, был установлен надзор со стороны директора народных училищ М. И. Троицкого. Каждые два месяца М. И. Троицкий направлял попечителю Петербургского учебного округа донесения о поведении учителя. Но А. И. Мещерский только первые полгода вел себя достойно, а затем продолжил нетрезвый образ жизни, о чем незамедлительно было сообщено попечителю учебного округа. Несмотря на все прошения А. И. Мещерского «о пощаде многодетного семейства» (в семье было семеро детей), его уволили из училищного ведомства в 1835 году [13].

Таким образом, среди учителей выделялось несколько типов. Один из них был представлен молодыми общественно активными учителями-тружениками, которые работали в провинциальных гимназиях в течение 30–35 лет, причем часто на одном и том же месте. Тем, кто оставался по истечении обязательного 6-летнего срока службы и продолжал работу в гимназиях, приходилось преодолевать ежедневные бытовые трудности провинциальной жизни. Приезжая по распределению на окраины России, они достаточно быстро устраивали там свою семейную жизнь. Обычно все дети больших учительских семей обучались в тех же училищах, где работали их отцы, получая возможность продолжить свое обучение в Петербурге, став казенными стипендиатами университета и восстановленного в 1828 году Главного Педагогического института, существовавшего до 1858 года. Несмотря на небольшое жалование, трудности быта, неустроенность жизни, такие учителя-труженики «занимались со всей своей энергией с детками, но в результате все-таки оставались в голоде, нищете и безотрадном положении» [36; 300].

Значительная часть учителей не выдерживала трудностей провинциальной жизни и покидала училища через 6 лет работы. Одни из них оставались в тех же городах и переходили на работу в другие ведомства, другие уезжали на более «выгодные» места поближе к столице или к месту жительства родителей. «Молодой идеализм новичка-учителя через 5 лет проходил безвозвратно, он начинал проникаться апатией к своему делу и мечтал о другом месте, как о “манне небесной”» [36; 300].

Была еще одна группа учителей, которая не находила возможности реализации своих способностей, не видела перспектив в профессиональной деятельности учителя. Про таких педагогов бывшие гимназисты говорили: «…люди ограниченных сведений. Учителя не следят за развитием своего предмета и не находят в этом никакой физической потребности» [46; 245]. Они постепенно входили в состояние депрессии, свои педагогические обязанности выполняли плохо, спивались, постоянно получая нарекания со стороны училищного начальства, их переводили в дальние от губернского центра уездные училища или совсем увольняли из училищного ведомства.

Среди учителей провинциальных гимназий северных губерний России было много хороших специалистов, обладавших глубокими знаниями, незаурядных личностей, интересы которых не замыкались рамками учительской деятельности. Значительный вклад в развитие народного образования северного края внесли А. Е. Крылов, М. А. Копосов, Э. А. Мудров, Ф. Н. Фортунатов, Н. И. Левитский, В. Л. Сильвестров, И. А. Никольский и многие другие педагоги. Это были

люди высокой культуры, страстные поборники своего дела. Несмотря на трудные условия преподавания и быта, тяжелое материальное положение и непонимание идей просвещения обществом, многие педагоги отдавали все свои силы на дело развития образования.

В воспоминаниях бывших гимназистов первой половины XIX века предстают образы «любимых учителей», которым свойственны увлеченность своим делом, живое движение души, яркость и своеобразие характеров, чуткость к людям, способность понять особенности детства и юности, разделить сомнения, тревоги и помыслы учеников. Главное, что отмечают мемуарные источники в работе педагогов, – побуждение учащихся к самосовершенствованию, воспитание интереса к науке, доверительного и ответственного отношения к научному знанию. Сами учителя, анализируя свой труд на благо просвещения, утверждали, что педагогическая деятельность «привлекала и пробуждала к себе чувство святого почтения. Распространение грамотности казалось делом, стоящим того, чтобы положить на это все силы, лечь костьми! Мы утешали себя тем, что работаем для народа» [36; 302].

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 17. Оп. 2. Д. 2/8. Л. 24.
2. НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 2/8. Л. 679.
3. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/11. Л. 729.
4. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/14. Л. 386.
5. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 4/9. Л. 300.
6. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 3/6. Л. 700об.
7. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. 3/6. Л. 298.
8. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/11. Л. 382.
9. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/13. Л. 33
10. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/12. Л. 418.
11. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 4/8. Л. 409.
12. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 3/7. Л. 10.
13. НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 4/8. Л. 184об.
14. Общий отчет, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1834 г. СПб., 1835. С. 35–41.
15. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 25.
16. РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 11об.
17. РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 51.
18. Устав учебных заведений, подведомых Университетам // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1875.
19. Устав учебных заведений // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I. 1802–1825. СПб., 1875.
20. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 16. Л. 37.
21. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 89. Л. 1.
22. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 328. Л. 10.
23. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 227. Л. 1.
24. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4674. Л. 1.
25. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4668. Л. 4.
26. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4861.
27. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4677, 4847.
28. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1878. Л. 123.
29. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2163. Л. 4.
30. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1692, Л. 1.
31. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 739. Л. 1.
32. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 739. Л. 4об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

33. Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1775 по 1828 г. СПб., 1849. 294 с.
34. Дальман С. В. Развитие системы управления народным образованием в России во второй половине XIX века. СПб.: Нестор, 2007. 296 с.
35. Дореволюционная гимназия: содержание и организация обучения. М.: Центр «Педагогический поиск», 2000. 159 с.
36. Записки покойного учителя // Исторический вестник. 1888. № 8. С. 296–337.
37. Кандаурова Т. Н. Из истории провинциальной гимназии // Педагогика. 2001. № 3. С. 21–24.

38. Князьков С. В., Сербов Н. А. Очерки истории народного образования в России до эпохи Александра II. М.: Польза, 1910. 240 с.
39. Михащенко А. Л. Становление и развитие образования в Российской провинции в 1719–1917 гг. Курган: Курганский гос. университет, 2004. 332 с.
40. Муромцев И. Сельцо Ковырино // Вологодские губернские ведомости. 1852. № 24.
41. Никитенко А. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетелем был. Записки и дневники. СПб., 1905. Т. 2. 575 с.
42. Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1814. № 38. С. 186–187.
43. Петров К. М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 г. Материалы для истории учебных реформ // ЖМНП. 1874. Кн. 176. С. 1–23.
44. Погодин М. П. Школьные воспоминания 1814–1820 гг. // Вестник Европы. 1868. № 7–8. С. 603–630.
45. Рыболова Е. О материальном положении учителей гимназии // Учитель. 2003. № 2. С. 80–82.
46. Подслушал К. М. // Журнал для воспитания. 1859. № 5. С. 236–245.
47. Синицина П. Т. Развитие народного образования на Европейском севере (досоветский период). Архангельск: Поморский педагогический университет им. М. В. Ломоносова, 1996. 142 с.
48. Сучков И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX веков // Отечественная история. 1995. № 1. С. 62–77.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 8 **История** **2009**

УДК 94(47) “1917–1991”

ЭЙНАР ПЕТРОВИЧ ЛАЙДИНЕН
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник международного научно-образовательного центра по истории и культуре Европейского Севера ПетрГУ
einar.laidinen@onego.ru

ХРОНИКА ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (СУДЬБА СЕМЬИ А. Ф. НУОРТЕВА)

Статья посвящена истории преследования специальными службами ряда стран видного деятеля международного рабочего движения, дипломата и политика, одного из руководителей Карелии 1920-х годов А. Ф. Нуортева и его семьи.

Ключевые слова: Нуортева, спецслужбы, разведка, контрразведка, ВЧК, арест

29 июня 1881 года в семье Нюбергов родился пятый ребенок, которого назвали Александером. Отец – телеграфист Клаус Фредерик Нюберг, родом из шведской семьи, из которой вышли известные ученые, политики, деятели культуры и военные. Мать – русская еврейка из Курска Анна Александровна Сахарова, дочь курского полицмейстера. В семье Нюбергов поддерживался культ России, что было связано не только с тем, что мать была родом из России, но и с тем, что отец в молодости служил младшим офицером в русской армии, а затем работал чиновником на железной дороге Курск–Азов, где и познакомился со своей будущей женой.

В 1906 году, во время кампании феннофильства, А. Нюберг примет финские имя и фамилию – Сантери Нуортева. В России он известен как Александр Федорович Нуортева.

В 1891 году семья из Выборга переехала в Хельсинки, и Александер пошел в шведскую гимназию. Однако в 1898 году по материальным причинам он уходит из 6-го класса гимназии и идет работать. Работал на судах загранплавания, был преподавателем, журналистом [3]. В дальнейшем учился на историко-философском факультете Хельсинкского университета, сдал экзамены на преподавателя, работал учителем, журналистом и редактором ряда газет.

В 1905 году Нуортева женился на учительнице Ирене Софии Густафссон, которая в конце января 1909 года умерла в г. Турку, а через три дня после смерти жены умерла дочь Кертту. С новой женой Санни Туомисто Нуортева познакомился в Тампере. Она по профессии ткачиха, однако в Тампере увлеклась театром и играла на сцене. В 1910 году у них родился сын Пентти, позже в США появятся дочь Кертту и сын Матти [24; 20, 61, 73].

В 1902 году А. Нуортева начал изучать марксистскую литературу и вскоре занялся политикой, вступив в октябре 1904 года в Социал-демократическую партию Финляндии [3]. Молодой политик учится, повышает образование. Его, журналиста, редактора и оратора, называли «восходящей звездой» партии.

В начале XX века в финском обществе спорили: к чему надо стремиться Финляндии? Одни выступали за расширение прав автономии, дру-

© Лайдинен Э. П., 2009

гие – за полную независимость. Нуортева полагал, что Финляндия должна оставаться в составе России. Избираясь депутатом Финляндского сейма, он стоял на социал-демократических позициях, выступал за сотрудничество с буржуазией и не признавал революционных форм классовой борьбы. Коллеги по парламенту, будущие основатели компартии Финляндии (О. Куусинен, Ю. Сирола, К. Маннер), называли его ревизионистом [24; 65].

В 1924 году нарком иностранных дел Г. Чичерин скажет в беседе с послом Швеции, что Нуортева хороший политик, но скорее социал-демократ, нежели коммунист, и он склонен к оппортунизму, что вызывает проблемы. Его правые взгляды отмечал и шведский посол в Москве. У Нуортева не было тесных связей с финскими коммунистами, которые несколько сторонились его. Он не принимал участия в Гражданской войне в Финляндии, в создании финской компартии. В члены ВКП(б) Нуортева был принят с зачетом партийного стажа с 1904 года [3], [24; 167, 183].

Несмотря на умеренность взглядов и приверженность легальной политике, у Нуортева неизменно возникали проблемы с властями стран, где он жил и работал. Они начались в Финляндии, когда он резко критиковал в прессе царскую власть. 20 февраля 1909 года Нуортева приговорили к 6 месяцам заключения по обвинению в «оскорблении его императорского Величества». В декабре 1911 года во избежание нового тюремного срока он с гражданской женой Санни Туомисто и маленьким сыном уезжает в США. Однако 24 января 1912 года его заочно присудили к 7 месяцам лишения свободы [14], [24; 53–54].

В Америке Нуортева работал в социалистической прессе, в 1918 году был полпредом Финляндского революционного правительства, а с мая 1918 года и Советской России в США и одновременно одним из организаторов «Информационного бюро Советской России», которое выступало против иностранной интервенции и за признание республики Советов. Он предпринимает меры по налаживанию дипломатических отношении Советской России с США и развитию взаимовыгодных экономических связей, занимается закупкой техники, продовольствия [23], [16].

В связи с деятельностью в пользу Советской России Нуортева стал объектом интереса американской разведки. Агенты разведки отслеживали его выступления по стране, он задерживался американскими властями. В архивах американской военной разведки сохранилось немало докладов о нем. Их содержание противоречиво: от «не представляет опасности» до «крайне опасен». В рапортах Нуортева называют человеком, принесшим в США коммунизм и пытавшимся совершить революции. По мнению американской военной разведки, Нуортева является одной из центральных фигур, повлиявших на создание коммунистического движения США [14], [24; 102–104, 428].

В январе 1920 года представитель Советской России в Англии Л. Б. Красин предложил Нуортева быть своим помощником для налаживания экономических отношений с Англией. 24 июня 1920 года Нуортева прибыл из США в Великобританию. Однако еще до прибытия Нуортева американская разведка предупредила своих английских коллег об отъезде из США «опасного смутьяна». В документах Скотленд-Ярда он значился в списках «опасных международных коммунистов». Специальный политический отдел Скотленд-Ярда быстро установил прибытие «смутьяна» в страну, а также выявил его связи с местными коммунистами. Английское правительство подозревало, что деятельность Нуортева выйдет за рамки закона, поэтому в начале июля он был задержан и около недели провел в местной тюрьме. 12 июля 1920 года было принято решение о высылке Нуортева из королевства в Советскую Россию через Данию, так как он «не соблюдал правил пребывания иностранцев в стране» и «прибыл в страну с неофициальными документами» [3], [24; 120, 124–125].

Дания возвратила его в Англию, где он вновь был арестован и, в конце концов, как пишет в автобиографии сам Нуортева, его «на миноноске, посланной тт. Каменевым и Милитиным, доставили в Ревель, откуда приехал в Москву» [3].

Решение о высылке Нуортева обошло весь мир. Госдеп США заявил, что не хотел бы, чтобы Нуортева вернулся в США. Военная разведка США направила в филиалы ориентировку с предупреждением об опасности возвращения Нуортева в страну. Обсуждался вопрос о высылке Нуортева в Финляндию и Советскую Россию, в конце концов, по политическим причинам его выслали через Таллинн в Москву, куда он сам стремился [24; 124–125].

4 августа 1920 года Нуортева был назначен начальником отдела стран Антанты и Скандинавии Наркомата иностранных дел, переименованного позже в отдел англо-романовских стран НКИД, которой он возглавлял в 1923–1924 годах [3]. Во многом это объясняется его обширными международными связями, знанием языков, хорошими контактами с большевиками. Как справедливо отмечает финский историк А. Костиайнен, у него были и другие «заслуги»: оказание помощи Ленину в побеге через Финляндию в 1907–1908 годах, политическая деятельность в Финляндии, активная работа в пользу большевиков в США в качестве оратора и пропагандиста, работа дипломатом и торговым представителем в пользу России. А. Нуортева стоял у истоков установления дипломатических отношений советской страны с Финляндией и Швецией. По данным финской разведки от 29 декабря 1921 года, его кандидатура рассматривалась в качестве представителя России в Хельсинки [14], [24; 132–134]. В 1922–1923 годах А. Ф. Нуортева работал наркомом просвещения Карелии. Но Карелия для него была тесной, в Москве понимали, что Нуортева – фигура международного значения, и в мае 1923 года ЦК ВКП(б) отозвал Нуортева

в Москву в наркомат иностранных дел. Его назначили начальником англо-романовского отдела [3], [24; 151–152]. Попытки направить его на загранработу оканчивались неудачей: Канада, Великобритания, Норвегия отказывали во въезде в страну. И тем не менее в 1924 году Нуортева направили на работу в Швецию в качестве руководителя советского информационного агентства РОСТ (позже ТАСС).

14 августа 1924 года Нуортева с семьей прибыл в Стокгольм. Шведская сторона рассматривала его как «опасного коммуниста», подозревала в причастности к аппарату Коминтерна, считала, что он вмешивается во внутренние дела Швеции. За ним сразу же установили наблюдение, и уже 16 августа первый полицейский рапорт ушел в МИД Швеции. В нем сообщается о предыдущей деятельности Нуортева в США и Советской России. В последующих рапортах обращается внимание на возможную причастность Нуортева к работе в Шведской компартии. После встреч с местными коммунистами полиция ужесточила контроль за Нуортева, инспекторы полиции вызвали Нуортева на допрос. Его допрашивали в том числе о деятельности в США и аресте в Англии. В написанном рапорте делается вывод о том, что Нуортева является опасным человеком. По просьбе МИДа Швеции во избежание напряженности между странами НКИД Советской России отозвал Нуортева в Москву, и 5 октября 1924 года он через Таллинн отбыл из Швеции [24; 163–165]. Отзыв Нуортева из Стокгольма решил проблему, но при этом А. Ф. Нуортева стал разменной монетой двух стран – СССР и Швеции.

Как реагировали спецслужбы Финляндии на появление Нуортева в соседней стране? Следует учитывать, что как самостоятельные подразделения разведка и контрразведка в Финляндии появились в августе 1919 года. До этого они входили в состав 3-го отдела финского Генштаба.

Уже в октябре 1920 года Центральная сыскная полиция (ЦСП) – орган финской контрразведки и тайной полиции – в своих документах отмечала участие Нуортева в мирных российско-финляндских переговорах, однако его роль была незначительной: на переговорах он был «временным помощником» [24; 133]. Предположительно в конце 1920 года ЦСП завела на А. Ф. Нуортева досье за № 135. Это говорит о внимании, которое финская спецслужба уделяла ему: он был всего лишь 135-м человеком, на которого ЦСП завела личное досье. Одним из первых документов в досье является информация финской военной разведки, направленная 29 декабря 1920 года сотрудниками 5-го (агентурного) отдела Генштаба Р. Хейкелем и Э. Малмбергом [13; 35] в финскую контрразведку. В документе сообщается, что финская разведка получила данные из Москвы о том, что «представителем России в Хельсинки или на другую высокую должность планируется направить специалиста по Финляндии Сантери Нуортева…». Дело открывается анкетой на А. Ф. Нуортева, в ней приводятся и материалы царской полиции о его судимости [14]. По нашему мнению, финская сторона отслеживала деятельность Нуортева в Советской России и обменивалась информацией с западными (по крайней мере, со шведскими) коллегами. Так, вскоре после приезда Нуортева в Швецию шведский посол в Хельсинки В. Багген направил в ЦСП информационное сообщение, в котором содержались общие сведения о деятельности Нуортева, особенно о работе в США. Другое сообщение поступило из хельсинкского посольства в начале сентября 1924 года. В нем говорилось о том, что, по полученным из финских кругов Швеции данным, Нуортева является крайне опытным и опасным человеком, о чем говорит и его работа в других странах. Далее сообщалось, что он опаснее других красных финнов и что его можно сравнить с О. В. Куусиненом. Если разрешить остаться Нуортева в Швеции, подчеркивалось в сообщении, то он может стать одним из руководителей красных финских беженцев. В свою очередь, шведов больше интересовали данные о прошлом Нуортева [24; 165–166].

Специальные службы ряда государств (царской России, США, Великобритании, Швеции, Финляндии) повсюду преследовали А. Ф. Нуортева «как опасного для безопасности государства преступника», «как опасного деятеля международного коммунистического движения». Они боялись его революционной деятельности и вмешательства Коминтерна во внутренние дела своих стран. Это отражает общее настроение западных стран в то время: СССР и лиц, находившихся у него на службе, подозревали в распространении большевистской революции за рубеж. С этими подозрениями были связаны и многие предубеждения. Зачастую спецслужбы преувеличивали революционную деятельность Нуортева, и в большей части подозрения в его отношении были необоснованы, его преследовали только за убеждения [24; 158, 166–167].

Нуортева подвергся испытаниям и в Советской России: 19 марта 1921 года он был арестован ВЧК. Вскоре информация о его аресте разошлась по миру. Финский МИД получил об этом телеграмму из Москвы 22 марта 1921 года. На Западе высказывались различные версии причин ареста: шпионаж в пользу Великобритании, причастность к заговору против советского правительства, халатность в делах, спекулятивные аферы его подчиненных. Высказывалось предположение о том, что основанием для ареста послужила информация, полученная советской стороной от американцев [24; 135–138].

В своей автобиографии Нуортева о причинах ареста пишет в одном абзаце: «В этот день (19 марта 1921 года. – *Э. Л.*) был арестован, поскольку мне известно, в результате злостных и бессмысленно-ложных наветов неких товарищей,

прибывших из Америки, с которыми у меня были расхождения по организационным вопросам». Создается впечатление, что он и сам не знал, почему был арестован [3].

Впервые в России о причинах его ареста написал А. М. Плеханов в своей книге «Дзержинский. Первый чекист России» [22; 423], основываясь на материалах Российского государственного архива социально-политической истории. Плеханов пишет, что «19 марта 1921 года ВЧК арестовала Нуортева по обвинению в шпионаже». В связи с его жалобой на необоснованность ареста была создана особая комиссия ЦК РКП(б), которая вынесла заключение, что «ВЧК имела достаточно оснований не только для задержания Нуортевы, но и для содержания его под стражей на все время предварительного следствия до выяснения всех обстоятельств дела». ВЧК обвинил Нуортева в том, что тот принял на пост секретаря отдела стран Согласия и Скандинавии агента английской полиции В. Б. Вильмся (Клерман) (арестованного 19 марта по одному делу с Нуортева), который должен был вскрывать всю, в том числе секретнейшую переписку; не докладывал руководству по ряду важных дел; из его кабинета неоднократно на несколько дней пропадали секретнейшие документы в оригинале; Нуортева о пропаже знал, но никогда об этом не сообщал в ВЧК; он поддерживал тесную связь с представителями правительства Финляндии, неоднократно тайно встречаясь на частных квартирах с секретарем миссии. У Нуортева было обнаружено значительное количество материалов из-за границы, находившихся у него до месяца и предназначенных для ВЧК для принятия мер против шпионов. В его кабинете обнаружена сводка о дислокации частей Красной армии на 20 февраля 1921 года и др. [22; 413–415].

26 марта 1921 года председатель ВЧК информировал Ленина о предъявлении обвинения Нуортева. В этот же день было проведено совещание о работе НКИД, на котором признали необходимым исследовать ведение дела в этом комиссариате, направив туда специально созданную комиссию из пяти человек, а Ф. Э. Дзержинскому поручили «провести через ЦК РКП образование указанной комиссии», в состав которой от ВЧК включить Давыдова, Могилевского и Ягоду. Однако «дело Нуортева» закончилось ничем. 23 января 1922 года его было решено освободить из-под стражи, а в дальнейшем следствие по делу было прекращено. В сентябре комиссия ЦК РКП(б) реабилитировала Нуортева [22; 415].

Можно предположить, что ВЧК воспользовалась ситуацией для наведения порядка в НКИД, избавления от нежелательных лиц и установления контроля над наркоматом. Однако цель ареста Нуортева можно будет узнать только после изучения материалов о нем, возможно, хранящихся в Центральном архиве ФСР России.

Сразу же после освобождения в марте 1922 года Нуортева направили в Карелию, где он проработал с перерывом до 1929 года. Нуортева пользовался большим уважением и доверием в Карелии. Он был наркомом просвещения, руководил внешней торговлей Карелии, был членом Президиума Карельского обкома ВКП(б). По партийной линии он занимался агитацией и пропагандой, был редактором 5 газет. В декабре 1924 года первый «всекарельский староста» А. Шотман был отозван на работу в Москву, и Нуортева был избран руководителем Советской Карелии. Одновременно он стал членом Президиума Карельского обкома партии. Возглавляя ЦИК Карелии в 1924–1927 годах, А. Нуортева поддерживал тесный контакт с высшим руководством СССР, используя это на благо республики [1], [2], [3], [4], [21], [24; 145–147, 167–170].

Во второй половине 20-х годов здоровье Нуортева стало резко ухудшаться. 31 марта 1929 года он умер в одной из ленинградских больниц. Имя второго «президента» Карелии с началом сталинских репрессий оказалось на долгие годы забыто. Если бы он дожил до них, то, возможно, встретился бы в лубянских подвалах со многими из прежних товарищей...

Являясь известным деятелем международного рабочего движения, А. Нуортева стоит на одном уровне с О. В. Куусиненом и Э. Гюллингом. Его всюду преследовали за убеждения, хотя он не был ярым большевиком и сторонником великой коммунистической идеи и был склонен к компромиссам, за что его и считали ревизионистом. Не менее трагична и судьба семьи А. Нуортева.

Его вдова, актриса Санни Нуортева, умерла после войны в Казахстане, куда переехала к дочери Кертту в 1941 году.

Сама Кертту, журналист по образованию, в 1934 году была принята на службу в советскую военную разведку – референтом финского сектора разведывательного отдела ЛВО. В 1934 году она совершила разведпоездку в Финляндию. В августе 1937 года ее арестовали, и через год Особое совещание НКВД СССР приговорило ее к трем годам принудительных работ за совершение преступления по ст. 58–12 (недоносительство о контрреволюционной деятельности) и ст. 121 (раскрытие госсекретов) УК РСФСР. С учетом включения в срок наказания периода предварительного следствия 16 августа 1940 года ее освободили из концлагеря в Казахстане, и она переехала к мужу Льву Варшавскому, освобожденному из лагеря и принятому на работу в НКВД г. Алма-Ата. Но отношения супругов не сложились, и они разошлись [15], [26; 10–12].

С началом войны Кертту рвалась на фронт, но НКВД, забыв о ее судимости, в конце ноября направил ее во внешнюю разведку. С 30 декабря 1941 года до конца марта 1942 года Кертту Нуортева получала разведподготовку в Куйбышеве и Москве. Ей дали оперативный псевдоним

«Эльвина» и готовили для ведения нелегальной разведки в Финляндии. Перед ней был поставлен ряд задач, в частности руководство агентурной сетью разведки НКВД, сбор информации военного, политического и экономического характера [15], [26; 16–18].

В ночь с 29 на 30 марта 1942 года Кертту, с документами на имя Элина Сигрид Хямяляйнен и Сиркка Хелминен, на самолете перебросили в Финляндию. 16 апреля 1942 года она устроилась на курсы косметологов в «Парижский салон» в Хельсинки. Кертту приступила к выполнению задания, однако успела сделать немного. 7 сентября 1942 года ее задержали сотрудники хельсинкского филиала отдела надзора (военная контрразведка), дело вел лично шеф филиала Пааво Кастари. На ежедневных допросах она твердо придерживалась отработанной легенды [15], [26; 63, 115, 154].

Поворотным моментом этой истории стал день 1 марта 1943 года. Именно тогда П. Кастари организовал в кабинете ресторана Хельсинки встречу К. Нуортева с бывшим генеральным секретарем компартии Финляндии Арво Туоминеном. В ходе многочасовой беседы Туоминен на основе своего опыта разъяснил изменение большевизма в период правления Сталина, характер Зимней войны и место СССР и Финляндии в мировой войне. Разговор двух идейных противников закончился победой Туоминена. Кертту сделала выбор и на следующий день начала давать признательные показания [26; 162].

К. Нуортева рассказала о полученном задании, раскрыла агентурную сеть внешней разведки СССР в Финляндии, способы связи и пр. Кроме того, она рассказала о десятках финских коммунистов, расстрелянных в СССР. Военная контрразведка использовала ее и в пропагандистских целях. В июне 1943 года К. Нуортева и Арво Туоминен совместно написали статью «Дорога в Катынь финских коммунистов, перебравшихся в СССР». Весной 1944 года она под псевдонимом Ирья Ниеми написала книгу «Советская воспитанница», в которой рассказала о своей жизни в СССР в 1930-х годах [15], [28], [29].

Несмотря на сотрудничество с финским следствием, суд приговорил Кертту Нуортева к высшей мере наказания. За помилование К. Нуортева выступили ее родственники в Финляндии и Пааво Кастари, который к этому времени стал начальником Государственной полиции. Последний 26 августа 1944 года письменно обосновал необходимость помилования. Однако война закончилась, и после заключения перемирия 26 сентября 1944 года Кертту освободили и передали в СССР [26; 168].

К. Нуортева жила в г. Петропавловске (Казахстан). 30 августа 1947 года ее приговорили по ст. 58-1а УК Казахской ССР к 10 годам лишения свободы. С 3 ноября 1947 года она отбывала заключение в г. Караганде, откуда 28 февраля 1951 года ее перевели в лагерь Песчаный. 22 октября 1954 года ее освободили, и она поселилась в Караганде, где умерла 29 августа 1963 года [26; 167–169].

Репрессированы были и два ее мужа: Ялмари Ахо (настоящее имя Армас Силтанен), красный офицер, и Лев Варшавский, журналист газеты «Ленинградская правда», позже сотрудник НКВД.

Старший сын А. Ф. Нуортева – Пентти Александрович Нуортева, после смерти отца жил в Петрозаводске и работал шофером автобазы, занимаясь перевозками товаров в пограничные районы. После ареста сестры и ее мужа местные органы НКВД проявили интерес к П. А. Нуортева. В конце лета 1938 года НКВД Карелии отказал ему в выдаче пропуска для въезда в пограничные районы, и он вынужден был уволиться с работы, так как она была связана исключительно с поездками в погранрайоны. С 29 сентября 1938 года работал водителем на станции скорой помощи горздравотдела. После этого НКВД трижды «сигнализировал» партийным органам о политическом облике кандидата в члены ВКП(б) с 1931 года П. Нуортева. 4 января 1939 года на партийном собрании первичной парторганизации автобазы «Карелавто» (где П. Нуортева не работал уже более 3 месяцев) он был исключен из кандидатов в члены ВКП(б) за то, что «продолжал поддерживать связь со своей сестрой – человеком, репрессированным органами НКВД, сомнительным с точки зрения политического доверия, проявлял пассивность в партийной жизни и дисциплине, повышением своего политического уровня не занимался» [5].

В дальнейшем он с младшим братом Матти работал водителем на скорой помощи. В конце сентябре 1941 года они в порядке общей эвакуации были направлены из Петрозаводска на барже в г. Вытегру. В пути следования баржа была выброшена на берег и захвачена финскими войсками. Все находившиеся на барже люди были направлены в деревню Верхручей Шелтозерского района. 8 октября 1941 года Пентти и Матти Нуортева после побега из оккупированной финнами территории на лодке через Онежское озеро были задержаны НКВД в с. Шала по подозрению в шпионаже. 23 ноября 1941 года их освободили, и они добровольно изъявили желание «на выполнение специальных заданий в тылу врага и готовность жертвовать жизнью за советскую власть». Учитывая, что они свободно владели русским, английским и финским языками, их планировали использовать для выполнения индивидуальных разведывательных заданий [8], [13].

После непродолжительной подготовки Пентти и Матти Нуортева направили в тыл противника. 4 февраля 1942 года они на лыжах через Онежское озеро вышли в район Лимосаари (Заонежье), откуда им предстояло проникнуть в Петрозаводск с целью «оседания для проведения разведывательной работы в тылу врага… вести наблюдение за финским аэродромом, железнодорожным движением и настроением гражданского населения». Но им не удалось при-

ступить к выполнению разведзадания: в тот же день они были задержаны частями финской армии по подозрению в шпионаже. Следствие вел заонежский отдел надзора (отдел военной контрразведки): начальник отдела капитан Весисенахо и следователь лейтенант Майсниеми. После предварительных допросов братья Нуортева были направлены в г. Петрозаводск, где их продолжали допрашивать сотрудники военной контрразведки. Позднее они были привезены на суд в Космозеро (Заонежье), где решением военно-полевого суда 20 апреля 1942 года были расстреляны. В ходе следствия братья никого не выдали [11; 180], [12], [18; 57–64], [20], [13].

Обратим внимание на то, что сестру и братьев начали готовить практически одновременно в различных городах страны для заброски в тыл противника. К. Нуортева была заброшена в Финляндию, когда ее братья уже были арестованы финской военной контрразведкой.

Вся семья Нуортева стала заложником властей и специальных служб различных государств. Сантери Нуортева и его дети ушли из жизни в расцвете лет. Они служили делу, которое окажется разрушенным следующими поколениями.

ИСТОЧНИКИ

1. НА РК Ф. П-3. Оп. 1. Д. 50. Карельский обком РКП(б). Бюро. Протоколы пленумов обкома РКП(б).
2. НА РК Ф. П-3. Оп. 1. Д. 52. Карельский обком РКП(б). Бюро. Протоколы заседаний президиума обкома РКП(б).
3. НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7805. Личное дело А. Ф. Нуортева.
4. НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7806. Личное дело А. Ф. Нуортева.
5. НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7807. Материалы на П. А. Нуортева.
6. НА РК Ф. П-3. Оп. 6. Д. 12790. Карельский обком ВКП(б). Биографические справки, характеристики, анкеты, личные листки по учету кадров, автобиографии и др. коммунистов и номенклатурных работников республики.
7. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2. Оп. 1. П.101.
8. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2 (ФСДП). Оп. 1. П. 102. С. 217–222.
9. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. КРО. Оп. 1. П. 128.
10. Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 13. П. 3.
11. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД. Арх. № 29 . Т. 2.
12. Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ. Д. № 8302 .
13. Архив УФСБ по РК. № 5377/2 от 24.11.2008 г.
14. Suomen Kansallisarkisto, hmp 1661.
15. Suomen Kansallisarkisto, hmp 4154.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

16. Афанасьева А. Красный дипломат // Ленинская правда. 1968. 7 января.
17. Бутвило А. И. Народные избранники Карелии. Депутаты высших представительных органов власти СССР, РСФСР, РФ от Карелии и высших представительных органов власти Карелии 1923–2006: Справочник. Петрозаводск: ПетроПресс, 2006.
18. Воробьев Н. и др. Братья Нуортева // Ухожу на задание. Петрозаводск: Карелия, 1974.
19. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
20. Кондратьев Ф., Яровой А. Братья Нуортева // Ленинская правда. 1968. 9 августа.
21. Лайдинен Э., Мишин А. Сантери Нуортева: политик и дипломат // Курьер Карелии. 2009. 26 марта.
22. Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М.: Олма Медиа Групп, 2007.
23. Сирола Ю. Умер товарищ Нуортева // Карело-Мурманский край. 1929. № 4–5.
24. Kostiainen A. Santeri Nuorteva. Kansainvälinen suomalainen. Helsinki: Vammalan kirjapaino,1983.
25. Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Ita-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Keuruu. Kustannusosakeyhtio Otavan painolaitokset. 1982.
26. Manninen O. Kerttu Nuorteva. Neuvostokaunotar vakoilujohtajana. Helsinki: Edita Prima Oy, 2006.
27. Neuvosto-Karjala. 24.6.1981 // Leo Suni. Huomattava kumousmies (Santeri Nuortevan syntymän 100-vuotispaivaksi).
28. Neuvostoliitton siirtuneitten suomalaisten kommunistien Katynintie // Suomen Sosialidemokraatti. 12.06.1943.
29. Niemi I. Neuvostokasvatti. Helsinki, 1944.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 8 **Педагогика** **2009**

УДК 378

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ВОЛОДИНА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Карельского государственного педагогического университета
volodina@kspu.karelia.ru

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ ОРИГИНАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье представлена методика преподавания иностранного языка с использованием произведений английской и американской литературы на занятиях по английскому языку со студентами-нефилологами педагогического вуза. Ход и результаты экспериментального обучения по данной методике позволяют сделать выводы о ее эффективности.

Ключевые слова: иноязычная культура, гуманизация педагогического образования, методика преподавания иностранного языка, английская и американская литература, чтение и осмысление

Иностранный язык (ИЯ) выступает одним из средств гуманизации образования – процесса эмоционально-личностного и духовно-нравственного развития учащегося. Гуманизация образования реализуется в представлении в ней культуры – индивидуально (личностно) освоенных духовных ценностей [7; 39]. В современной методике преподавания цель изучения ИЯ понимается не как обучение, а как развитие личности студента; следовательно, содержанием являются не прагматические знания, навыки и умения, а культура, образующая личность.

Одним из способов существования культуры является художественный текст. Художественный текст становится культурным текстом при условии выявления и осмысления студентами и преподавателем в нем образовательных возможностей. Согласно современным государственным стандартам, обучение чтению является ведущей целью обучения ИЯ. Данная цель предполагает знакомство студентов с иноязычной литературой.

Практика преподавания ИЯ на неязыковых факультетах Карельского государственного педагогического университета (КГПУ) показала, что интерес к этому виду речевой деятельности у студентов-нефилологов очень низок. Чтение художественной литературы не рассматривается учащимися как значимое средство приобретения информации, повышения культурного уровня, расценивается не как источник удовольствия, а лишь как учебная задача. Основными факторами отсутствия интереса к чтению иноязычной литературы у студентов являются: несформированность интереса к чтению на родном языке; возникновение трудностей в процессе чтения по причине непонимания грамматических и лексических единиц; несоответствие содержания текстов интересам, возрастным и индивидуально-личностным особенностям студентов и др. Следовательно, преподавателю важно думать о развитии интереса студентов к чтению на ИЯ.

Успешность работы студентов-нефилологов с иноязычной литературой зависит от материала

© Володина О. В., 2009

для чтения. К основным критериям отбора текстов для чтения следует отнести их аутентичность (соответствие первоисточнику) и облигаторность (принадлежность к золотому фонду мировой литературы). Доступность текста с точки зрения языковых средств и ограничение объема текста являются важными критериями его отбора, так как иначе чтение будет расцениваться студентами как сложное, неинтересное, утомительное. В первую очередь должны учитываться простые по композиции литературные жанры малых и средних форм (короткие рассказы, новеллы, сказки). Крупнообъемные произведения следует представлять отрывками, отражающими наиболее характерные черты подлинника. Необходимо учитывать конечные и промежуточные цели обучения чтению на ИЯ, стадию обучения, возрастные особенности и образовательный уровень студентов. Тематика текстов должна соответствовать интересам студентов. Тексты должны волновать постановкой морально-этических вопросов, проблемами личного и общественного в жизни, вопросами происхождения нравственных норм, идеалов, понятий. Такими темами во всех литературных жанрах выступают проблемы вечных, общечеловеческих ценностей: любви, дружбы, гуманности, верности, патриотизма, милосердия, взаимоотношений между людьми. Тексты литературных произведений, с одной стороны, должны затрагивать жизненный опыт студента, с другой – способствовать изучению иноязычных культур, отражать сущность историко-культурного развития стран изучаемого языка, их реалий, тем самым усиливая страноведческий и культуроведческий аспекты преподавания ИЯ. Целесообразно использовать произведения, представляющие важнейшие течения в литературе, ее основные жанры и разновидности, что позволит расширить кругозор студентов, сформировать у них представление о литературе стран изучаемого языка. Возможно, заинтересовавшись отрывком художественного произведения, студент в дальнейшем обратится к целому произведению, пусть даже в переводе. Важным аспектом отбора содержания литературного образования на занятиях по ИЯ является выявление точек соприкосновения, параллелей и связей с родной литературой по линии тематической близости и общности изображения мира. Присутствие таких связей побуждает к обмену мыслями, идеями по прочитанному, формированию представлений об иноязычной литературе как части мирового литературного процесса. При отборе драматических произведений следует обратить внимание на те, которые могут быть воплощены на сцене студенческого театра. Обучающиеся охотно применяют прочитанное во внеурочной деятельности, что стимулирует их читательскую и речевую активность. Целесообразно предлагать стихотворные произведения, так как они вызывают глубокий эмоциональный отклик у студентов, отражают их мысли и чувства, побуждают к сопереживанию, углубляют знания в различных областях [4; 19–27], [6; 15–18]. Работа с иноязычной поэзией имеет развивающее значение; помогает обеспечить не только языковую атмосферу на уроке, но и особый психологический комфорт. Эмоциональный отклик, эмоциональная реакция, эмоциональный тон, эмоциональный настрой на изучение иноязычного литературного материала, высокая работоспособность, доброжелательность, приветливость, открытость, инициативность каждого субъекта учебного процесса возникают при условии благоприятного психологического климата как совокупности социально-психологических отношений в учебной группе, содействующих свободному проявлению «Я» студента [3; 73]. Такая атмосфера аккумулирует ситуацию успеха в процессе обучения ИЯ средствами иноязычной литературы, обеспечивает самоактуализацию и самореализацию студентов.

Освоение духовных ценностей иноязычной культуры требует гуманизации содержания и технологии обучения ИЯ. Однако при разнообразии существующих технологий обучения в контексте гуманистической образовательной парадигмы остается актуальной проблема разработки методики обучения ИЯ на неязыковых факультетах педагогического вуза с использованием англоязычной литературы. Специфика работы преподавателя межфакультетской кафедры ИЯ обусловлена следующими объективными факторами: ИЯ на неязыковых факультетах преподается на 1-м и 2-м курсах по 2–3 академических часа в неделю; ИЯ не является основным предметом по специальности студентов, расценивается ими как общеобразовательный (дополнительный по отношению к специальным); студенты имеют разный уровень языковой подготовки; языковая практика по ИЯ вне аудиторных занятий отсутствует или осуществляется весьма ограниченно и др.

Изучение основных теоретических концепций гуманизации высшего педагогического образования и анализ сложившейся ситуации в преподавании ИЯ на неязыковых факультетах КГПУ привели к осознанию необходимости создания методики обучения ИЯ средствами иноязычной литературы как предмета, формирующего гармоничного человека и педагога-предметника, развивающего его духовный и эмоционально-нравственный мир.

Предлагаемая методика опирается на основные философские и психолого-педагогические категории:

- ценности (профессиональные, нравственные, эстетические, духовные);
- образы (духовно-нравственный и эмоционально-личностный образ студента, образ литературного героя, образ автора художественного произведения, образ мира, в котором живет человек);
- отношения (личная позиция человека к миру

и их двусторонние взаимоотношения, система отношений человека к себе и с самим собой);
- действия (интериоризация и экстериоризация);
- мотивации (эмоциональные состояния, определяющие отношение человека к миру и самому себе);
- общения (опосредованные субъект-субъектные отношения студента и художественного произведения (его автора, героев) и непосредственные – студента и преподавателя, студента и других студентов в актах перцепции, обмена информацией и взаимодействия);
- «индивид – субъект – личность – индивидуальность – универсальность» [2; 17–18] (понимание самого себя, своей уникальности и непохожести на других, самоотношения, самочувствования, выделения себя из мира); средства создания и развития образного восприятия и мышления и др.

Разработанная методика основывается на следующих механизмах эмоционально-эстетического и духовно-личностного восприятия иноязычного художественного произведения:
- сензитивность (впечатлительность) – повышенная эмоциональная чувствительность, открытость к эмоциональным впечатлениям;
- интериоризация (рефлексия) – перевод эмоций во внутренний мир, стремление к самоанализу, актуализации вопросов бытия;
- экстериоризация – трансформация эмоций из внутреннего плана в поведение, высказывания и деятельность студента;
- дифференциация – избирательность реагирования в зависимости от конкретного эмоционального стимула, конкретной эмоциональной ситуации и их воздействие на личность студента с учетом его предыдущего опыта;
- эмоциональная децентрация (эмпатия) – способность сопереживать, сочувствовать, «вживаться» в душевное состояние других;
- пространственно-временное смещение – эмоциональное переживание отдаленного во времени прошлого и эмоциональное предвосхищение будущего (предчувствие, фантазия, мечта);
- идентификация – механизм переноса себя в ситуацию и позицию другого человека, проекция его жизни, взглядов, поступков на себя; рост функции самооценки.

Системное и целенаправленное использование данных механизмов содействует эмоционально-творческому проникновению в иноязычное литературное произведение, его эмоционально-творческому осмыслению и усвоению личностных смыслов прочитанного, что помогает понять внутреннее состояние, намерения, мотивы, чувства другого человека в реальной жизни и способствует формированию личностных ценностных ориентаций.

Структура процесса эмоционально-личностного и духовно-нравственного развития будущего учителя средствами англоязычной литературы содержит три этапа: эмоционально-образный, эмоционально-художественный и эмоционально-креативный.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗНЫЙ ЭТАП (ТЕРМИН Е. В. КАРСАЛОВОЙ) [3; 76]

Цель: создание положительного импринтинга через эмоциональное и творческое чтение англоязычного литературного текста.

Задачи: 1) создание эмоционально-творческой атмосферы для восприятия текста; 2) актуализация фоновых знаний (об эпохе и авторе произведения) и их расширение; 3) снятие трудностей лексико-грамматического, стилистического и лингвострановедческого плана; 4) формирование коммуникативной установки с целью удержать внимание студента на определенном объекте(ах) в процессе чтения; 5) развитие антиципирующих умений (предвосхищать характер, тему текста и т. п.) на основе средств аудиовизуальной наглядности, жизненного и социального, читательского и речевого опыта студента, а также текстов других жанров подобной тематики и т. п.; 6) чтение англоязычного текста с заданной коммуникативной установкой, определяющей вид чтения (вслух – про себя, поисковое – изучающее, аналитическое – синтетическое и др.).

На первом этапе выполняются предтекстовые упражнения. Студентам предлагается выполнить, например, такие задания: познакомиться с биографией автора; ответить на вопрос: что сформировало его как писателя?; обратить внимание на встречающиеся в тексте реалии; подготовить небольшое сообщение об эпохе создания произведения; высказать свое мнение о том, чем интересны сегодняшнему читателю произведения данного автора и др. Затем студентам предлагается выполнить задания с целевой коммуникативной установкой: прочитать текст и обратить внимание на то, как автор воспринимает то или иное явление; прочитать рассказ, обратить внимание на то, как автор описывает интерьер, природу, атмосферу, царящую в семье, и т. п.; прочитать текст и найти черты сходства или различия с героями; прочитать текст и постараться понять, почему в подобной ситуации возникает / не возникает конфликт; внимательно прочитать произведение и обратить внимание на особенности авторского стиля / приметы эпохи / подбор лексики / характеристики и др.

Результат эмоционально-образного этапа: сформированность эмоционально-творческой направленности на работу с англоязычным литературным текстом (положительные впечатления, интерес, эмоциональный отклик), готовность к эмоционально-творческому осмыслению прочитанного.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЭТАП

Цель: осмысление прочитанного англоязычного материала студентом-нефилологом, его интериоризация.

Задачи: 1) развитие информационно-поискового умения, которое позволяет определить структуру текста для его разбора и последующего осмысления структурных компонентов; 2) развитие информационно-обобщающих умений, способствующих пониманию главной мысли текста; 3) выявление степени понимания студентом англоязычного художественного текста (сюжетной линии произведения или отрывка, образности и выразительности страноведчески и культуроведчески ценных единиц, авторской позиции, социальной сущности персонажей и т. д.); 4) развитие умения решать проблемные задачи на основе прочитанного англоязычного литературного материала; 5) развитие умения анализировать стилистические и языковые особенности текста для формирования умения интерпретации текста; 6) становление «Я-концепции» студента через сопереживание, оценивание, понимание и «оправдание» литературного героя и через это – определение отношения студента к себе и окружающему миру.

На втором этапе выполняются послетекстовые упражнения на понимание прочитанного и творческие упражнения когнитивно-рецептивного характера. Эффективность упражнений зависит от степени интеллектуальной активности студента, с которой связано выполнение конкретного упражнения. Для повышения мыслительной активности предлагаются следующие задания:

- ответить на вопросы: кто? что? где? когда?; найти неправильное утверждение; составить план текста; разбить текст на несколько отрывков и озаглавить их; составить социограмму (схему) взаимоотношений героев; расположить предложения в исходном порядке; подобрать правильный вариант ответа; закончить предложение и т. д.;
- ответить на проблемные вопросы по содержанию текста (зачем? почему? с какой целью?); прокомментировать социограмму отношений героев; определить основную идею текста; определить отношение автора к герою (событию); определить, где (когда, почему) произошло событие; назвать средства выразительности (стилистические особенности, специфику лексики персонажей), используемые автором; охарактеризовать поведение героев; выделить национальную специфику в поступках героев / описании города / манере вести себя и др.

На эмоционально-художественном этапе работы с англоязычной литературой наблюдается динамика развития умения интерпретации текста. Первичный синтез текста происходит при ответе на 2–3 вопроса о сути текста после его чтения с целевым заданием. Интерпретация на уровне значений с целью извлечения композиционно-семантической (эксплицитной) информации происходит при выполнении двух групп синтетических упражнений:

1) синтетических упражнений, направленных на выработку навыков и умений свертывать чужое высказывание (деление текста на законченные смысловые отрезки, выделение смысловых вех, выявление логической цели действия, цитирование как подготовка к порождению собственного высказывания и др.);

2) синтетических упражнений, направленных на выработку навыков и умений порождать собственное высказывание (на репродуктивном уровне): краткий сжатый пересказ фактического содержания текста, подробный пересказ, пересказ от лица какого-либо персонажа и др. Интерпретация на уровне смысла с целью извлечения логико-семантической (имплицитной) и эмоционально-оценочной информации реализуется через создание собственного высказывания студента на продуктивном уровне (комментирование, обобщение, выход в «большой контекст», проникновение в подтекст произведения и т. д.). Эта стадия направлена на осознание проблем, вытекающих из содержания текста, которые связаны с реальными коммуникативными ситуациями. При построении высказывания-интерпретации студент чаще всего не имеет в самом тексте готового ответа на тот или иной вопрос. Высказывание-интерпретация представляет собой малую форму монологической речи, соотносимую с обращенной развернутой репликой в диалоге в условиях обсуждения смыслового содержания художественного текста в форме беседы. В зависимости от цели определяются следующие типы высказывания-интерпретации: интерпретация-рассказ, интерпретация-оценка, интерпретация-характеристика, интерпретация-рассуждение, интерпретация-обобщение, интерпретация-сравнение, а также их комбинированные формы.

Результат второго этапа: личностная идентификация студента в процессе эмоционального сопереживания, осмысления и оценивания англоязычного литературного материала.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-КРЕАТИВНЫЙ ЭТАП

Цель: творческая самореализация студента в различных продуктивных видах деятельности на основе и в связи с англоязычным литературным материалом, экстериоризация прочитанного.

Задачи: 1) совершенствование умения творческого переосмысления текста на основе собственных оценочных критериев студента; 2) поиск студентом продуктивных нестандартных решений ситуаций, представленных в тексте; 3) организация условий для раскрытия эмоционально-креативного потенциала студента; 4) использо-

вание ситуаций для развития воображения, фантазии, ассоциативного мышления студента; 5) направленность учебно-воспитательного процесса на формирование индивидуального стиля мышления студента; 6) формирование умений непрерывного самообразования всех субъектов учебно-педагогического процесса.

Основным показателем развития личности является ее творчество. Самовыражение субъекта в учебном процессе через креативность способствует развитию творческой личности, что является очень важным в профессиональном становлении студента согласно «творческой природе труда учителя» [5; 16–19]. Термин «творческость» означает способность индивида к личностному росту, совершенствованию, самореализации (А. Маслоу, К. Роджерс). Творческая самореализация студента происходит в процессе обдумывания, осмысления, творения, когда субъект «пропускает через себя» те проблемы, которыми насыщена жизнь и которые отражены в англоязычной литературе. На эмоционально-креативном уровне эффективность работы с англоязычным литературным материалом возможна при следующей установке преподавателя: работать со всеми и в каждом видеть талант (Л. Н. Толстой); создать кодекс доброты и доверия (Я. Корчак) как основу взаимоотношений педагога и обучающихся; создать творческую атмосферу как «поле» проявления свободы личности, творчества, деятельности.

Творческие задания могут быть представлены в следующих видах: драматизировать отрывок; изменить перспективу повествования (то есть рассказать об одном и том же событии от лица разных героев произведения; сделать художественный перевод произведения; изменить литературный род (поэзия – проза, проза – драма); написать сценарий фильма по прочитанному произведению; написать письмо одному из героев повествования в связи с собственными ассоциациями по поводу прочитанного; написать собственное стихотворение (стилизацию) / пародию по ассоциации с прочитанным; опираясь на свой жизненный опыт, проанализировать события, поступки героев; взять интервью у одного из героев, роль которого мог бы выполнить один из студентов; придумать другое начало / окончание рассказа, отрывка; найти похожий рассказ (пьесу, стихотворение) в русской литературе, сравнить английское и русское произведения, выявить сходства и различия, пытаясь объяснить их с точки зрения эпохи, творчества автора, собственных оценочных категорий; выполнить иллюстрацию в связи с прочитанным и др. Основное внимание направлено на создание студентом оригинального художественного текста (письма, стихотворения, сценария, рассказа, эссе, сочинения, художественного перевода), в процессе которого он меняет позицию потребителя культуры на позицию создателя культурных ценностей. Творческие сочинения – это попытка осмысления важнейших проблем жизни, стремление понять себя и свое время. Такая форма работы на основе и в связи с англоязычными литературными произведениями особенно важна для реализации творческих способностей студента, выработки стремления к самосовершенствованию, формирования духовного мира личности.

С целью оценки эффективности представленной методики использования англоязычной литературы на занятиях со студентами-нефилологами педвуза был проведен детальный анализ процесса и результатов экспериментального обучения в группах 1-го и 2-го курсов физико-математического факультета (ФМФ) и факультета технологии и предпринимательства (ФТиП) КГПУ в 1-м семестре 2004/05 учебного года. В экспериментальном обучении участвовал 71 студент 1-го и 2-го курсов ФМФ и ФТиП КГПУ (в экспериментальных группах – 34 студента, в контрольных – 37 студентов).

В процессе экспериментального обучения были подвергнуты диагностике следующие компоненты развития личности будущего учителя: 1) знаниевый; 2) эмоционально-ценностный; 3) творческий. Выделенные структурные компоненты сложны по своему составу, поэтому с целью диагностики был использован ограниченный набор наиболее значимых аспектов каждого компонента. Разработанный комплекс методик был направлен не только на констатацию, но и на развитие перечисленных компонентов. Полученные результаты состояния и динамики развития личности студента в контексте указанных компонентов были проанализированы, подвергнуты обработке и обобщены в соответствии со следующими критериями:

Знаниевый компонент: правильность – количество правильно оформленных в языковом отношении предложений (без грубых лексических и грамматических ошибок); точность фоновых знаний – количество правильных ответов на литературоведческие, страноведческие и лингвострановедческие вопросы; лексическая точность – количество используемых лексических единиц из активного вокабуляра по предлагаемым текстам в ответе студента; лексическая наполняемость – количество используемой тематической лексики, изучаемой в контексте литературного образования на занятиях по английскому языку. Данные критерии позволяют определить и проанализировать уровень сформированности вербально-семантического аспекта лингвокогнитивной структуры языковой личности студента. В процессе работы с англоязычными литературными текстами студенты осваивают ранее незнакомые лексические и грамматические единицы; происходит совершенствование умения чтения на ИЯ; увеличивается объем высказываний в связи с прочитанным; расширяются литературоведческие, страноведческие и лингвострановедческие знания. Уровень сформи-

рованности знаниевого компонента обусловливает качество восприятия (полноту, точность, глубину) и осмысления англоязычной литературы.

Эмоционально-ценностный компонент: качество понимания литературного текста – количество мнений о прочитанном, обнаруживающих точность, полноту и глубину понимания замысла автора; эмоциональная реакция – количество суждений, выражающих эмоциональный отклик студента на прочитанный литературный материал; направленность – количество указанных студентом объектов художественного текста, инициировавших различные чувства читателя; сопереживание – количество чувственных, добросердечных, душевных суждений, выражающих понимание, принятие и оправдание позиции литературного героя; эмоционально-ценностное действие – количество утверждений студента о намерении и готовности поступать определенным образом, исходя из его собственных выводов по прочитанному. Перечисленные критерии позволяют определить степень понимания прочитанного литературного материала и степень сформированности эмоционально-ценностного отношения студента к себе и внешнему миру в процессе и в результате осмысления прочитанного.

Творческий компонент: содержательность – количество суждений, относящихся к теме; доказательность – количество убедительных аргументов; самостоятельность – количество суждений, выражающих не «шаблонность», а самобытность, уникальность воззрений студента; образность – количество различных образов в высказываниях студентов (оригинальных и неоригинальных). Указанные критерии позволяют выявить и оценить оригинальность и предметно-логическое содержание творческих работ студентов.

В зависимости от полноты и качества проявлений показателей представленных критериев были выделены уровни эмоционально-личностного и духовно-нравственного развития студентов: высокий, средний, низкий.

Разработка задания диагностирующего среза основывалась на предположении, что студенты обладают определенной информацией, связанной с англоязычной литературой, благодаря программам обучения ИЯ и литературе в школе. Однако анкетирование в рамках диагностического этапа выявило, что 93 % студентов не знают ни американских и английских писателей, ни их произведений, хотя большинство из указанных в задании авторов включены в программу обучения литературе в средней общеобразовательной школе. Некоторые студенты дали курьезные ответы: отнесли произведения русской и советской литературы к зарубежной.

В рамках диагностирующего среза студентам экспериментальных и контрольных групп был предложен тест, построенный на англоязычном художественном тексте (по материалам романа «Flowers for Algernon» D. Keyes («Цветы для Элджернона» Д. Кийз)) [1; 5–11]. Результаты тестирования показали, что 98 % студентов присущ пообразный (упрощенный) анализ литературного героя и его поступков. Наблюдается умеренно низкая степень сопереживания литературному герою. Отмечается затруднение в идентификации себя с героем произведения и в аргументировании своего мнения о прочитанном. Читатель не обладает в достаточной мере умением вдумчивого, медленного чтения, целостного постижения текста. 93 % студентов представили очень скудный набор слов английского языка для описания литературного героя и своего отношения к нему. Слабое владение лексикой не позволило студентам выразить свои мысли. Правописание многих слов было неправильным. Анализ результатов диагностирующего задания на основе англоязычного литературного текста выявил, что 75,9 % студентов имеют низкий, 20,6 % студентов – средний и только 3,5 % студентов – высокий уровень эмоционально-личностного развития. Полученные результаты диагностических мероприятий подтвердили предположение о целесообразности ознакомления студентов-нефилологов педвуза с ценностями английской и американской литературы, формирования фоновых знаний при работе с англоязычными художественными произведениями, развития умения эмоционального, осмысленного и творческого чтения.

Вторая серия исследования (преобразующая) заключалась в проведении собственно экспериментального обучения и промежуточного среза. Этот этап состоял в работе студентов экспериментальных групп с англоязычными литературными текстами и учебным материалом авторского пособия «Reading and Thinking» («Читаю и размышляю») [1] на практических занятиях по английскому языку и работе студентов контрольных групп с адаптированными художественными текстами (чтение без предварительной установки, выполнение упражнений на понимание прочитанного), предложенными в пособиях других авторов, а также выполнении студентами экспериментальных и контрольных групп задания на выявление динамики развития нравственно-эмоционального восприятия литературного героя и литературного текста в целом (по отрывку из романа «The Collector» J. Fowles («Коллекционер» Дж. Фаулза)) [1; 12–19]. Выводы по результатам данного задания показывают, что на этой стадии литературного образования у студентов-нефилологов экспериментальных групп выявлена тенденция к динамике развития эмоционально-личностного восприятия англоязычного литературного текста, способности видеть в героях художественного текста многообразие индивидуальных качеств и их проявлений; наблюдается попытка идентифицировать себя с литературными персонажами. В своих суждениях студенты экспериментальных групп

выражают сочувствие литературному герою, пытаются понять первопричину его поступка и представляют оправдательные аргументы. В суждениях студентов наблюдается проекция представленных в англоязычном литературном тексте событий на реальную жизнь. Студенты контрольных групп в большей мере представили ответы, не заходя за рамки предложенных вопросов, не сопоставляя себя с литературными героями, не проецируя содержание текста на реальность своего бытия. Эмоциональная реакция у студентов контрольных групп на литературных героев предложенного англоязычного произведения в большей мере экспрессивно отрицательная. Вопросы, связанные с определением показателя степени духовной зрелости, сформированности читательской культуры, осведомленности о роли литературы как вида искусства в жизни человека, умения видеть в художественном тексте целостную картину всего литературного произведения, выявили все еще сохраняющуюся тенденцию к пообразному восприятию текста у студентов как экспериментальной, так и контрольной групп.

Результаты третьей серии исследования (контрольно-оценочной) показали, что студенты экспериментальных групп, зная проблематику и содержание произведений, четко классифицируют их по жанрам; указывают основные характеристики авторской манеры и стиля; дают собственное мнение о темах книг и даже называют их своими любимыми книгами. Студенты контрольных групп не продемонстрировали такого высокого уровня эрудиции. Предложенный на данном этапе тест (по отрывку из романа «The Catcher in The Rye» J. Salinger («Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера)) [1; 20–26] был нацелен на выявление глубины понимания нравственно-эстетического содержания художественного текста, степени ориентации студентов в таких понятиях, как эстетика, прекрасное и безобразное в жизни. Тестирование выявило различия в эмоциональном восприятии содержания англоязычного художественного текста студентами экспериментальных и контрольных групп. Студенты контрольных групп ограничились предложенным набором ответов, а студенты экспериментальных групп обратились к поиску собственных формулировок. Интересны развернутые комментарии, которыми студенты сопровождают свои суждения и оценки. В них не только чувства, мысли, но и убеждения, сомнения, стремление к самоопределению. Студенты экспериментальных групп использовали гораздо больше слов и выражений английского языка для описания литературных героев и своего мнения о прочитанном, чем студенты контрольных групп. Это объясняется тем, что для выражения своих суждений ими был использован англоязычный лексический материал, предложенный для выполнения заданий по авторской методике, помимо активного запаса слов по данному художественному тексту. Динамика знаниевого, эмоционально-нравственного развития и творческой самореализации студентов-нефилологов экспериментальных групп средствами англоязычной литературы происходит в первую очередь за счет повышения уровня развития у студентов с изначально низкой и средней степенью (см. таблицу).

Результаты фиксации уровней эмоционально-личностного развития и творческой самореализации студентов-нефилологов педвуза средствами англоязычной литературы

Компоненты эмоционально-личностного развития	Критерии	Экспериментальные группы		
		Диагностический срез, %	Преобразующий срез, %	Контрольно-оценочный срез, %
		высокий / средний / низкий уровень	высокий / средний / низкий уровень	высокий / средний / низкий уровень
знаниевый	правильность	0 / 31,2 / 68,8	37,5 / 25 / 37,5	31 / 50 / 19
	точность фоновых знаний	7 / 12,5 / 80,5	23 / 43,7 / 33,3	37,5 / 61,8/ 0,7
	лексическая точность	6,2 / 12,5 / 81,3	31,2 / 30 / 38,8	37,5 / 62 / 0,5
	лексическая наполняемость	0 / 18,5 / 81,5	22,3 / 33 / 44,7	25 / 31,2 / 43,8
эмоционально-оценочный	качество понимания текста	6,2 / 23 / 70,8	38 / 43,7 / 18,3	31 / 57 / 12
	эмоциональная реакция	0 / 17 / 83	21,4 / 62,5 / 16,1	32 / 67,7 / 0,3
	направленность	0 / 16,3 / 83,7	18,7 / 38 / 43,3	29 / 43,7 /27,3
	сопереживание	0 / 15,2 / 84,8	44,7 / 45 / 10,3	27,5 / 43,7 / 48,8
	действие	0 / 12,5 / 87,5	25 / 56,2 / 18,8	12,5 / 86,9 / 0,6
творческий	содержательность	12 / 18,7 / 69,3	35 / 37,5 / 27,5	50 / 37,5 / 12,5
	доказательность	4 / 25 / 71	52 / 31,2 / 16,8	44,3 / 37,5 / 18,2
	самостоятельность	0 / 22 / 78	34,7 / 33 /32,3	34 / 56,2 / 9,8
	образность	0 / 31,2 / 68,8	30 / 33,7 / 36,3	25 / 62,5 / 12,5

Результаты проведенных мероприятий в рамках экспериментального обучения позволили убедиться в целесообразности использования произведений английской и американской литературы при обучении ИЯ студентов-нефилологов педвуза. Обучение по представленной методике развивает у студентов умение читать и эмоционально-творчески постигать англоязычный художественный текст; помогает расширению и углублению знаний в области английской и американской литературы; способствует осмыслению и развитию ценностных установок будущих учителей на их личную и будущую профессиональную деятельность; учит строить взаимоотношения на гуманистических началах; содействует активной творческой самореализации каждого студента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володина О. В. (Баранова О. В.) Reading and Thinking: Учебно-методическое пособие. Петрозаводск: КГПУ, 2004. 40 с.
2. Горшкова В. В. Взрослый как субъект непрерывного профессионального образования. СПб.: ГНУ «ИОВ РАО», 2004. 148 с.
3. Дворникова Е. И. Развитие эмоционального мира личности средствами художественной литературы. Ставрополь: Сервисшкола, 2002. 208 с.
4. Камаева Т. П., Карпова Л. В., Деева И. М. Поэзия на уроке иностранного языка: современные подходы к обучению чтению // Иностранный язык в школе. 1996. № 1. С. 19–27.
5. Педагогика: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений. 4-е изд. М.: Школьная пресса, 2002. 512 с.
6. Рачок Т. П. Работа над стихотворением на уроках английского языка // Иностранный язык в школе. 1999. № 2. С. 15–18.
7. Цели обучения иностранным языкам: Учебное пособие / Метод. школа Пассова; Под ред. Е. И. Пассова. Воронеж: Интерлингва, 2002. 40 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 8 **Педагогика** **2009**

УДК 37.1

ОКСАНА ЛЕОНИДОВНА ДОБРЫНИНА
доцент кафедры иностранных языков технических факультетов ПетрГУ
oksdobr@mail.ru

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ: ЗА И ПРОТИВ

В статье сравниваются знаниевый и компетентностный подходы в образовании, выявляются положительные стороны и недостатки последнего, предлагается использовать сочетание компетентностного подхода с проблемно-аксиологическим в обучении профессионально ориентированному иностранному языку.

Ключевые слова: обучение профессионально ориентированному иностранному языку, компетентностный подход, проблемно-аксиологический подход, ценностно ориентированная проблемная ситуация

В последнее время в России в связи с вхождением в Болонский процесс и разработкой стандартов высшего профессионального образования третьего поколения происходит переориентация оценки результата образования с понятий «образованность», «общая культура», «воспитанность» на понятия «компетенция» и «компетентность».

Принципиальные изменения в экономике, возрастающая роль информационно-коммуникационных технологий, а также становление глобального рынка труда диктуют новые требования к специалистам. Сегодня происходит переход от квалификационной модели специалиста, основанной на оценке знаний, умений и навыков выпускника, к компетентностной модели. При этом идет сдвиг от преимущественно академических норм оценки к внешней оценке профессиональной и социальной подготовленности выпускника. В русле Болонского процесса подход к результату образовании – сформированным компетентностям – как возможной основе формирования общего понимания содержания квалификаций и степеней является определяющим. Сегодня компетентностный подход получает такое широкое распространение, что возникает опасение его абсолютизации.

В социально-историческом аспекте знаниевая и компетентностная парадигмы соотносятся с существующими социальными стратегиями развития как «локомотивная» и «адаптивная». Применение компетентностного подхода как составной части более адаптивной к внешней среде образовательной модели по сравнению с традиционной, жесткой дисциплинарной моделью высшего образования, которая существует сегодня в России, диктуется задачами и уровнем развития социально-экономических отношений в обществе. Оно позволяет в краткосрочной и среднесрочной перспективе быстро нарастить необходимую для решения сегодняшних задач численность кадров, как это было в годы первых пятилеток, когда в профессиональном образовании доминировала модель подготовки узкого специалиста, позволившая на первых порах обеспечить впечатляющий рывок советской экономики. Однако в долгосрочной перспективе такие подходы неизбежно приводят к негативным социально-экономическим последствиям [5].

© Добрынина О. Л., 2009

В рамках Болонского процесса перед российскими вузами встала проблема совместимости существующей системы гуманитарной и общенаучной (фундаментальной) подготовки специалистов с бакалавриатом. Сегодня рассматриваются две возможные стратегии: прагматическая и развивающая [2]. Первая направлена на профессионализацию, которая неизбежно приведет к узкой специализации. Вторая ориентируется на наращивание интеллектуального, духовного, творческого потенциала будущего выпускника и нацелена на формирование профессиональной мобильности широкого профиля. В рамках прагматической стратегии бакалавриат является укороченной по времени (до 4 лет) и упрощенной по содержанию (на основе диктуемых работодателем требований) сегодняшней системой подготовки специалистов. Результат данной стратегии – экономичная технология подготовки кадров, имеющих необходимый и достаточный минимум знаний, умений и навыков для их применения в узкоспециализированном деле. Понятно, что при принятии подобной стратегии гуманитарная подготовка студентов, в частности языковая, будет сведена к минимуму.

Однако сегодняшняя инновационная экономика требует принятия другой, развивающей, стратегии высшего профессионального образования, требующей от выпускника вуза готовности к продуктивному участию в инновациях и к профессиональной мобильности. Сфокусированная на общем интеллектуальном развитии личности студента, данная стратегия позволит формировать основу профессионального долголетия специалиста – «сплав» ценностных установок, фундаментальных теоретических знаний, практических умений и продуктивного воображения.

Можно сделать вывод, что знаниевый и компетентностный подходы имеют много общего, в конечном счете они сводятся к пресловутым ЗУНам. Отличие же состоит в тех акцентах, которые ставятся при формулировании цели образования и формировании его содержания. При традиционном знаниевом подходе образовательный процесс фокусируется на получении теоретических знаний в ущерб умениям и навыкам, при компетентностном подходе (в его крайнем выражении) на первый план выходят практические умения, объем знаний уменьшается до прагматически целесообразного для выполнения тех или иных профессиональных действий. Очевидно, что обе крайности не являются продуктивными. Задача – найти баланс, который удовлетворял бы всех участников образовательного процесса: учебные заведения, работодателей и студентов.

Для определения места компетентностного подхода среди уже существующих подходов к образованию, по мнению И. А. Зимней [3], необходимо обратиться к основным категориям педагогики (цель, содержание, форма, метод, средства обучения). Тогда компетентностный подход (наравне с когнитивным, развивающим, культурологическим подходами) в основном относится к *цели* и *результату* образования, что, в свою очередь, определяет его *содержание*. Что касается *организации* учебного процесса, то здесь существуют личностно-деятельный, проблемный, ситуативный, алгоритмический и другие подходы. Поэтому можно сделать вывод, что компетентностный подход не является единственным, исключительным и что существующие подходы, относящиеся к различным сторонам образовательного процесса, взаимодействуют и дополняют друг друга.

Основными компонентами компетентности являются знания, умения и опыт практической деятельности. Ключевым принципом компетентностного подхода в образовании является его ориентация на результаты, значимые для сферы труда. Также положительными моментами использования компетентностного подхода являются формирование обобщенной модели качества подготовки специалистов, возможность вести сравнение различных образовательных программ, дипломов и степеней, что важно для повышения мобильности студентов и молодых специалистов на рынке труда.

Однако данный подход в первую очередь ориентирует профессиональное образование на требования работодателя; при определении его содержания движение идет от определения характеристик профессиональной деятельности (выделение профессиональных функций и уровня квалификации для их выполнения) к целям и задачам профессионального образования, а затем – к выбору организационных форм, методов, содержания обучения. При этом выбрасывается гуманитарная составляющая образования, которая только декларируется, но на практике очень часто сводится к чтению лекций и заучиванию студентами некоторых фактов для успешного выполнения тестов. Следовательно, существует риск превращения профессионального образования в узкую прагматичную подготовку, создающую барьеры на пути не только повышения квалификации, но и личностного роста специалиста.

Чтобы этого избежать, по нашему мнению, необходимо сочетать компетентностный подход в образовании, имеющий когнитивную и практико-ориентированную направленность, с проблемным, направленным на развитие творческих способностей человека, и с аксиологическим, направленным на становление ценностных ориентаций и ценностных отношений личности. Последнее направление представляется нам наиболее важным в настоящее время, когда приспособление образования к законам рынка вступает в противоречие с нравственными всечеловеческими принципами. Приобретая рыночную стоимость, обучение и воспитание утрачивают свое человекообразующее значение, поскольку ценность в глазах многих имеет лишь документ

об образовании как пропуск в определенную социальную нишу. В школьном обучении начинает преобладать прикладное, прагматическое начало, форма контроля качества образования по системе ЕГЭ все больше формализуется, при этом гуманитарная интерпретация учебного материала становится необязательной. Источниками формирования нравственного опыта для молодых поколений начала XXI века становятся глобальные переживания трагического характера (экологические катастрофы, теракты, военные действия); проявление в обществе безнравственности, агрессии, равнодушия к человеческой жизни и так далее [4]. Добиться успеха в этом жестоком и бесчеловечном мире можно, как правило, только с помощью силы, используя аморальные пути. Все эти факты только подчеркивают важность нравственного воспитания студентов, но не как формализованной системы гуманизации и гуманитаризации образования, а как педагогической поддержки и сопровождения становления определенных внутренних качеств личности, таких как совестливость, любовь к ближнему, ощущение себя частью человечества и живой природы и отсюда – ответственность за свои будущие профессиональные решения перед сегодняшними и будущими поколениями.

Современный рынок труда требует от выпускников хорошей языковой подготовки, ориентации в своей предметной области, умения общаться с иностранными коллегами в контексте своей профессиональной деятельности. Сегодня в иноязычном обучении в вузе превалирует компетентностный подход, стратегической целью которого является формирование иноязычной профессионально ориентированной коммуникативной компетентности. Она понимается как «способность решать профессиональные задачи для достижения определенного профессионального результата в контексте другой языковой и культурной среды» [1]. Использование компетентностного подхода в языковой подготовке имеет положительные стороны: студенты получают навыки общения на профессиональные темы, он позволяет организовывать процесс обучения и оценку его результатов согласно критериям Европейской системы уровней владения иностранными языками (ИЯ), что, в свою очередь, открывает перед студентами возможности стажировок и более длительного обучения за рубежом. Однако анализ современных учебников для обучения студентов вузов профессионально ориентированному иностранному языку показывает, что при отборе содержания обучения акцент делается на прагматической стороне обучения: студентам предъявляется большое количество профессиональной терминологии, которую они заучивают и используют в разнообразных лексико-грамматических упражнениях, иногда выходя на решение информационных проблемных ситуаций. При этом воспитательный потенциал такой гуманитарной дисциплины, как ИЯ, не используется. Какие нравственные проблемы можно обсуждать, если тексты, имеющиеся в учебниках, содержат материал о различных машинах, устройствах, системах, технологических процессах? Эти тексты можно только пересказать, ответить на вопросы, сравнить параметры, выбрать лучший (или худший) из предлагаемых вариантов.

Нами разработана методическая система обучения профессионально ориентированному ИЯ на основе интеграции компетентностного и проблемно-аксиологического подходов. Содержание проблемно-аксиологического подхода строилось на основе профессионально ориентированных текстов и проблемных ситуаций, включающих экологические и социальные аспекты будущей профессиональной деятельности студентов.

Модульное построение обучения в рамках разработанной методической системы включает:

- профессионально ориентированные тексты,
- лексико-грамматические упражнения,
- информационную проблемную ситуацию,
- ценностно ориентированную проблемную ситуацию.

При отборе профессионально ориентированных текстов преподавателю необходимо: 1) учитывать не только объем незнакомой лексики и сложность грамматических структур, имеющиеся знания по данному вопросу у студентов, но и отбирать тексты, которые смогут служить стимулом, мотивировать студентов к общению, высказыванию своего мнения по затрагиваемым в тексте проблемам. 2) Поскольку текст является единицей общения, отражающей участников коммуникации – адресата и адресанта, то отбираемые для чтения тексты должны, по нашему мнению, обладать не только когнитивным, познавательным потенциалом, но и воздействовать на эмоции читающего, то есть объединять рациональное и эмоционально-субъективное в коммуникативном процессе чтения. Такие тексты должны обладать *свойством персуазивности* – воздействия автора на читателя с целью убеждения в чем-то, воздействия на его точку зрения, призыва к совершению или несовершению им определенных действий. Персуазивное воздействие предполагает достижение желаемой цели через убеждение с опорой на рациональное обоснование (приведение фактов, цифр, примеров), одновременно подключая и эмоционально-оценочные средства воздействия, то есть субъективные факторы. Например, читая тексты «Resources» («Ресурсы»), «Improving energy efficiency» («Повышение энергосбережения»), «Hydropower and wind energy» («Гидроэнергия и энергия ветра») и другие, студенты специальности «Энергоснабжение» не только овладевают новыми профессиональными терминами и понятиями, получают новую, профессионально интересную для себя информацию, но и начинают задумываться над проблемами конечности невозобнов-

ляемых ресурсов и о состоянии энергоресурсов в своем регионе; о том, что они лично могут сделать для экономии природных ресурсов. Вопрос о том, почему для жителей России нехарактерно бережное отношение к природным ресурсам, заставляет каждого задуматься и, может быть, пересмотреть свое отношение к потреблению в целом. 3) Все отбираемые для профессионально ориентированного чтения тексты должны быть по возможности объединены одной *центральной связующей идеей*, иметь содержательно-тематическую общность в русле экологического дискурса. В курсе профессионально ориентированного ИЯ для студентов лесоинженерного факультета тексты «Леса мира», «История создания и развития машин и механизмов для лесозаготовки», «Технологии лесозаготовительных работ», «Менеджмент лесов», «Перспективы развития лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности» и другие объединены основной идеей ответственности каждого специалиста и человека за сохранение лесов и природы на Земле, биоразнообразия и сосуществования человека и природы. В текстах курса английского языка для будущих энергетиков, касающихся проблем, связанных с эффективным использованием невозобновляемых источников энергии, с перспективами использования возобновляемых источников энергии как в мире, так и в регионе (Карелии), основной связующей идеей является необходимость бережного отношения к источникам энергии, ответственность перед жителями не только своего региона, но и перед всем человечеством за принятые профессиональные решения и их последствия, необходимость системного подхода к осуществлению своей профессиональной деятельности в будущем. Для текстов, отбираемых для чтения будущими менеджерами туризма, основной связующей идеей является эффект воздействия туристической деятельности на окружающую природную среду дестинации (экологический аспект) и на местное сообщество (социальный аспект).

При создании проблемных ситуаций (ПС) основными условиями реализации интегрированного проблемно-аксиологического подхода являются: а) реалистичность и разнообразие рассматриваемых проблемных ситуаций; б) субъект-субъектные отношения между преподавателем и студентами, создание атмосферы доверия и открытости; в) осуществление не только обучающей и развивающей, но и воспитательной функции проблемной ситуации через введение в содержание ПС, кроме задаваемых стандартных компонентов (найти информацию, проанализировать полученные данные, сравнить, выбрать лучший вариант и так далее – информационная ПС), эмоционально-ценностных, личностных элементов (ценностно ориентированная ПС).

В процессе изучения ИЯ возможно представить студентам задачи-коллизии, требующие сопоставления одной ценности с другими, вовлечь их в диалог, предполагающий исследование смысла этой ценности, создать жизненную ситуацию, позволяющую апробировать эту ценность в действии и общении с другими людьми. Формирование ценностного отношения возможно на основе *техники кларификации*, этапами которой являются: 1) выбор собственной системы ценностей из альтернативных возможностей; 2) акцептация ценностей; 3) соотнесение самостоятельно выбранных ценностей с теми, которые выбраны другими; 4) поведение, основанное на руководстве выбранными ценностями. Реализация техники кларификации в условиях иноязычного образования возможна через: а) вопросы, которые задает преподаватель в естественных ситуациях обсуждения той или иной проблемы: «Какие существуют возможности выбора в данной ситуации? Каковы экологические и социальные последствия Вашего выбора? Довольны ли Вы своим выбором?» б) задания, основанные на окончании предложенного высказывания: «My actions can improve / make worse the ecological situation because...» (Мои действия могут улучшить / ухудшить экологическую ситуацию, поскольку…), «Healthy lifestyle means...» (Здоровый образ жизни – это…); в) составление так называемых заповедей, например заповеди для туристов; г) работу со списком прилагательных или лексическое наполнение фреймов; д) письменные ответы на комплексные проблемы, требующие выражения осознанного отношения, например: «Напишите письмо в международный журнал, выражая свое отношение к тому, как неконтролируемая рубка лесов может повлиять на нашу жизнь»; е) интервью, монологи на заданные темы; ж) рефлексивные дискуссии и т. д.

На иностранном языке возможно создание ценностно ориентированной ПС с включением в содержание проблемного задания по вопросам экологии, сохранения равновесия между человеком и природой, коэволюционного развития человечества и природы. *Ценностно ориентированная проблемная ситуация* является логическим продолжением информационной ПС и создается при выполнении следующих *условий:* 1) наличие у студента потребности в определении и выражении собственного мнения по предложенной ситуации, которая формулируется в виде нравственной дилеммы или нравственного вызова; 2) включение (вхождение) студента в ситуацию (объективно существующую или созданную преподавателем) и присвоение студентом этой ситуации, осознание ее как личностно значимой; 3) создание эмоционально комфортной атмосферы решения ПС.

При этом *степени проблемности* могут быть разными: при низшей степени проблемности ситуацию нравственного вызова создает преподаватель, а студент только решает ее, высказывая свое мнение, при высшей степени студент сам выделяет и формулирует нравственную дилемму, решает ее, обосновывая свой нравственный выбор.

Решение ПС предполагает несколько *этапов*: 1) понимание студентом нравственного вызова, нравственной дилеммы, если задача поставлена преподавателем, или самостоятельное формулирование сути проблемы; 2) осознание задачи как личностно значимой, касающейся системы личностных ценностей студента; 3) решение задачи, то есть выбор той модели должного, которая соответствует личностным ценностям студента, сформированным в процессе получения им индивидуального опыта, отражающего инвариантные аспекты социального и общечеловеческого опыта; 4) соотнесение своего выбора с выбором других участников решения ПС; 5) интериоризация полученного опыта ценностного отношения, которая может проходить как в виде упрочения уже имеющегося отношения, так и в виде изменения своего отношение под воздействием мнения референтной группы, которой в данной ситуации является академическая группа студентов; мнения преподавателя; информации, которую студент изучил в ходе решения ПС.

Для создания ценностно ориентированной ПС возможно использование следующих *приемов*: 1) обращение к непосредственному жизненному опыту студентов и мотивам их деятельности; 2) проекция общей для человечества проблемы на вопросы повседневной жизни, взаимодействия людей, на их чувства, поведение, мышление; 3) использование предлагаемых обстоятельств для прогнозирования последствий принятых решений; 4) использование персуазивности в формулировке ПС; 5) использование эмпатии.

Примером информационной и ценностно ориентированной проблемных ситуаций может служить обсуждение студентами 2-го курса специальности «Энергоснабжение. Энергосбережение» целесообразности сооружения в Карелии атомной электростанции и его последствий для окружающей природной среды и населения как в локальном, так и в глобальном смысле. На основе предлагаемых текстов, содержащих информацию о положительных и отрицательных аспектах использования атомной энергии, студенты решают информационную ПС. Они используют известные способы формирования и формулирования мысли, отработанные с помощью предлагаемых лексико-грамматических средств для выражения нового предмета речевой деятельности, то есть мысли или смыслового содержания высказывания. Например: проведение сравнения преимуществ и недостатков одного вида источника энергии с другими, уже известными студентам (невозобновляемые – нефть, газ, уголь, уран и возобновляемые – гидроэнергия, энергия ветра, солнечная энергия). Затем им предлагается ценностно ориентированная проблемная ситуация: на основе текстов об авариях на атомных электростанциях мира и их последствиях для населения и окружающей среды определить «цену вопроса» принятия или непринятия решения о строительстве атомной электростанции в Карелии. В данной ПС мыслительная задача задается в объективной проблемной ситуации, но воспринимается студентами как субъективная проблемная ситуация, то есть осознается ими в качестве собственной личностно значимой проблемы, решение которой может повлиять как на жизнь самого студента, так и жизнь его детей и внуков и на состояние природной и социальной среды региона. Во время обсуждения предлагаемых вариантов решения ПС сталкиваются различные точки зрения: экономическая целесообразность (нам нужна электроэнергия любой ценой – как крайнее выражение рационального, прагматического подхода к решению проблемы) и необходимость взвешенного подхода к принятию решения с учетом всех экономических, демографических и экологических последствий как в локальном, так и в глобальном масштабе (атомные электростанции представляют угрозу для человечества – одна из категорических точек зрения). Студенты получают неоценимый опыт формулирования и отстаивания собственной точки зрения на ИЯ, толерантного отношения к другим точкам зрения, с которыми они могут и не соглашаться. Студенты при этом определяют для себя нравственно-ценностные ориентиры, по которым они будут жить и работать в новом тысячелетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмазова Н. И. Философия иноязычного образования в неязыковом вузе на современном этапе // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: Сб. науч. статей. Вып. 8. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. С. 10–21.
2. Ашмарин И. И., Клементьев Е. Д. Гуманитарная составляющая университетского научно-технического образования // Высшее образование в России. 2008. № 1. С. 3–14.
3. Зимняя И. А. Компетентностный подход: каково его место в системе современных подходов к проблеме образования (теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 21–26.
4. Колесникова И. А. Воспитание к духовности и нравственности в эпоху глобальных перемен // Педагогика. 2008. № 9. С. 25–32.
5. Сальников Н., Бурухин С. Реформирование высшей школы: концепция новой образовательной модели // Высшее образование в России. 2008. № 2. С. 3–11.

Август, № 8 **Политология** **2009**

УДК 32.001

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУТОРОВ
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета
gut-50@mail.ru

ЮРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ШУВАЛОВ
кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Санкт-Петербургского политехнического университета
vladbel@inbox.ru

ПОСТКОММУНИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье анализируются эвристические возможности использования концепций толерантности, сложившихся в современной политической теории, для анализа феномена посткоммунизма. Исследуются основные особенности политических процессов в странах Центральной и Восточной Европы, а также в посткоммунистической России. В частности, обосновывается важное для понимания посткоммунистической политики положение: именно отсутствие толерантности стало источником многочисленных политических кризисов, сопровождавших процесс реформ в этом регионе в последние десятилетия XX века.

Ключевые слова: политическая философия, толерантность, посткоммунизм, политический кризис, радикализм, реформы, нетолерантное поведение

Тезис, в соответствии с которым проблема толерантности является ключевой в политическом дискурсе абсолютного большинства бывших социалистических стран, почти двадцать лет назад приступивших к формированию демократического общества, не вызывает у политологов никаких сомнений. «Большинство исследований, посвященных демократической консолидации в посткоммунистических странах, – отмечает группа канадских политологов, – сконцентрировано на политической толерантности, то есть на готовности гарантировать права и свободы противникам... Центральное место, уделяемое в научной литературе политической толерантности, отражает вполне понятную озабоченность тем, что никогда нельзя считать, что толерантности уже достаточно для того, чтобы обеспечить выживание и процветание демократии в посткоммунистических странах» [12; 371]. Удивляться подобной постановке вопроса не приходится хотя бы уже потому, что период трансформации коммунистических режимов в демократические дал немало примеров нетолерантного поведения, не имеющих никаких аналогий с поведением индивидов и социальных групп в «традиционных» демократиях Западной Европы. Но прежде чем предпринять попытку выяснить причины, вызвавшие столь бросающийся в глаза дефицит толерантности в посткоммунистическом мире, к которому относится и современная Россия, необходимо остановиться на некоторых исходных методологических аспектах теории толерантности. В том, что касается эмпирического материала, ввиду небольшого объема данной работы, придется ограничиться преимущественно опытом ранних посткоммунистических преобразований в странах Центральной и Восточной Европы с надеждой привлечь аналогичный и чрезвычайно обширный российский опыт в других наших исследованиях.

© Гуторов В. А., Шувалов Ю. Е., 2009

В современной политологической литературе понятием «политическая толерантность» обычно характеризуется ситуация, при которой индивиды «полностью признают законные права гражданства для групп, к которым они сами не испытывают приязни» [30; 76]. Совершенно очевидно также, что концепция политической толерантности является производной от философской теории толерантности, уходящей своими корнями в традицию позднего Возрождения (Боден) и раннего Просвещения (Монтескье и Вольтер), но окончательно сложившейся в XIX веке в эпоху расцвета западноевропейского либерализма.

В обыденной речи терпимость в самом широком смысле понимается как способность что-либо переносить или претерпевать. В общественном контексте это понятие также часто употребляется для характеристики способности человека или группы сосуществовать с людьми, имеющими иные убеждения и верования. В третьем издании «Нового международного словаря» Уэбстера толерантность определяется как «демонстрация понимания и мягкости (leniency) по отношению к поведению или идеям, вступающим между собой в конфликт». Совершенно ясно, что между этими предельно общими определениями и теоретической моделью толерантности находится внушительная дистанция. Современные конфликты – внутренние и международные, в основе которых лежит нетерпимость религиозная или идеологическая, очень часто оцениваются в соответствии с критериями, сложившимися, прежде всего, в рамках концепций гражданского общества и толерантности. Например, на Западе конфликт в Косово или же политические процессы в посткоммунистической России легко объясняют отсутствием в обоих регионах сложившихся структур гражданского общества, что порождает нетерпимость и насилие. В свою очередь, нетерпимость западных демократий, например в отношении политики Югославии в Косово или России в Чечне, обусловлена помимо чисто прагматических соображений не только идеологическим принципом, предусматривающим приоритет прав человека над суверенитетом и территориальной целостностью той или иной страны, но имеет и определенное теоретическое обоснование. Речь идет о весьма своеобразном и не всегда логически корректном преодолении ультралиберальной трактовки толерантности как нейтральности. Насколько обоснованы такого рода концептуальные обобщения? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо еще раз остановиться на исходных принципах обеих концепций. Первоначально представляется более удобным продолжить обсуждение проблемы толерантности, поскольку очевидно, что в теоретической плоскости эта проблема позволяет более рельефно выявить новые аспекты современной концепции гражданского общества. Более того, в настоящее время теория толерантности даже в политических ее аспектах вполне может рассматриваться с известными оговорками как своеобразное введение к обсуждению концепции гражданского общества. Ведь исходным моментом западной модели толерантности является восходящая к традиции Просвещения трансформация представлений об отношениях государства и индивидов. Из этой трансформации возникли две принципиальные предпосылки: а) правительство обладает только ограниченной властью, источником которой является народ, представляющий собой корпорацию граждан; б) народ в качестве высшего суверена сам определяет свою судьбу.

Исходя из этих принципов, А. Мейклджон в своем знаменитом эссе «Свободная речь и ее отношение к самоуправлению» сформулировал идею толерантности следующим образом: свободная речь играет практическую роль в самоуправляющемся обществе, создавая основу для свободного обсуждения гражданами всех интересующих их вопросов. Свобода выражения необходима потому, что все сообщество заинтересовано в результатах принятых решений. Свобода слова основана, таким образом, на коллективном интересе, который состоит не только в том, чтобы каждый индивид имел свободу самовыражения, но и в том, чтобы все, заслуживающее быть выраженным, было высказано (см. [21; 24–26]). В соответствии с таким представлением государству запрещено вторгаться в ту сферу, где свобода выражения неотделима от выполнения гражданским коллективом своих суверенных функций.

Принцип самоуправления лежит в основе классической либеральной модели толерантности. Последняя предполагает существование равновесия между гражданским коллективом и государством.

Не меньшей популярностью у современных политологов пользуется и так называемая «модель крепости». Ее теоретические предпосылки (как и предпосылки классической модели) были разработаны еще в XIX веке. Суть ее состоит в следующем: современной концепции свободы, основанной на прогрессистской оптимистической идее исторической эволюции человечества от автократии к демократии, противостоят противоборствующие тенденции. Прежде всего, нигде и никогда не существует полной идентификации между гражданским коллективом и правительством. Антагонизм между ними в равной мере может возникать как в результате отхода правительства от своих демократических истоков, так и в случае возникновения ситуации, когда и правительство, и сам народ начинают представлять угрозу для принципов свободы и терпимости (см. об этом подробнее: [4; 76]). В теоретическом плане такого рода ситуация, как уже отмечалось выше, постоянно обсуждалась в политической теории XIX века, например А. де Токвилем и Д. С. Миллем, опасавшимися

той угрозы, которую представляет для свободы «тирания большинства» в грядущих массовых демократиях. Как отмечал Милль в своем эссе «О свободе», поскольку возникшее в данный момент большинство «может испытывать желание подавлять одну из своих же собственных частей... предосторожности необходимы как против этого, так и против любого другого злоупотребления властью» [23; 6]. И Милль, и его младший современник У. Бэджхот, написавший в 1874 году эссе «Метафизическая основа терпимости», исходили из проверенной опытом максимы – нетерпимость и преследования изначально свойственны человечеству, поскольку они присущи ему по природе (см. [2; 220]). В XX веке проводимые специалистами по детской психологии эксперименты, связанные со сравнительным анализом нетерпимости у детей и взрослых, вполне подтвердили выводы Бэджхота о том, что нетолерантное поведение в обществе постоянно воспроизводится вследствие неистребимости инфантильных комплексов, порожденных потребностью в вере, священных обычаях и ритуалах, заменяющих рациональное обсуждение сложных общественных проблем [2; 220].

В этом плане суть «модели крепости» заключается также в том, чтобы создать систему законодательства, которая способна гарантировать свободу в случае возникновения любой из обозначенных выше опасностей. В наше время все больше стала ощущаться необходимость в разработке более основательной и логически непротиворечивой основы концепции толерантности. В связи с этим возникло множество попыток создания такой логической базы. Обсуждение степени их состоятельности не входит в предмет данного изложения. Представляется вполне разумным одно из базовых определений «истинной толерантности», предложенное Д. Буджишевским: «Истинная толерантность... представляет собой особый случай того, что Аристотель называл практическим разумом... потому, что он связан со средствами и целями; специальным случаем потому, что его наиболее важная функция состоит в защите целей против претенциозных средств. Поскольку [такое положение] представляет собой явный парадокс, нет ничего удивительного в том, что оно вызывает недоумение» [6; 7]. Из данного определения вытекают следующие принципы, или «советы толерантности»:

а) истинно толерантный человек верит, что каждый вправе защищать при помощи рациональных аргументов свое понимание того, что является для индивидов благом, независимо от того, будет ли это понимание истинным или ложным, а также стремиться убедить других в том, что он прав;

б) ни один толерантный человек не будет терпеть действий, разрушающих внутреннее право выбора его самого и других;

в) конечный принцип толерантности состоит в том, что зло должно быть терпимо исключительно в тех случаях, когда его подавление создает равные или большие препятствия к благам того же самого порядка или же препятствия ко всем благам высшего порядка [6; 11–13].

Последний принцип, вполне сопоставимый с критерием Парето, на наш взгляд, действительно выражает предельную степень толерантности. В глазах сторонников коммунитаристской трактовки толерантности этот принцип отражает исключительно индивидуальный подход и игнорирует принцип коллективного выбора группы. Представляется, однако, что принцип толерантности группы является производным от индивидуального выбора. Один из аспектов терпимости, между прочим, состоит именно в том, что толерантный индивид вправе игнорировать группу и даже все общество, противостоять им, но осуществлять это право не демонстративно и не из каких-либо своекорыстных побуждений, поскольку зло само по себе не является целью его поведения.

Проблема коллективного и группового выбора является тем не менее чрезвычайно важной, когда сам выбор вызван необходимостью осуществления широкомасштабных социальных реформ. В начале 1990-х годов перед таким выбором оказались страны, отбросившие социалистические принципы и вновь вступившие на капиталистический путь развития.

В политическом плане в условиях всеобщей эйфории 1989–1990 годов повсеместный крах режимов советского типа, произошедший в ходе парламентских выборов, рассматривался как в самом регионе, так и на Западе сквозь призму исторического поражения «социалистической левой». Сами результаты выборов в большинстве бывших коммунистических стран (за исключением Болгарии, Румынии и Югославии), как казалось тогда, указывали на то, что как концепция социализма, так и любой социалистический вариант развития не могут найти более поддержки ни в настоящем, ни в будущем [27].

Вместе с тем, несмотря на убедительную победу политических партий и блоков под националистическими и демократическими знаменами, главные социальные, политические и психологические характеристики основной гражданской массы новых восточноевропейских демократий далеко не всегда соответствовали соотношению сил победивших блоков и социалистической оппозиции в парламентах. На протяжении всего первого пятилетнего цикла левые силы продолжали сохранять устойчивые позиции в постсоциалистических обществах на уровне социальных структур и электората. Этому способствовали сами обстоятельства и характер проводимых в рамках данного цикла реформ, а также устойчивые традиции прошлого.

Программы и политику новых партий вряд ли можно рассматривать сквозь призму классических дихотомий, характерных для партийных систем Западной Европы: левые – правые, капи-

талистические (буржуазные) – пролетарские, богатые – бедные, сельские – городские, христианские – светские, этатистские – антиэтатистские, националистические – интернационалистские и т. д. [14]. Для прежней коммунистической системы была характерна атомарная, диффузная социальная структура [20]. Сама специфика процесса социальной рестратификации в постреволюционных обществах, отсутствие влиятельных групп интересов, опирающихся на массовую базу, существенно затрудняли артикуляцию политических предпочтений избирателей.

Вместе с тем поведение электората определяли факторы гораздо более глубокого порядка. Развитие в направлении «социально ориентированной рыночной экономики», декларированное в программах реформаторов первой волны, сразу обнаружило большое количество кричащих парадоксов. Например, радикальные экономические реформы и приватизация, создание доходных государственных и частных предприятий, формирование новой экономической элиты, увеличение спроса на рабочие места и так далее возможны только в случае, если политическая система в состоянии справляться с первичными непосредственными последствиями начавшихся реформ – резким снижением жизненного уровня и социальной дезинтеграцией, вызванными радикальной трансформацией социалистической экономики и общественных структур. Государство должно изыскивать ресурсы для смягчения и компенсации самых тяжелых социально-экономических потерь. Наследие социалистического государственного патернализма с его специфической комбинацией авторитаризма и политики, направленной на обеспечение и поддержание благосостояния (welfare politics), постоянно приводило к конфликту укоренившихся на протяжении десятилетий ожиданий и надежд на помощь государства для поддержания стабильного уровня потребления с политикой либерализации, не предусматривавшей создание соответствующих государственных фондов.

«Конфликт ожиданий» во многом углублялся возникновением новых форм социальной дискриминации, связанных с трансформацией бюрократического социализма и его властных структур. Под аккомпанемент широко разрекламированной в СМИ кампании по декоммунизации десятки тысяч представителей номенклатуры высшего и среднего звена, используя тайные и явные финансовые ресурсы, личные связи и хорошее знание столичной, региональной и местной конъюнктуры, переместились из партийных кресел на места руководителей банков, совместных и частных предприятий, составив основу нового «кадрового капитализма». Такого рода метаморфоза резко контрастировала с потерей огромным числом граждан в результате приватизации и рационализации производства работы или многих преимуществ, связанных в прошлом с высокой квалификацией или академическим образованием. Другие группы населения – пенсионеры, многодетные семьи, безработные, матери-одиночки – были вообще отброшены процессом модернизации до уровня ниже прожиточного минимума. Обширный слой низкооплачиваемых государственных служащих подвергся серьезной дискриминации. Бедность как фактор социальной жизни развивалась на фоне расцвета афер «новых богачей», спекулянтов, мафиозных организаций, получавших огромные полулегальные и прямо незаконные доходы и обладавших большим влиянием практически во всех посткоммунистических обществах [22; 20].

В различных формах такого рода тенденции имели место в большинстве посткоммунистических стран, и они не могли не повлиять на характер формирующейся новой политической культуры и особенности развития политических процессов. Специалисты выделяют следующие особенности современной политической культуры в посткоммунистической Центральной и Восточной Европе: 1) преобладание профессиональных политиков; 2) низкий уровень политического участия; 3) широко распространенные политическая апатия и стремление замкнуться в частной жизни (приватизм); 4) тенденция к авторитаризму, выражающаяся как в латентных, так и в открытых формах [22; 27].

Вторая и третья особенности, естественно, связаны друг с другом. Статистика голосования свидетельствует о существовании устойчивых социальных групп (от 30 до 48 %), не принимающих участия в местных и национальных выборах. Эти группы особенно велики в Польше, Венгрии и Словакии. Попытки объяснить такую пассивность традициями репрессивного авторитарного правления в соединении с крайне тяжелыми социально-экономическими условиями, отбросившими большие социальные группы до положения маргиналов, борющихся за выживание, не могут не встретить понимания. Гораздо труднее объяснить вполне реальные авторитарные тенденции в посткоммунистических странах при помощи ссылок на предшествующие методы господства и управления.

Прежде всего, история всех без исключения революционных периодов трансформаций экономических и социально-политических систем свидетельствует о резком возрастании авторитарных начал в политической жизни, когда сосредоточение власти и контроля в руках небольших группировок амбициозных политиков, стремящихся укрепить свое достаточно шаткое положение «жесткими мерами» и безудержной пропагандой популистского толка, является именно нормой, а не исключением. Так или иначе, именно эти тенденции привели к резкому снижению уровня толерантности в большинстве посткоммунистических стран. Решающую роль в этом плане играла кампания по «декоммунизации», проводимая с разной степенью интенсивности во всех странах Цент-

ральной и Восточной Европы и имевшая для них различные последствия.

Как известно, в Чехословакии и ГДР крах коммунистических режимов произошел настолько неожиданно, что, в отличие от Польши (где летом 1989 года между коммунистическим руководством и оппозицией, вероятно, было заключено «джентльменское соглашение», препятствующее в будущем охоте на коммунистов), никаких предварительных договоренностей относительно будущей судьбы партийных функционеров заключено не было.

В октябре 1991 года чешский федеральный парламент принял закон, запрещавший определенным категориям граждан, включая партийных функционеров (начиная с городского уровня), агентов и сотрудников государственной службы безопасности и др., занятие выборных или назначаемых общественных или профессиональных постов в государственных организациях или в смешанных компаниях, в которых государство было держателем основного пакета акций, сроком на пять лет. 9 июля 1993 года чешский парламент принял закон, объявлявший коммунистический режим «незаконным». В законодательстве были сняты ограничения, препятствующие преследованию за преступления, совершенные с 1948 по 1989 год. По общим оценкам, под действие этого закона подпадало приблизительно 2000 граждан [5], [25]. Необходимо отметить, что вышеупомянутый закон о люстрации 1991 года был воспринят как слишком строгий даже политиками – выходцами из диссидентских кругов (включая Федерального президента В. Гавела). Обычно утверждали, что только события августа 1991 года в СССР могут частично объяснить резкий поворот от умеренной версии к столь обширной и излишне ригористичной [32; 421].

Как только официальные чехословацкие СМИ начали в 1991 году шумную кампанию в поддержку закона о люстрации, леволиберальная газета «Mlada fronta Dnes» (MFD) опубликовала драматическую статью-комментарий, в которой был поставлен своеобразный диагноз всей политике Гражданского форума (OF) – движения, инициировавшего «бархатную революцию». Статья имела название «Диагноз OF: политическая шизофрения». «...Атмосфера последних съездов OF, – утверждалось в статье, – определялась радикальными представителями из провинциальных кругов, а также теми, кто занял освободившиеся места, после того как в государственном управлении сменилась первая волна представителей OF... Политика высшего эшелона OF, состоящего из писателей, журналистов, актеров, исполнителей модных песенок и других приверженцев антиполитики… разочаровывает все большее количество граждан, а также простых избирателей». Основная проблема OF состоит в том, что «свободно организованный политический клуб давно является анахронизмом», но «политическое руководство OF, оглушенное успехом июньских выборов 1990 года, решило эту проблему игнорировать» [19].

В статье MFD была дана вполне определенная характеристика положения, которое в целом можно было определить как отсутствие какой-либо определенной концепции декоммунизации чехословацкого общества. Даже само понятие «декоммунизация», судя по декларациям политических партий и групп и многочисленным публикациям в прессе на эту тему, было крайне смутным. Для радикальных антикоммунистических групп, таких как Клуб ангажированных беспартийных (KAN) или Антикоммунистический альянс (AA), декоммунизация означала всеобщую «проверку на лояльность» чуть ли не всех «носителей идеологии» старого режима или даже просто симпатизировавших ему. Для прагматично настроенных реформистов, особенно из кругов экономических экспертов, часть которых примкнула к OF (В. Клаус, Т. Йежек, В. Длуги и др.), декоммунизация означала просто чистку государственного аппарата от старых номенклатурных кадров. И, наконец, существовал левый вариант («позитивная программа») декоммунизации, выдвигавшийся реформистски настроенными диссидентами с коммунистическим прошлым (например, З. Млынарж). Под ней подразумевалась дебольшевизация и десталинизация, отказ от концепции руководящей партии и принятие идеи частной собственности и парламентской демократии [3; 164–165].

Развязанная правыми радикалами кампания за принятие закона о люстрации в конечном итоге способствовала более тесным контактам левых партий между собой (Коммунистическая партия Чехии и Моравии, Коммунистическая партия Словакии, И. Свитак, З. Млынарж и др.), а также усиливала стремление последних начать переговоры с более умеренными демократами, ориентирующимися не на сиюминутные лозунги, а на долговременные цели (см. [13]). Например, один из ведущих представителей движения «Общественность против насилия» министр внутренних дел и будущий руководитель Словакии – В. Мечиар – предложил либо сжечь основные документы Службы безопасности, либо законсервировать ее архивы на несколько десятилетий, начав строительство демократии «с нуля». Его мнение, однако, не было самым авторитетным даже в рамках его организации. Однако дискуссия о люстрации перекинулась на Словакию и приняла там весьма острую форму, породив даже слухи о готовящемся «левом путче» типа 1948 года и т. д. В марте 1991 года впервые ясно обнаружилась тенденция к союзу «Платформы за демократическую Словакию» В. Мечиара и словацких националистов. В свою очередь, слухи о «путче» усилили позиции сторонников люстрации и декоммунизации, подтолкнув принятие соответствующего закона в октябре 1991 года. Начавшаяся кампания в поддержку

люстрации, совпав с проведением в жизнь радикальной программы рыночных реформ (автором которой был В. Клаус – нынешний президент Чехии и тогдашний лидер Гражданской демократической партии) со всеми ее последствиями, постепенно стала подрывать позиции бывших диссидентов. Умеренные демократы все больше предпочитали ориентироваться на создание нового альянса, формируемого из представителей старого коммунистического истеблишмента и руководителей СМИ. В. Гавел подписал закон, выразив одновременно свое недовольство его жестокостью, между тем как символ «пражской весны» 1968 года, председатель парламента А. Дубчек отказался поставить свою подпись, усмотрев противоречие между законом о люстрации и уже ратифицированным парламентом списком индивидуальных прав и свобод. Позиция А. Дубчека в дальнейшем была поддержана международными организациями по правам человека и Советом Европы, справедливо усмотревшим в чехословацком и во многом аналогичном ему болгарском люстрационных законах применение архаического критерия коллективной вины по отношению к коммунистическим чиновникам [3; 170], [32; 415].

Анализируя кампании по декоммунизации в странах Центральной и Восточной Европы и общий тон прессы и телевидения, следивших за развернувшимися многочисленными скандалами, которые усиливали ажиотаж, но одновременно и неясность подхода к самой проблеме, большинство нейтрально настроенных аналитиков постоянно подчеркивают крайне отрицательный травмирующий характер, который эта кампания имела для общественного сознания и политического дискурса. «После “нежной революции”, – отмечает Ю. Балаж, анализировавший кампанию по люстрации в Чехословакии, – настало время нежной юстиции Линча» [3; 181]. Е. Ковач, специально изучившая роль венгерских СМИ в борьбе за «восстановление справедливости», также отмечала избирательный подход к проблеме ответственности за прошлое. «Тогдашняя госбезопасность, тайная служба режима Кадара и советская армия, – писала она, – были объектом для обсуждения в СМИ, тогда как нацистское прошлое или вина режима Хорти в период между двумя войнами замалчивались» [15; 120]. Такого рода избирательность в конечном счете ударила рикошетом по самим СМИ. Когда в связи со скандалом, разгоревшимся после показа отснятого оппозиционной группой кинематографистов фильма «Черный ящик» (январь 1990 года), стало ясно, что новое коммунистическое правительство сохранило, несмотря на многочисленные декларации, тайную службу безопасности и ведет слежку за политиками из новых оппозиционных партий, в Венгрии началась подлинная «охота на ведьм», в том числе после опубликования так называемого «списка III/III», содержавшего имена бывших агентов. Предложенный фракцией *Венгерского демократического форума* «план правосудия» (август 1990 года) резко «перевел стрелку» политического дискурса из сферы «исторической ответственности» и «восстановления справедливости» в сферу юридических преследований, которым могли подвергнуться (в силу крайней растянутости «плана») 80 тыс. членов ВСРП.

В ноябре 1991 года после жаркой телевизионной дискуссии между представителями Венгерского форума и ВСРП по поводу венгерского варианта «закона о люстрации» (проект Зетеньи – Такача) президент А. Гонт отправил этот проект в Конституционный суд для проверки его законности. Когда в марте 1992 года суд признал проект антиконституционным, активисты Венгерского форума развязали в СМИ кампанию, предметом которой была легитимность самого Конституционного суда. Вслед за этим, контролируя телевидение и радио, правительство развязало новую истерическую кампанию по проверке «чистоты прессы», вернее, тех газет, которые не разделяли официальную позицию. В результате «проверка прессы» и люстрация составили в политическом дискурсе как бы единый комплекс. Обсуждение темы декоммунизации приняло ритуализированный характер, появились новые «герои», «еретики» и «ренегаты». «Дискуссии в СМИ формировали разнообразные роли, которые повышали эмоциональный индекс скандала» [15; 129]. В конечном итоге решение оказалось соломоновым: венгерский парламент принял в марте 1994 года закон, предписывавший обследование государственных деятелей высшего ранга на предмет сотрудничества с секретными службами и участия в репрессиях 1956 года, но фонды архивов госбезопасности были опечатаны (как и в Болгарии, Польше и Румынии) на несколько десятков лет (в Венгрии до 1 июля 2030 года).

Почти идентичные результаты декоммунизации в большинстве посткоммунистических стран свидетельствовали, что она может рассматриваться, в известном смысле, скорее как «эмоциональный проект» [8; 162]. Вместе с тем нельзя недооценивать влияние этих кампаний как на общественное сознание, так и на социально-политические институты, включая СМИ. В 1996 году немецкий политолог Г. Фер, подводя итоги декоммунизации в Польше, дал следующее ее определение: «Конфликт, связанный с декоммунизацией в Польше, свидетельствует о наличии у него символических и стратегических параметров. Декоммунизация является составной частью политической борьбы новых элит, направленной на создание основ изменившейся политической среды (Umwelt) в результате проведенной в 1989 году смены системы. Речь идет о семантических стремлениях (semantische Bestrebungen) политических акторов равным образом запечатлеть новые содержательные значения справедливости, права и политического

прошлого. С этим связана и другая предпосылка, освещающая стратегические параметры политического дискурса: декоммунизация и “люстрация” являются составными частями стратегии мобилизации политических элит и партий в конкурентной борьбе за влиятельные позиции в общественной и политической жизни Польши» [8; 135].

Быстрая смена различных образцов и подходов к декоммунизации в польском обществе также свидетельствует о том, что эти кампании имели во всех странах идентичную внутреннюю логику: начинаясь с вполне мирных заявлений, они в дальнейшем, по мере нарастания конфликтов, превращались в обличительный и разоблачительный шквал взаимных обвинений только для того, чтобы в конце концов «уйти в песок», оставив за собой многочисленные следы ненависти в травмированном общественном сознании.

Словесная агрессия в тот период стала обычным оружием всех политических сил, оскорбления и инсинуации – чрезвычайно заурядным явлением, свидетельствующим о низких стандартах общественного поведения и моральном уровне политических оппонентов. Само понятие «оппонент» стало звучать в СМИ, в парламенте и в предвыборных плакатах как «враг», с той, конечно, разницей, что «политические враги, которые в коммунистические времена должны были быть прежде всего уничтожены, сегодня должны быть оклеветаны и оскорблены» [8; 157].

В итоге все подобные «идеологические послания» (см. [29; 425]), окрашенные во все цвета популистско-агрессивной риторики, проникли практически во все сферы общественной жизни и сознания, затронув даже такой оплот польской исторической традиции и культуры, как католическая церковь [31], [28]. Если в самом начале кампании «нормальной» дихотомией считалось противопоставление «мы», то есть сообщество «католических поляков», и «они» – «люди коммуны» [16], [17], [7], то в дальнейшем многие католики в соответствии с логикой декоммунизации оказались в противоположном лагере в связи с тем, что понятие «коммунист» расширилось чрезвычайно. «Образ врага» воплотился в понятиях *тайных коммунистов, посткоммунистов, католических левых* и просто *левых* [9; 158]. Комментируя такие расширительные толкования, польский публицист М. Фик писала в «Gazeta Wyborcza»: «В этом смысле каждый может превратиться в коммуниста: тот, кто выступает против введения религиозного образования в школах, не говоря уже о тех, кто был против законодательства, запрещающего аборты... Сегодня коммунистом может быть мистик; человек, который в другой стране и в другое время считался бы вполне подходящим, может стать коммунистом. Любой, кто поддерживает зарубежный или польский капитал или даже их обоих, может стать коммунистом. Коммунист может принадлежать к любому типу идеологической партии или он может вообще не принадлежать ни к какой партии» [10; 9].

В польской печати после 1991 года такие нейтральные прежде слова, как *христианин, церковь, католик, священник, орден* или *духовенство,* приобрели негативный смысл. Священников стали называть *черными* в противоположность *красным* [26; 158]. Особую роль в антикатолической пропаганде играл еженедельник «Nie», издаваемый Е. Урбаном – известным экспертом по массовой пропаганде, названным публично «Геббельсом периода чрезвычайного положения» (начало 1980-х годов).

Подвергаясь атакам справа и слева, католические газеты, по мнению польских аналитиков, также вышли из границ нейтральности, заняв «воинствующую или даже фундаменталистскую позицию» [9; 158]. «В Польше продолжается битва, – писала католическая газета “Niedziela” (“Неделя”), – она происходит в центре Европы, и мы защищаем главные позиции христианства. Если мы уступим, кто остановит наступающий атеизм?» [24].

Промежуточный финал кампании по декоммунизации, в которую включились и католические силы, был курьезным. Резюмируя итоги политической борьбы накануне парламентских выборов в сентябре 1993 года, принесших победу партиям социалистической ориентации, один из наиболее рьяных приверженцев декоммунизации В. Гржановский отмечал с известной долей иронии: «Декоммунизация не играла никакой значительной роли даже среди католиков в ходе выборной кампании. Когда люди живут в тяжелых условиях, такого рода акции теряют свою грузоподъемность» [11].

Заключительным аккордом разыгравшейся в Польше грандиозной политической комедии можно считать политическую борьбу между Л. Валенсой и А. Квасневским на президентских выборах осенью 1995 года. Предвыборная кампания в печати вышла за рамки даже тех этических норм, которые установились после 1991 года. Обе стороны обвиняли в печати друг друга в коррупции. Главный (и небезосновательный) расчет Валенсы заключался в том, что антикоммунистические организации Польши, в том числе и бывшие сторонники из левого и правого крыльев Солидарности, забудут перед лицом угрозы победы социалистов старые обиды и разногласия и поддержат его на выборах. Когда эти надежды частично оправдывались и рейтинг Валенсы поднялся накануне 19 ноября 1995 года до 51 % (5 ноября – 33 % против 35 % у Квасневского), воодушевленный президент принял вызов своего соперника, потребовавшего двух телевизионных дебатов [18].

Валенса впервые принял участие в подобных открытых теледебатах 3 ноября 1988 года. Его оппонентом был тогда глава официальных польских профсоюзов, член политбюро ПОРП А. Медович. Вопреки расчетам руководства партии на

то, «что в теледискуссии один на один, без помощи советников и помощников, косноязычный электрик Валенса проиграет инженеру Медовичу и тем самым окончательно явит себя в качестве “марионетки в руках антисоциалистических сил”» [1], первому удалось одержать в дебатах, которые смотрели 75 % взрослого населения страны, хотя и не блестящую, но все же победу.

На этот раз теледебаты обернулись для Валенсы настоящей катастрофой. Он никогда не умел налаживать связи со СМИ, даже в годы своей наивысшей популярности. Эти контакты были поручены Д. Држичимскому, малоизвестному преподавателю высшей школы, необщительному и грубому по своему характеру. «Држичимский общался со СМИ, потому что он должен был делать это, а не потому, что он этого хотел» [33; 118]. Перед телевизионной камерой Валенса всегда держался неуклюже, в то время как «Квасневский был, молод, строен, обладал хорошими манерами и был противником, умевшим с большим искусством играть перед камерой» [33; 121].

Во время первой встречи Валенса вел себя воинственно и грубо, ограничившись перед миллионами телезрителей давно набившей оскомину, и к тому же неуклюжей, антикоммунистической риторикой. Квасневский, наоборот, вел себя достойно, был сдержан, проявлял большую информированность и явно демонстрировал перед зрителями стремление к примирению. Под конец дебатов Квасневский почтительно протянул Валенсе руку, которую он отказался пожать, в оскорбительной форме предложив «пожать свою ногу» молодому посткоммунистическому лидеру. Уже после первых теледебатов Квасневский мог позволить себе открыто назвать себя победителем, заявив в интервью, что «Польша не заслуживает президента, который выражается по-скотски» [33; 121]. Результаты выборов 19 ноября 1995 года полностью подтвердили этот прогноз. Они показали, что толерантное поведение вкупе с умением использовать СМИ в соответствующем направлении стало важнейшим фактором, обеспечивающим успех в политических баталиях в посткоммунистических странах.

Приведенные выше примеры свидетельствуют не только о том, какую роль играет современная теория толерантности для адекватной характеристики эволюции политического процесса в странах Центральной и Восточной Европы в недавнем прошлом, но и весьма рельефно оттеняют политическую ситуацию в современной посткоммунистической России. На наш взгляд, Россия, несколько раньше, еще в эпоху «перестройки», приступив к реализации программы широкомасштабных реформ, оказалась на сегодняшний день в положении «застревающей страны», так и не сумевшей не только освоить практику развитых демократий, но и со всей серьезностью подойти к оценке отнюдь не тривиального опыта своих бывших западных сателлитов. Именно этим объясняется атмосфера исключительной нетерпимости, проявляемой на каждом шагу отечественными политиками как правой, так и левой ориентации в отношении друг друга. Сумеет ли российская политика стать толерантной? Именно с решением этого вопроса связана перспектива ее демократизации и выхода на новые цивилизационные рубежи.

Работа выполнена при поддержке Федеральной программы Министерства образования и науки Российской Федерации «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» в рамках гранта «Современные концепции политического образования: Запад и Россия (опыт сравнительного анализа)». Рег. номер: 2.1.3/4708.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильцов С., Обухов С. Коварные овалы «круглого стола». Европейский опыт политического диалога оппозиции и «партии власти» // Советская Россия. 23.10.1997. С. 4.
2. Bagehot W. The Metaphysical Basis of Toleration // The Works and Life of Walter Bagehot. Oxford, 1915. Vol. 6. P. 220.
3. Balaz J. Eine sanfte Dekommunisierung? Der Lustrationsdiskurs nach der «sanften Revolution» in den tchechischen und slowakischen Medien // Oeffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identitaet. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa in memoriam Gabor Kiss. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus / Hrsg. von Krisztina Maenicke-Gyongyosi. Bd. 9: Peter Lang, 1996.
4. Bollinger L. C. The Tolerant Society. Oxford, 1986. P. 76 sqq.
5. Bren P. Lustration in the Czech and Slovak Republic // RFE/RL Reseach Report. 1993. 2, 16 July. P. 16–22.
6. Budziszewski J. True Tolerance. Liberalism and the Necessity of Judgement. New Brunswick; London, 1992.
7. Dunn K., Krasko N. Nieprawica // Cudze problemy / M. Czyzewski, K. Dunn, A. Pietrowski (eds.). Warszawa, 1991. P. 158 sqq.
8. Fehr H. Dekommunisierung und symbolische Politikmuster in Polen // Oeffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtingkeit, politische Verantwortung und nationale Identitaet. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gabor Kiss. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus / Hrsg. von Krisztina Maenicke – Gyongyosi. Bd. 9: Peter Lang, 1996.
9. Fras J. Political Discourse as an Expression of the Polish Political Culture after 1989 // The Political Culture of Poland in Transition.
10. Gazeta Wyborcza. 13–14.07.1991.
11. Gazeta Wyborcza. 6–7.11.1993.
12. Gueran D., Petry F., Crete J. Tolerance, Protest and Democratic Transition: Survey Evidence from 13 Post-Communist Countries // European Journal of Political Research. 2004. May. Vol. 43. № 3.

13. Kabele J. Ceskoslovensko na ceste od Kapitalismu ke Kapitalismu // Sociologicky casopis. 1992. H. 1. S. 4–22.
14. Kitschelt H. The Formation of Party Systems in East Central Europe // Politics and Society. 1992. № 1. P. 7–50.
15. Kovacs E. J. Hutchenspiel. Ausschlussverfahren bei den Mediendiskursen uber die «Restitution von Gerechtigkeit» in Ungarn 1990–1992 // Oeffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtingkeit, politische Verantwortung und nationale Identitaet. Institutionbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gabor Kiss. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozializmus und Kommunismus / Hrsg. von Krisztina Maenicke – Gyongyosi. Bd. 9: Peter Lang, 1996.
16. Kowalski S. Solidarnose Polska. Warszawa, 1988. S. 28 sqq., 34 sqq.
17. Kowalski S. Prawo naturalne jako Kategoria dyskursu publicznego // Cudze problemy / M. Czyzewski, K. Dunn, A. Pietrowski (eds.). Warszawa, 1991. P. 258–264.
18. Kwasniewski A. Potrzebna Debata // Polityka. 11.11.1995. P. 16.
19. Leschtina J., Marek T., Sabata P. Diagnoza OF: politicka Schizofrenie // Mlada fronta Dnes. 11.01.1991.
20. Löw K. Totalitäre Elemente im originaeren Marxismus // Totalitarismus / Hrsg. von Konrad Löw. 2 Aufl. Berlin, 1993. D. 185 sq.
21. Meiklejohn A. Free speech and Its Relation to Self-Government // Political Freedom: The Constitutional Powers of The People. New York, 1948.
22. Meyer G. Towards a Political Sociology of Postcommunism: the Political Culture of East Central Europe on the Way to Democracy // The Political Culture of Poland in Transition / Ed. by Anrzej W. Jablonski and Gerd Meyer. Wroclaw, 1996. P. 20 sqq.
23. Mills J. S. On Liberty / Ed. by C. V. Shields. New York, 1956.
24. Neidziela. 11.04.1993.
25. Obrman J. Czech Parliament Declares Former Communist Regime Illegal // RFE/RL Reseach Report. 1993. 2, 13.08. P. 6–10.
26. Puzynina J. Co jiezyk mowi o wattosciach wspolczesnych Polakow // Ethos. 18–19. 1993. S. 215–227.
27. Racz B., Kukorelli I. The «Second-Generation» Post-communist Elections in Hungary in 1994 // Europe-Asia Studies. Formerly Soviet Studies. 1995. Vol. 47, 2. P. 251–280.
28. Schimmelfenning F. International Relations and Political Culture: International Debate and Transition to Democracy in Poland // The Political Culture of Poland in Transition / Ed. by Andrzej W. Jablonski and Gerd Meyer. Wroclaw, 1996. P. 65–84.
29. Simons H. W., Mechling E. W. The Rhetoric of Political Movements // Handbook of Political Communication / Ed. by D. D. Nimmo & K. R. Sanders. London, 1987.
30. Sullivan J. L., Piereson J. E., Marcus G. E. Political Tolerance and American Democracy. Chicago, 1982.
31. Wehling H.-G. A Historical and Regionalist Approach: National and Regional Dimensions of Polish Political Culture // The Political Culture of Poland in Transition / Ed. by Andrzej W. Jablonski and Gerd Meyer. Wroclaw, 1996. P. 53–64.
32. Welsh H. A. Dealing with the Communist Past: Central and East European Experiences after 1990 // Europe-Asia Studies. Formerly Soviet Studies. 1996. Vol. 48, 3.
33. Zubek V. The Eclipse of Walesa's Political Career // Europe-Asia Studies. Formerly Soviet Studies. Vol. 49. 1, January 1997.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 8 **Политология** **2009**

УДК 323

ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА ЛЕСКОВА
кандидат политических наук, доцент кафедры социальной антропологии социологического факультета Российского государственного социального университета, г. Москва
leskova.i@mail.ru

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье обоснована необходимость обеспечения государством духовной и образовательной безопасности российского общества как одного из обязательных условий перехода к интенсивному типу культурного воспроизводства и формирования позитивной идентичности. Традиционно важнейшими составляющими безопасности государства считались политическая, военная, техногенная, экологическая, экономическая. В настоящее время становится актуальным вопрос о безопасности духовной и тесно связанной с ней образовательной безопасности.

Ключевые слова: социальная идентичность, идентификация, национальная (цивилизационная) идентичность, духовная и социокультурная безопасность

Традиционно важнейшими составляющими безопасности государства всегда считались политическая, военная, техногенная, экологическая, экономическая. Сегодня, как нам кажется, со всей остротой должен быть поставлен вопрос о безопасности духовной и тесно связанной с ней образовательной безопасности. Духовная безопасность не только выступает самостоятельным компонентом системы безопасности в целом, но и пронизывает духовные компоненты других направлений национальной безопасности: политической, экономической, социальной, военной и др. [8; 252].

Отметим, что сама по себе духовность – сложное социальное явление, имеющее идеально-материальную выраженность, субъективно-объективную природу. Без такого понимания трудно вести речь о соответствующем направлении безопасности, поэтому остановимся на отмеченной характеристике более подробно.

Идеальная природа духовности несомненна, поскольку она характеризует, прежде всего, состояние духа как отдельной личности, так и социальной группы, народа или нации в целом. К тому же, когда речь идет об отдельной личности, несомненна субъективная природа духовности, поскольку она отражает конкретное состояние сознания субъекта. Однако, как только мы выходим на уровень духовности социальной группы (даже самой малой – трудового коллектива, студенческой группы), духовность обретает *солидарный* (ныне все чаще говорят – синергетический) характер. Это связано, с одной стороны, с необходимостью для каждого индивида обладать информацией о духовности других индивидов; с другой стороны, требует учета тот факт, что каждый индивид существует в обществе, в коллективе, а стало быть, находится в ситуации уже наличествующей духовности этого общества, этого коллектива. Поэтому для конкретного индивида такая духовность социума носит в известной мере объективный характер (по крайней мере до тех пор, пока ее формиро-

© Лескова И. В., 2009

вание и развитие происходят без участия и влияния этого индивида).

Что же касается обмена информацией (в данном случае – информацией о состоянии и содержании духовности) между индивидами, между индивидами и обществом, то такой обмен возможен лишь при помощи текстов (понимаемых в широком смысле – как любой значимой совокупности знаков), идет ли речь о языке устном или письменном, о системе социальных символов (например, государственных), о художественных произведениях или партийных программах и т. д. Поскольку любая совокупность знаков имеет материальную природу, то нельзя игнорировать и такого рода материальный аспект духовности: духовность формируется и поддерживается совокупностью специфических информационно-обменных процессов в обществе. Стало быть, опасность для духовности может проистекать не только со стороны ее идеального содержания (например, подмена и замена конкретных духовных ценностей), но и со стороны материальных носителей информации об этих ценностях (например, создание помех техническим средствам телерадиовещания либо каналам связи всемирной паутины Интернета).

Существенным компонентом духовности (таким компонентом, который в наибольшей степени подвержен внешним угрозам) является *национальная идентичность*, тесно связанная с понятием национальной идеи. Именно понятие национальной (и государственной) идентичности выступает наиболее ярким проявлением духовного осмысления индивидом его места в обществе, причем места, соотнесенного с социальным (в частности, этносоциальным) статусом соотечественников.

Место национальной идентичности в системе духовности не является постоянным и стабильным. Она выступает на первый план, прежде всего, в эпоху социальных потрясений, крупных общественных перемен. Именно на таком этапе и находится современная Россия. Долгое пребывание страны на этапе социальных перемен вызывает у части исследователей сугубо пессимистические настроения относительно состояния духовной безопасности России, приводит их к выводу о том, что в сфере духовности Россия оказалась полностью незащищенной от существующих и предстоящих угроз (см., например, [2]).

Академик РАН Т. И. Заславская в обстоятельном исследовании человеческого потенциала современной России делает вывод о заметном снижении социально-культурного потенциала россиян по сравнению с советским временем, выделяя в связи с этим три тенденции: 1) «сознательное и активное» разрушение государством институциональной, материально-финансовой и кадровой базы развития науки, образования и культуры, 2) все более глубокая сегрегация разных слоев населения по социально-культурным критериям (характеру ценностей, интересов, образу и стилю жизни), 3) безусловное и очень резкое снижение общей морали и нравственности [5; 20].

В настоящее время духовную угрозу несут самые различные факторы и явления. Среди них социологами обычно называются следующие:

- интенсивные модернизационные процессы;
- некритичное заимствование извне и насильственное внедрение экономических и политических моделей;
- разрушение базовых ценностей христианской культуры, экспансия нетрадиционных религий;
- манипулирование с помощью СМИ общественным сознанием;
- целенаправленное навязывание асоциальных и противоправных эталонов поведения и стилей жизни за счет подачи безоценочной информации о формах и способах существования преступного мира.

Мы считаем необходимым добавить к этому перечню еще одну реалию сегодняшнего дня – разрушение культурообразующего ядра современного российского образования, превращение его в узкоспециальное. Эта, по нашему мнению, куда более серьезная духовная угроза не осознается еще в полной мере российским обществом потому, что опасность духовного кризиса, который последует вслед за превращением образования в «узкоспециальное», – в его «невидимости» и отсроченности последствий (обычно общество осознает как катастрофу только ту угрозу, которая впрямую надвигается на него, непосредственно ему угрожает, а эта катастрофа еще «в перспективе»). Все остальные названные выше острые социальные проблемы являются, как мы полагаем, всего лишь производными от этой, главной.

Обозначая данную проблему как одну из самых важных, напрямую связанных с безопасностью России, А. С. Запесоцкий пишет: «За последние годы существенно деформировалась система духовного самопроизводства общества, и, прежде всего, в результате кризиса институтов социализации и культурной преемственности, важнейшим из которых является институт образования… Просчеты государственной образовательной политики проявились не только в сокращении объемов финансирования высшей школы, но, прежде всего, в непродуманной модификации целей и ценностей образования» [4; 93].

Между тем безопасность государства в стратегическом плане во многом определяется состоянием системы образования в целом и высшего профессионального образования в частности. Разумеется, национальную безопасность нельзя обеспечить лишь средствами образовательной политики, но ее невозможно гарантировать и при отсутствии последней. У современного российского государства, несмотря на множество доктрин и концепций, такой политики нет, но существующая образовательная практика нуждается в придании ей целостного и направ-

ленного характера, обретении генеральной линии, связанной с культурным воспроизводством. В официальной статистике нет такого понятия, как степень ответственности государства за будущее своей страны и судьбу ее граждан, но совокупный опыт развития цивилизации свидетельствует, что такой показатель есть, и он измеряется, прежде всего, долей расходов государства на образование, науку и культуру. С 1928 по 1932 год ежегодные расходы советской власти на образование составляли 11,2 % бюджета, к 1938 году они выросли до 13,6 %, во время Великой Отечественной войны, в 1945 году, снизились до 8,8 %, но уже в 1950 году достигли 13,9 %. За период с 1931 по 1940 год расходы на народное образование выросли в 9 раз. Даже в тяжелейшем 1942 году они составляли 5,7 %. До 1985 года финансовая политика государства сохраняла отношение к образованию как приоритетному направлению социальной политики. С началом перестройки положение изменилось: образование стало финансироваться по остаточному принципу и снизилось при М. С. Горбачеве до двух с небольшим процентов [3; 118–119]. Один из видных отечественных ученых В. Б. Миронов справедливо заметил, что в таком подходе к финансированию образования и науки проявляется закон мелитократии: чем выше уровень правящей элиты, тем больше внимания, забот, средств и усилий она уделяет вопросам культуры, науки, техники, образования и наоборот [7; 145]. Можно утверждать, что 1985 год стал началом распада российской системы образования, с этого времени страна начинает терять свою образовательную безопасность. Политика перестройки подорвала стратегические позиции страны в области образования в мире и исключила СССР и его преемника – Российскую Федерацию – из области лидеров в этой жизненно важной для сохранения национальной и государственной независимости области. К концу перестройки потери в области образования были уже очевидны. Судя по доле расходов государства на образование, в конце XX – начале XXI века в России игнорируется идея о существовании особой, нерасторжимой, прямой связи между образованием и культурным воспроизводством, с одной стороны, и национальной и государственной безопасностью – с другой. Современное российское государство не видит в образовании самую надежную оборону страны, хотя образование, как известно, действует на всех уровнях безопасности: личности, общества, государства, и совершенно очевидно, что экономическая, военная, технологическая и любая другая безопасность государства немыслима без широкообразованных квалифицированных кадров.

При этом комитет по безопасности Государственной думы еще прошлого созыва совместно с учеными РАН определил, что 19 из 20 показателей национальной безопасности России находятся у красной черты или даже за ее пределами [1; 14]. Данное заключение совпадает с выводами специалистов ЮНЕСКО и Всемирной организации здоровья, которые в начале 90-х годов XX века изучали проблему жизнеспособности различных наций и государств. При 5-балльной оценке высший балл не получило ни одно государство. На 4 балла была оценена жизнеспособность немногих, в том числе Болгарии, Испании, Голландии, Исландии, Дании и др. Всего лишь 3 балла получили США, Япония, Германия и многие другие высокоразвитые государства. России эксперты поставили удручающе низкий балл – всего лишь 1,4: состояние ниже этого ведет к необратимой деградации.

В те же 90-е годы XX века на одном из международных семинаров, проведенном ЮНЕСКО, отмечалось, что важнейшей причиной угасания творческого потенциала народа является ослабление интеллектуальных и духовных традиций в результате разрушения национальной системы образования и подготовки слоя интеллигенции, чуждой своему народу, его истории, традициям, культуре. Следовательно, развитие культурно и национально ориентированного образования рассматривается сегодня в мире как ведущая предпосылка национальной и государственной безопасности.

В этих условиях необходимо понять, что национальная безопасность России зависит от сохранения, развития и мобилизации интеллектуального потенциала страны. В 80-х годах XX века четко обнаружилась тенденция мирового развития, свидетельствующая о том, что место и роль любой страны в мировом сообществе зависят от качества подготовки специалистов. Востребованность этого ресурса является важнейшим стимулом его мобилизации и актуализации. В настоящее время образование выдвигается на одно из первых мест среди факторов развития человечества. Это связано с переходом цивилизации в постиндустриальную стадию, которую еще определяют как информационное общество. Если сегодня не принять целенаправленные и системные меры, то может случиться, что России в нем не окажется места. Стратегическая доктрина прогресса развитых стран мира опирается на концепцию развития человеческого потенциала. В значительной мере этому способствует система образования. За ее счет развитые страны получают более 40 % валового прироста национального продукта [1; 16]. Широко известен тот факт, что страны Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Таиланд, Малайзия и др.) именно за счет вложения средств в систему образования за 10–15 лет смогли приблизиться к уровню промышленных «монстров» [1; 14–20]. В России же, в том числе и на государственном уровне, продолжает бытовать мнение, что приоритетным образованию позволительно будет стать только после достижения страной экономического благополучия. Таким образом, обра-

зование в России сегодня понимается не как необходимейшее условие и главная причина экономического и любого другого благополучия, а всего лишь как вполне вероятное следствие этого грядущего, но пока не достигнутого благополучия.

Термин «национальная безопасность» активно вошел в употребление во второй половине XX века. Характерно, что в значительной мере это связано с новой ролью образования в жизни общества. Запуск первого космического спутника Земли и полет первого человека в космос были восприняты в США как национальная катастрофа, причину которой обнаружили в несовершенстве американской системы образования. Уже в 1958 году в США был принят «Закон об образовании в целях национальной безопасности» (само название закона говорит о верно понятой и истолкованной взаимосвязи этих двух дефиниций). Обратим внимание на то, что президент Дж. Кеннеди сформулировал свой исторический лозунг «Нация в опасности» не просто в условиях холодной войны, а в условиях интеллектуального, культурного противоборства двух систем: американской и советской. Была разработана программа реформирования американской школы. С этого времени буквально все президенты США уделяли много внимания проблемам образования. Американская образовательная система находилась и находится под пристальным вниманием правительственных органов и ученых, а также монополистических объединений и партий, потому что с эффективностью ее функционирования американцы связывают надежды на укрепление государства, видят в ней способ решения проблемы национальной безопасности.

В настоящее время в России такого отношения к образованию мы не наблюдаем, хотя не только в далеком прошлом, но даже еще в начале XX века многие государственные деятели и ученые России принимали личное участие в развитии системы образования. Среди них, как мы знаем, были В. И. Вернадский, С. Ю. Витте, Д. И. Менделеев, П. А. Столыпин и многие другие.

Высшей школе в России около двухсот лет, за это время, как подсчитали социологи, она подвергалась перестройке примерно каждые 25 лет, то есть каждое демографическое поколение поступало в новую высшую школу. Средняя школа реформировалась чуть реже. Масштаб и последствия таких изменений были неодинаковы. В последнее время Россия возвращается в лоно мировой цивилизации, но не менее, а может быть, гораздо более важно, что она возвращается к отечественной традиции, которая рассматривает образование как основную составляющую культурного воспроизводства и культурной, а значит, национальной безопасности.

Итак, определим, что же такое безопасность вообще и духовная и образовательная безопасность в частности. В Законе РФ «О безопасности» (утвержден 5 марта 1992 года) безопасность трактуется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». В духе этого определения безопасность Российской Федерации нужно рассматривать как деятельность, направленную на защиту национальных интересов и национальных ценностей, их приумножение. Под «жизненно важными интересами» в этом законе понимается «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает возможности перспективного развития личности, общества и государства». Безопасность здесь неразрывно связана с понятием устойчивого развития. Поэтому нами безопасность понимается как создание условий для устойчивого развития общества и человечества в целом. Такие условия создает, прежде всего, именно система образования. Таким образом, содержание государственного образовательного заказа напрямую связано с обеспечением безопасности страны.

Определение духовной безопасности предлагает А. С. Запесоцкий: это «система условий, позволяющая культуре и обществу сохранять свои жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы. Их выход за рамки нормы под воздействием различного рода факторов (прежде всего культурного, ценностно-нормативного характера) ведет к дезорганизации и, в конечном счете, – к национальной катастрофе, то есть распаду общества как целостной системы в связи с разрушением структурирующих его духовных оснований» [4; 96]. Пренебрежение духовной безопасностью неизбежно влечет за собой кризис национальной самоидентичности, усугубляет комплекс национальной и культурной неполноценности, открывает границы для культурной экспансии стран – экономических лидеров. Совершенно очевидно, что, пренебрегая своей духовной и образовательной безопасностью, считая их второстепенными, Россия никогда не станет в один ряд с экономически развитыми странами мира, не станет равным партнером в диалоге с ними, а это уже проблема геополитическая. Однако в настоящее время геополитический потенциал образования не только не используется в полной мере, но даже не осмысливается в соответствии с масштабом проблем.

С понятием духовной безопасности по принципу целого и его части связано понятие образовательной безопасности. Понятие образовательной безопасности тоже пока не определено, хотя попытки сформулировать его предпринимаются. Одно из таких определений принадлежит И. Майбурову. Он рассматривает образовательную безопасность как «защищенность системы образования от дестабилизирующего воздействия внутренних и внешних угроз, как способность государства сохранять и развивать национальную образовательную систему, гарантируя при этом каждому члену общества возможность получения качественного образования,

в том числе и высшего, и обеспечивая тем самым устойчивое развитие как личности, так и общества, государства». Под «угрозами» И. Майбуров имеет в виду «совокупность условий или факторов, стечение обстоятельств, которые могут повлечь такое ухудшение уровня безопасности субъекта, когда его нормальное функционирование станет проблематичным» [6; 19]. Уровень безопасности всей системы определяется состоянием безопасности ее составляющих (среднее общее, начальное, среднее и высшее профессиональное образование).

На наш взгляд, образовательная безопасность – это охрана и обеспечение нормального функционирования системы образования (в том числе и высшего профессионального) как главного механизма культурного воспроизводства общества. Для обеспечения образовательной безопасности система образования должна содействовать воспитанию образованного человека, сочетающего в себе целостное знание выбранной профессии с объемным представлением о мире и высоким уровнем духовности и индивидуальной культуры. Кроме того, образовательная безопасность – это не только подготовка работников с высокими профессиональными качествами, доскональным знанием конкретной области деятельности, но и способных к смене видов деятельности, с оперативной реакцией на применение способностей и пополнение знаний на новом поприще. В связи с этим образовательная безопасность совершенно исключает узкопрофессиональный подход к образованию, поскольку он приводит к дефициту духовной культуры, прагматизму и интеллектуальному цинизму, а это разрушает культуру, нацию, государство. Таким образом, по нашему мнению, образовательная безопасность решает следующие задачи:

- социализация человека через его погружение в культурную среду,
- создание условий для приобретения каждым членом общества широкого базового образования, позволяющего достаточно быстро переключаться на смежные области профессиональной деятельности,
- гармонизация отношений человека с природой и обществом.

Требование широкого общего образования является, на наш взгляд, главным содержанием понятия образовательной безопасности. Основой обязательного общего образования должны стать такие система и структура образования, приоритетом которых являются не узкоспециализированные, а общекультурные, долгоживущие, инвариантные знания, способствующие целостному восприятию научной и культурной картин окружающего мира, интеллектуальному расцвету личности и ее адаптации в быстро изменяющихся социальных условиях. Таким образом, внутри понятия «образовательная безопасность» общее образование рассматривается как главный инструмент достижения не только профессиональной компетенции, но и понимания глубинных, сущностных оснований и связей между разнообразными процессами окружающего мира. Широкое базовое общее образование способствует достижению качественно иного уровня культуры рационального мышления, оказывающего плодотворное влияние не только на проблемы профессиональной, то есть всегда локальной, области знаний, но и на всю сферу познавательной деятельности. Общее образование дает стержневые, системообразующие представления. Оно должно быть целостным, а не разорванным на профессиональные «лоскуты». Образовательная безопасность может быть гарантирована только при том условии, что общество и государство понимают: культура, образование и профессия – это единое целое, нерасторжимое триединство.

Очевидно, что образовательная безопасность имеет свои уровни. И. Майбуров выделяет 3 уровня безопасности образовательной системы – нормальный, предкризисный и кризисный.

Нормальное состояние образования характеризуется отсутствием угроз развитию образования или таким слабым их влиянием, которое упреждается плановыми действиями системы управления либо рыночными регулирующими процессами. Предкризисное – существенным их воздействием, что сопровождается заметным снижением эффективности работы системы и как результат – необходимостью принятия срочных, порой высокозатратных мер по их нейтрализации и устранению. Для кризисного состояния характерно значительное ослабление сопротивляемости угрозам, поэтому, чтобы вывести систему из такого положения, требуется не только существенная помощь государства, но и значительная мобилизация собственных ресурсов, что уводит ее далеко в сторону от оптимального состояния функционирования [6; 19–20].

Внутри зон предкризисного и кризисного состояний И. Майбуров считает целесообразным выделить еще 3 подзоны (подуровня), различающиеся стадиями углубления кризиса: начальная, развивающаяся и критическая – для предкризиса и нестабильная, угрожающая и чрезвычайная – для кризиса [6; 20].

Ориентация российского образования в целом и высшего профессионального образования в частности на подготовку узких специалистов свидетельствует, по нашему мнению, как минимум о нестабильном, а может быть, и об угрожающем подуровне общего кризиса образовательной безопасности.

В связи с этим должны быть выработаны комплексы показателей (индикаторы) и методики определения уровня безопасности каждой составляющей образовательной системы (среднее общее, начальное, среднее и высшее профессиональное образование). И. Майбуров предлагает методику диагностирования уровня безо-

пасности высшей школы. Процедура диагностирования, считает исследователь, должна включать в себя следующие этапы:

1. Определение и классификация угроз развитию системы высшего профессионального образования.
2. Определение и группировка объектов мониторинга системы высшего профессионального образования.
3. Формирование совокупности индикативных показателей и блоков, необходимых для мониторинга и диагностирования состояния высшей школы на территориях.
4. Определение уровней (зон) кризисности состояния высшей школы на территориях в целом и по отдельным индикаторам.
5. Установление пороговых уровней кризисности для индикативных показателей состояний высшей школы с учетом районирования территорий.
6. Расчет индикативных показателей состояния высшей школы.
7. Оценка кризисности состояния высшей школы с учетом районирования территорий по индикаторам, блокам и ситуации в целом.
8. Анализ результатов диагностирования высшей школы.
9. Разработка адресных программ, повышающих уровень безопасности высшей школы на конкретной территории.

Следует заметить, что индикативные показатели (всего их исследователем предлагается 37) разработаны на основе традиционных показателей, входящих в систему федеральной и/или региональной статистической отчетности. Позиция И. Майбурова, по нашему мнению, весьма уязвима, так как состав индикативных показателей и блоков для диагностирования уровня безопасности высшей школы, предложенный им, учитывает исключительно количественные характеристики образовательного процесса и никаким образом не затрагивает его содержание, его конечный «продукт» – научный и культурный уровень подготовки выпускника.

Критическое же состояние безопасности высшего профессионального образования, как и любого другого уровня образования, определяется все-таки, на наш взгляд, не столько его количественными, сколько качественными показателями. Задача состоит в том, чтобы разработать методику измерения качества образования. Эта методика, безусловно, должна ориентироваться не на количественные показатели образовательного процесса, а на определение уровня его содержания и уровня овладения этим содержанием обучающимися. Это сложная задача, так как качество в данной ситуации измерить значительно труднее, чем количество. Часть исследователей (А. Л. Андреев, А. Я. Флиер), и мы присоединяемся к этому компетентному мнению, ставит проблему необходимости определения культурной компетентности выпускников высшей профессиональной школы. Эта сложнейшая проблема может быть решена только комплексно, при условии взаимного сотрудничества специалистов разных областей.

Мы считаем, что сегодня России нужна продуманная национальная стратегическая доктрина в области обеспечения образовательной безопасности, ориентирующая государственную политику на приоритетное развитие образовательной сферы, потому что система образования:

- обладает способностью активно воздействовать на развитие материального и духовного производства,
- формирует основную силу общества – работников производства,
- оказывает активное воздействие на процессы изменения социальной структуры,
- является важным средством передачи молодежи нравственных ценностей, выработанных предшественниками,
- формирует политические взгляды людей и прививает первоначальные навыки общественной деятельности, дает им основы политической и правовой культуры.

Национальная безопасность России напрямую зависит от того, какое образование получит молодежь страны в новом тысячелетии, каковы будут ее культурные ценности и идеалы, уровень общей культуры и профессиональной подготовки.

Мы показали, что одной из серьезных опасностей, реально угрожающих сегодня национальной безопасности России в целом, является разрушение культурообразующего ядра современного отечественного образования, превращение его в узкоспециальное. Сложилась объективная необходимость включить в понятие «национальная безопасность», традиционно объединяющее лишь политическую, военную, техногенную, экологическую, экономическую составляющие, такую компоненту, как духовная и образовательная безопасность.

Если под духовной безопасностью социологами понимается «система условий, позволяющая культуре и обществу сохранять свои жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы», то понятие «образовательная безопасность» пока в социологии не определено. Мы предлагаем свое понимание этой дефиниции как охраны и обеспечения нормального функционирования системы образования в вузах, главного механизма культурного воспроизводства общества. Мы считаем духовную и образовательную безопасность необходимым условием устойчивого культурного воспроизводства.

Образовательная безопасность имеет свои уровни (нормальный, предкризисный и кризисный). Необходимы срочные меры по разработке методики диагностирования этих уровней. Нас, в частности, особо интересует методика определения уровня безопасности высшей школы. Как мы установили, предлагаемый социологами набор индикаторов сосредоточен лишь на измере-

нии количественных показателей эффективности высшей школы, в то время как для определения уровня духовной (культурной) и образовательной безопасности гораздо более значимы качественные показатели. Главной задачей здесь, на наш взгляд, становится разработка методики определения культурной компетентности. Первым шагом на этом пути, по примеру развитых стран, должно стать принятие национальной стратегической доктрины в области обеспечения образовательной безопасности.

Российская образовательная система на протяжении долгого исторического времени успешно объединяла в себе общую и профессиональную составляющие и вследствие этого была основным каналом культуропередачи. Разрушение этой органической взаимосвязи наблюдается с начала XX века. Тем не менее в течение всего столетия в отечественной науке и культуре отстаивалась идея соединения в содержании образования профессионализма и общей культуры. Несмотря на это, в начале XXI века образование в России во многом не соответствует требованиям устойчивого культурного воспроизводства. Это детерминировано тем, что рыночные отношения в конце XX – начале XXI века диктуют жесткие требования к уровню профессиональной подготовки. Под их воздействием из содержания обучения специалиста буквально «вымываются» общекультурные, гуманитарные знания, берется курс на узкую специализацию, то есть исключительно на техногенное образование. Таким образом, в начале XXI века система высшего профессионального образования существует в деформированном виде, что подрывает самый главный механизм культурного воспроизводства.

Анализ современного состояния российской государственной образовательной политики приводит нас к выводу, что на государственном уровне эта проблема не актуализирована, государство не принимает никаких действенных мер к ее решению, не учитывает возможности образования сохранять и утверждать смыслообразующие координаты культурной системы и не рассматривает систему профессиональной подготовки в качестве эффективного инструмента геополитики и обеспечения культурного воспроизводства российского общества. Политика государства в области образования носит более декларативный, чем деятельный и преобразующий характер. В государственной образовательной политике экономическое развитие не интериоризировано развитием и реформированием российского образования, в том числе и высшего профессионального образования. При этом опыт развитых стран, за короткое время достигших больших успехов в области экономики, показывает, что именно развитие культурно и национально ориентированного образования стало главной детерминантой и ведущей предпосылкой их экономического успеха, прогресса и национальной и государственной безопасности.

Отсюда логически вытекает необходимость рассматривать духовную и образовательную безопасность как значимые составляющие не только экономической, но и национальной и государственной безопасности в целом. Социологическая наука, определив содержание духовной (культурной) безопасности, пока еще не выработала отчетливого представления об образовательной безопасности как ее доминанте. В качестве рабочего мы предложили свое понимание этой категории: охрана и обеспечение нормального функционирования системы образования как главного механизма культурного воспроизводства общества.

Обозначены уровни образовательной безопасности (нормальный, кризисный и предкризисный), их подуровни (начальный, развивающийся и критический – для предкризиса и нестабильный, угрожающий и чрезвычайный – для кризиса). По предложенной классификации, состояние российской высшей школы в силу ее направленности на узкую специализацию и отстраненности от проблем культурного воспроизводства может быть оценено как нестабильное, а может быть – и как угрожающее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотин И., Митин Б. Образование и национальная безопасность России // Высшее образование в России. 1997. № 1. С. 14–20.
2. Возъмитель А. А. Духовная безопасность: актуальные теоретико-методологические и практические вопросы // Безопасность Евразии. 2005. № 3. С. 229–251.
3. Жуков В. И. Университетское образование: история, социология, политика. М.: Изд-во РИЦ ИСПИ РАН, 2003. 331 с.
4. Запесоцкий А. С. Гуманитарная культура и гуманитарное образование. М.: ИГУП, 1996. 322 с.
5. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 20–43.
6. Майбуров И. Диагностирование состояния высшей школы на территориях // Alma mater. 2002 . № 12. С. 19–26.
7. Миронов В. Б. Век образования. М.: Педагогика, 1990. 175 с.
8. Отюцкий Г. П. Проблемы духовной безопасности в современной России // Национальная безопасность: политико-правовые вопросы. М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 2008.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 8 **Филология** **2009**

УДК 821.161.1.09 “18”

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета ПетрГУ
kafrus@psu.karelia.ru

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ
студент 3-го курса филологического факультета ПетрГУ
perevodchik88@yandex.ru

ПОЭТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСФОРМАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ ОБОРОТОВ

Статья посвящена экспрессивному использованию и способам трансформации фразеологических единиц в лирике П. А. Вяземского.

Ключевые слова: фразеологический оборот, трансформация фразеологизма, фразеология П. А. Вяземского

Фразеология – составная часть культурного тезауруса, свидетельство красоты и богатства соответствующего языка. В художественном тексте фразеологизмы, с присущей им в норме эмоционально-оценочной окраской, стилистической коннотацией, могут использоваться в привычном для носителей языка виде, с сохранением постоянного состава и известного значения. Однако нередко мастера поэтического слова прибегают к различного рода структуральным и семантическим трансформациям узуальных оборотов, стремясь к более удачному и оригинальному словоупотреблению, к извлечению особых образных эффектов. В статье «Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов» Н. Л. Шадриным отмечается, что «выявить и систематизировать многочисленные способы и приемы этих преобразований невозможно, так как нет общего для них признака» [12; 79]. Тем не менее проблемой классификации трансформированных фразеологизмов занимались многие исследователи, в частности [7], [9], [5]. В этой связи особого внимания заслуживает типология фразеологических трансформаций, предложенная Н. М. Шанским [13; 149–150], которая выделяет следующие типы трансформации фразеологических единиц:

- наполнение оборота новым смысловым содержанием при сохранении у фразеологизма лексико-грамматической целостности, в результате чего происходит обновление семантики, а лексико-грамматическая целостность не затрагивается;
- замена одного из компонентов фразеологизма синонимом или расширение его состава новыми словами;
- использование фразеологического оборота в качестве свободного сочетания слов;
- употребление выражения одновременно и как фразеологического, и как свободного сочетания слов;
- использование рядом с фразеологическим оборотом одного из образующих его слов в качестве лексической единицы свободного употребления;
- контаминация двух фразеологизмов двоякого рода: слияние воедино двух фразеологиче-

© Патроева Н. В., Лебедев А. А., 2009

ских оборотов, имеющих в качестве компонента одни и те же или омонимичные слова, либо объединение фразеологизмов с их синонимами или антонимами;
- использование не фразеологического оборота, а его образа;
- образование по аналогии с существующими фразеологизмами новых индивидуально-художественных оборотов.

Как отмечает Н. М. Шанский, «фразеологические обороты – яркое стилистическое средство создания речи красочной, образной и убедительной. В умелых руках художников слова – писателей и публицистов – фразеологические обороты становятся одним из наиболее действенных языковых средств для создания того или иного художественного образа, колоритной авторской речи, обрисовки речевого портрета героев и т. д.» [13; 200].

Зачастую трансформированные в структурном или семантическом плане фразеологические обороты используются с определенными выразительными и изобразительными целями в лирике, где возможно построение на устойчивых сочетаниях слов даже целых текстов. Подобного рода использование фразеологизмов было бы интересно рассмотреть на материале поэзии Петра Андреевича Вяземского, поскольку одна из присущих его творчеству черт – склонность к употреблению разного рода фразеологических оборотов, в том числе и трансформированных, в лирических произведениях. Воспитанный на лучших образцах классической русской и зарубежной литературы, получивший блестящее гуманитарное образование, Вяземский соединял в своих поэтических и прозаических произведениях философичность, аналитизм и тонкий юмор, сатиру, высокую архаику, книжный усложненный синтаксис и простонародные словечки, разговорные интонации устной дружеской беседы, намеренно сталкивал разные функциональные речевые сферы, прибегал к стилистическим сбоям, таким образом демократизируя литературный язык с опорой на его лучшие традиции. При этом лингвистическая компетенция Вяземского была поддержана знанием многих иностранных языков – французского, немецкого, польского, итальянского, английского, классических. Не случайно языковая рефлексия поэта, свидетеля и участника споров о языке между сторонниками «старого» и «нового» слога, активно выплескивается, например, на страницы его «Записных книжек»: автор здесь неоднократно высказывает суждения относительно каких-либо языковых явлений, оценивает собственную речь и чужое слово, передает наблюдения над современной ему языковой ситуацией, стремясь осмысленно пользоваться ресурсами языка в соответствии с той или иной коммуникативной и эстетической установкой. Так, Вяземский обосновывает необходимость введения писателями необычных слов и оборотов, «остраняющих» восприятие и активизирующих деятельность читателя по «расшифровке» художественного контекста: «Сознаюсь, я от некоторых неологизмов в словах и в слоге не прочь. Разнообразие и разнозвучие, в меру и с чутьем, нужны и цену свою имеют» [2; 295]. Придуманные «на ходу» и «на случай» окказионализмы ярко характеризуют поэтический стиль Вяземского. Поэт сам замечает о собственной поэтической манере: «Позволяю себе неологизмы, то есть прибавления к словарю Российской Академии; но по крайней мере вольности мои не произвольны, а вытекают обыкновенно из самого состава и наказа языка» [2; 315]. При этом П. А. Вяземский признается в том, что чувствует некоторую неуверенность в передаче на письме «простонародных» русских выражений: «Ум мой был воспитан и образован во французской школе. <…> Но при всем моем французском отпечатке сохранил или приобрел я много и русского закала. Простонародные слова и выражения попадались мне под перо, и нередко, кажется, довольно удачно. <…> Этот русский ключ, который пробивался во мне из-под французской насыпи, может быть, родовой, наследственный» [2; 315]. «Вяземский часто обыгрывает в стихах какой-либо речевой оборот. Сама повторяемость приема придает ему вид индивидуальной особенности авторской речи и в то же время осмысляется как характерная черта русской фразеологии», – отмечал И. М. Семенко [10; 130].

Так, в более чем 300 стихотворных произведениях П. А. Вяземского, по нашим данным, встречается 58 фразеологизмов (то есть в среднем один оборот на пять стихотворений), в том числе 23 – трансформированных.

Чаще иных путей авторского преобразования оборотов встречается в лирике П. А. Вяземского замена одного из компонентов фразеологизма на другую лексему.

1) Фразеологизм «пустить в оборот» встречается в необычном облике – «стремить в оборот» – в стихотворении «Зимние карикатуры»:

Хозяйство, урожай, плоды земных работ,
В народном бюджете вы светлые итоги,
Вы капитал земли *стремите в оборот*,
Но жаль, что портите вы зимние дороги.
[3; 213][1]

Способ трансформации – замена главного компонента фразеологизма на его неточный речевой эквивалент. При этом глагол «стремить» используется, в нарушение современной нормы, как невозвратный.

2) Фразеологизм «руки чешутся» претерпевает трансформацию в стихотворении «Зачем глупцов ты задеваешь?»:

Сединам в бороду, навстречу,
Знать, завсегда и бес в ребро:

Как скоро глупость где подмечу,
Сейчас *зачешется перо*. (419)

Введение в поэтический текст стилистически сниженной лексики содействует «прозаизации» лирики: трансформация совершается благодаря метонимической замене компонентов (смежность руки и профессионального «орудия» поэта).

3) Фразеологизм «от альфы до омеги» употребляется Вяземским в своем привычном составе в стихотворении «Давно плыву житейским морем…»:

Теперь, что *с альфы на омегу*
Я окончательно попал,
Теперь, что после бурь ко брегу
Несет меня последний вал... (388)

Здесь Вяземский подводит своеобразные итоги определенному отрезку жизненного пути: «альфа» – начало, а «омега» – конец. Фразеологизм происходит от названий первой и последней букв древнегреческого алфавита и восходит к библейскому тексту: «Я есть и альфа и омега, начало и конец».

Тот же узуальный оборот используется и в одном из стихотворений цикла «Заметки» – «По поводу новых приобретений российского языка»:

Без лишнего труда ждет гения победа.
А все мы гении *от а и вплоть до z*. (406)

Замена обоих компонентов фразеологизма на аналогичные им названия первой и последней букв латинского алфавита не разрушает в этом случае внутренней формы оборота – значение фразеологизма по-прежнему остается эквивалентным фразе «от начала до конца».

В трансформированном виде («от альфы до йоты») находим этот же оборот в стихотворении «Игрок задорный, рок насмешливый и злобный…»:

И человек есть персть, и персть его дела.
Я все испробовал *от альфы до йоты*,
Но, беззаботная и праздная пчела,
Спускаясь на цветы, не собирал я соты… (408)

Нужно отметить, что «йота» – буква, расположенная в середине греческого алфавита. Таким образом, внутренняя форма узуального фразеологизма изменяется. Постановка другого компонента фразеологического единства, но из той же лексико-семантической группы, на место прежнего приводит к появлению новой образной ассоциации (как кажется, здесь уместна параллель с дантовским «Земную жизнь пройдя до половины…»).

4) Фразеологизм «не по дням, а по часам» встречается в измененном виде – «Не по часам, а по годам» в стихотворении «Год новый встретя с беспристрастьем»:

Я счастью новому не верю;
Нет, счастье не случайный цвет:
Оно есть плод; ценю и мерю
Его я полнотою лет.
Оно растет и созревает
Не по часам, а по годам…(406)

Введение в оборот иного темпорального понятия приводит к изменению значения фразеологизма на ему противоположное.

5) Фразеологизм «попасть впросак» употребляется поэтом дважды в непреобразованном виде в стихотворениях «К партизану-поэту» и «Выдержка»:

Ты с лирой, саблей иль стаканом
Равно *не попадешь впросак*. (70)

Кто не по силам лезет в горку,
Тот может и *впросак попасть*. (205)

Трансформация фразеологизма заключается в замене глагольного главного компонента, приводящей каждый раз к изменению внутренней формы узуального оборота в новом лексическом окружении:

Какой ни сделает попытки,
А глупость *срежет на просак*! (205)

Меня *упрятали впросак*
Жена, приятель и приказчик! (93)

Просак – станок для кручения веревок. Работающие на этом станке часто попадали в него одеждой, которая быстро втягивалась, и человек оказывался в неудобном положении. По выражению В. И. Даля, «если попадешь туда концом одежи, волосами, то скрутит, и не выдерешься; от этого поговорка» [4; 1326]. Таким образом, к первой половине XIX века термин «просак» еще не вышел окончательно из употребления, и живая внутренняя форма фразеологизма сохранялась в сознании читателей.

6) Фразеологизм «курам на смех» окказионально используется Вяземским в стихотворении «К друзьям»:

Но, строгий для других, иль буду к одному
Я снисходителен себе, *на смех уму*? (79)

Замена зависимого компонента фразеологизма в целом не приводит к трансформации узуального смысла оборота («глупо, бессмысленно»); однако меняется позиция наблюдателя: субъект оценки – не сторонний взгляд, а сам говорящий. Заметим, что во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова в качестве иллюстрации при толковании значения этого оборота приведена цитата из письма П. А. Вяземского А. И. Тургеневу: «Он… казнится моим положением, которое, говоря по совести, точно курам на смех» [11; 217].

7) Фразеологизм «умирать со смеху» встречается в измененном виде – «морить со смеху»

в стихотворении «Дом Ивана Ивановича Дмитриева»:

И поучал его, и трогал – как придется,
Иль со *смеху морил*, а сам не улыбнется. (61)

Замена непереходного глагола (*умирать*) во фразеологизме на переходный (*морить*) позволяет позицию субъекта (*сам*) дополнить объектной словоформой (*его*), что невозможно при использовании оборота в исконном виде.

8) Фразеологизм «марать бумагу» претерпевает изменение состава в стихотворении «К В. А. Жуковскому»:

Скорее соглашусь, смиря свою отвагу,
Стихами белыми весь век *чернить бумагу*… (125)

Способ трансформации – замена глагольного компонента фразеологизма на синонимичный ему в целях создания противопоставительных, антонимичных связей в стихе по ассоциации «белый стих» – «черная бумага». При этом исчезает негативная коннотация, присущая фразеологизму «марать бумагу».

Грамматическая трансформация оборотов

9) Редко Вяземский прибегает к изменению грамматической формы оборота, поскольку данный способ трансформации не приводит к сколь-нибудь существенным семантическим и образным эффектам; так фразеологизм «пожинать лавры» трансформируется поэтом в стихотворении «Стол и постели»:

Пусть боец в кровавом деле
Пожинает лавр мечом. (105)

Благодаря замене множественного числа на единственное, возможно, что этот фразеологизм является контаминацией двух других: «пожинать плоды» и «увенчать лаврами» – с сохранением значения фразеологизма «пожинать лавры».

10) Оборот «выбиться в жизнь» встречается в виде «выбиться на жизнь» в стихотворении «Сознание», таким образом происходит замена предлога при управляющем глаголе:

Но промысл обмануть хотел я, чтоб украдкой
Мне *выбиться на жизнь* из-под его руки. (327)

Способ трансформации – изменение предложного управления, возможная причина которого – версификационная (соблюдение метра).

11) Замена предложного управления в другом обороте («лоб со лбом» вместо «лоб в лоб») в стихотворении «Русские проселки» подчеркивает мотивирующую внутреннюю форму оборота и содействует буквализации его значения:

Я видел сшибку: *лоб со лбом* они столкнулись. (272)

12) Одновременные вставка и элиминация частиц могут способствовать замене в обороте противопоставительных связей соединительными (в сравнении с узуальным «не в бровь, а в глаз») и буквализации фразеологического значения с целью усиления эмоционального воздействия на читателя, как в стихотворении «К Илличевскому»:

И встречных ты и поперечных
Коли *и в бровь и прямо в глаз*. (208)

В стихотворении «Важное открытие» находим оборот «в бровь, не прямо в глаз»:

Сказал я как-то мимоходом,
И разве *в бровь, не прямо в глаз*,
Что между авторским народом
Шпионы завелись у нас… (281)

В результате перестановки и вставки частиц в противопоставительном фразеологизме значение оборота меняется на ему противоположное.

13) Фразеологизм «после дождичка в четверг» используется и в трансформированном, и в неизмененном виде в стихотворении «Поскупись, судьба талана»:

Ничего не начинаю
После дождичка в четверг,
А как раз сажусь в дорогу
Перед дождичком в четверг. (343)

Сочетание общеупотребительного и авторского вариантов фразеологизма создает эффект противопоставления, контраста, что обеспечивается еще и эпифорическим повтором.

14) Фразеологизм «в ус не дунуть» демонстрирует словообразовательную трансформацию главного компонента в стихотворении «Москва 29 декабря 1821 года»:

Где б должно дунуть – *в ус не дунул*,
А там на Пушкина же плюнул,
Отрекшись от всех дел его. (154)

Вставка суффикса -ну- со значением однократности позволяет подчеркнуть отрицательно-ироническую оценку лирическим героем своего адресата-оппонента и создает ситуацию совмещения конкретного и абстрактного значений фразы, что поддержано далее в контексте использованием других глаголов.

Распространение и сокращение фразеологизмов

15) Фразеологизмы могут распространяться за счет вставки знаменательных слов, существенно расширяя свой состав и более отдаляясь от узнаваемого узуального оборота. Фразеологизм «куда глаза глядят» встречается в измененном виде – «куда глаза глядят и не глядят» в стихотворении «Тропинка»:

Когда рассеянно брожу без цели,
Куда глаза глядят и не глядят. (286)

Продолжение известного оборота с повтором и отрицанием способствует оживлению внутренней формы (исходного значения) оборота и передаче душевного состояния героя, отражению его бессмысленных блужданий.

16) Фразеологизм «заморить червячка» демонстрирует структурную трансформацию в стихотворении «Эпизодический отрывок из путешествия в стихах. Первый отдых Вздыхалова»:

Спросить поесть чего-нибудь,
Чтоб жизнь придать натуре тощей
Иль *заморить*, сказавши проще,
В пустом желудке червяка. (59)

Распространение одного из компонентов фразеологизма, изъятие оценочного суффикса еще более подчеркивают стилистически сниженный характер оборота и усиливают шутливую коннотацию фразы.

17) Введение объектного компонента (прямого дополнения) во фразеологизм «пропускать сквозь пальцы» в стихотворении «Коляска» позволяет поэту создать гиперболу и достичь сатирического эффекта, основанного на противопоставлении (слоны – букашки):

И, Геркулес на пустяки,
Слонов сквозь пальцы пропускает,
А на букашке напирает
Всей силой воли и руки. (196)

18) Фразеологизм «задирать нос» встречается в трансформированном виде («вздернуть нос») в стихотворении «Спасителя рожденьем»:

Нос кверху *вздернув* гордо
И нюхая табак… (67)

Замена одного из компонентов фразеологизма на синонимичный ему приводит к буквализации метафорического значения, к контаминации прямого (свободного) и переносного (связанного) смыслов выражения.

19) Фразеологизм «делать из мухи слона» приобретает несколько «странноватый» облик в стихотворении «Выдержка»:

Тот ставит свечку злому духу,
Впрок не пойдет того казна,
Кто легкоумье *ловит в муху*,
Чтоб делать из нее слона. (205)

Возможно, здесь наблюдается еще один вид трансформации оборотов –контаминация двух фразеологизмов: «ловить мух» (от фр. beer aux mouche – буквально «разинуть рот на муху» или «разинуть рот в муху») – бездельничать, и «делать из мухи слона» – преувеличивать [8; 455]. Подобные существенные применения «затемняют», «остраняют» привычный контекст и выводят восприятие внешнего адресата стихотворения из автоматизма при «дешифровке» художественного текста.

Сам Вяземский признавал, но не всегда поправлял «шероховатости» своего поэтического слова, стремясь к оригинальности выражения. Принимая упреки в некоторых несообразностях выражения, Вяземский объясняет свои «ошибки» тем, что «никогда не писал прилежно, постоянно; никогда не изучал… систематически языка нашего. Как певцы-самоучки, писал… более по слуху… Знаю, язык мой не всегда правилен; не довольно внимательно и строго покоряюсь законам его. Увлекаюсь не желанием, а скорее бессознательною потребностью сказать иначе, чем сказали бы другие. Это может быть достоинством, но может быть и погрешностью…» [2; 295].

20) Фразеологизм «семь пятниц на неделе» используется неоднократно в обычном составе (ему посвящено отдельное стихотворение «Семь пятниц на неделе», где он служит заглавием произведения и рефреном в завершении каждой из строф):

Так завсегда по колесу
Вертятся мысли в пустомеле,
Вот что зовется – на часу
Иметь *семь пятниц на неделе*. (193)

Значение фразеологизма – «быть непостоянным, часто менять свое решение». Пятница некогда была свободным от работы, а потому базарным днем. Долгое время она была и днем исполнения различных торговых обязательств. В пятницу получали деньги и давали обещание привезти на следующей неделе заказанный товар; получали товар и обещали в следующую пятницу отдать за него деньги. О нарушающих эти обещания и говорили, что у них семь пятниц на неделе. Позже этот фразеологизм стали применять к людям, часто меняющим свои решения.

В ряде случаев происходит возвращение этого фразеологизма к исходному прямому темпоральному значению – это отражается в соседстве фразеологизма с временными понятиями:

Мой друг, нейдет попытка в счет:
Бар многих вижу я отселе,
У коих дома круглый год
Твоих *семь пятниц на неделе*. (193)

Он день отменный, и сравню
Его я с первым днем в апреле:
Кто верит завтрашнему дню,
Тот знай *семь пятниц на неделе*. (193)

В измененном виде этот фразеологизм встречается в стихотворении «Николаю Аркадьевичу Кочубею»:

Сидишь с глазу на глаз ты с Пятницей вечной,
И *тошных семь пятниц* сочтешь *на седмице*. (374)

Способ трансформации – замена одного из компонентов фразеологизма (в нашем случае

существительного) на дублетный архаизм и вставка элемента «тошный», усиливающего эмоциональное воздействие на читателя и имеющего отрицательную коннотацию. При этом Вяземский использует игру значениями слов пятница (день недели) и Пятница – (Параскева, святая).

21) Фразеологизм «ловить на лету» расширяет свой состав в стихотворении «Александрийский стих»:

Аукаться люблю я с нею в темноту,
Нечаянно *ловить шалунью на лету*. (306)

При этом происходит буквализация фразеологического значения и распространение прямым дополнением – одушевленным личным существительным.

22) Фразеологизм «тянуть канитель» видоизменяется Вяземским в стихотворении «Обыкновенная история»:

Простая жизнь его простую быль вмещает:
Тянул он данную природой канитель,
Жил, не заботившись проведать жизни цель,
И умер, не узнав, зачем он умирает. (407)

Вследствие атрибутивного распространения компонента четверостишие приобретает особый оттенок обреченности и фатализма, подчеркивая трагизм человеческого бытия.

23) Фразеологизм-пословица «Не в свои сани не садись» подвергается изменению в стихотворении «Масленица на чужой стороне»:

Сани здесь – подобной дряни
Не видал я на веку;
Стыдно *сесть в чужие сани*
Коренному русаку. (303)

При этом происходит буквализация фразеологического значения, что создает своего рода каламбур – «сани» как конкретный материальный объект и «сани» как некий знак культурно-исторической принадлежности, оценки «свое – чужое». Замена местоименного компонента с отрицательной частицей «не свои» на прилагательное «чужие» усиливает коннотативный элемент значения и ярче характеризует патриотический настрой лирического героя.

Таков список трансформированных фразеологизмов, извлеченных из поэтических произведений Петра Андреевича Вяземского. В ходе работы сделаны следующие выводы:

- чаще всего подвергаются видоизменениям фразеологические выражения и фразеологические сочетания, поскольку эти типы оборотов более склонны к трансформации, нежели семантически и синтаксически неделимые и немотивированные фразеологические сращения и фразеологические единства.
- Выявлены три основных типа трансформации фразеологизмов:
  1) замена одного из компонентов фразеологизма,
  2) изменение грамматической или словообразовательной структуры оборота,
  3) распространение фразеологизма.

Изменение формы оборота обычно ведет к семантической его трансформации, изменению узуального значения либо буквализации метафорического смысла, либо к совмещению (контаминации) прямого и переносного значения. При этом один и тот же фразеологизм может изменяться одновременно в нескольких направлениях.

В результате изменения фразеологизмов поэту удается достичь важных стилистических эффектов – усиления комического начала, создания иронического подтекста, эмоционального воздействия на читателя. Эти контексты Вяземского более выразительны и ярки, а строфы, в которых употребляются трансформированные фразеологизмы, сразу же привлекают к себе внимание читателя.

Большинство используемых Вяземским фразеологических оборотов имеют разговорную коннотацию, однако встречаются и книжные (восходящие к мифам или Библии) выражения, поэтому фразеологизмы, помимо образно-экспрессивных, выполняют и функцию создания аллюзий и реминисценций, обладают богатым интертекстуальным потенциалом.

Большая часть оборотов, используемых выдающимся поэтом пушкинской поры, по происхождению исконные, а не заимствованные. Вяземский стремится избегать гладкости слога, насыщая свою поэзию оборотами-«прозаизмами», которые подчеркивают «русский дух» его стихотворной манеры, его желание исключить лишние заимствования, что шло вразрез с общей направленностью языковой политики того времени. Не случайно в одном из стихотворений Вяземский декларирует, с намеком на известную русскую пословицу, что «стыдно сесть в чужие сани коренному русаку».

Уникальная личность Вяземского заключала в себе два противоречие своей эпохи – стремление к сохранению старого и появлению нового. «В поэзии Вяземского стало возможным параллельное существование и пересечение нескольких стилевых тенденций» [6; 7]. Его произведения, с одной стороны, были неразрывно связаны с традициями прошлого, а с другой – ему не были чужды эксперименты в области стихосложения, и особенно на фразеологическом уровне.

Изобилие, по выражению В. Г. Белинского, оригинально-русских, непередаваемых ни на какой язык в мире образов и оборотов, «идиомов, руссизмов, составляющих народную физиологию языка» [1] в стихотворном языке П. А. Вяземского вполне очевидно. Используя богатые фразеологические ресурсы родного языка, поэт наметил новые пути синтеза, гармо-

нического сплава традиционно-книжного словоупотребления с живым русским народным выражением, оборотами-«прозаизмами», обогащающими монотонно-гладкий и «сладкий» язык лирики, между тем как эти «простонародные» стихи многими сторонниками «среднего» стиля карамзинской школы подвергались ограничениям и даже преследованиям. Чувствовавший прелесть родной речи и стремящийся раздвинуть границы традиционно-поэтического словоупотребления, Вяземский находился всегда в поиске оригинального смысла и формы своих воззрений, отыскивая «в себе собственное, коренное, родовое» [2; 314].

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Далее все ссылки на текст стихотворений – по изданию [3] с указанием страницы в круглых скобках за текстом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3. М.: Худож. лит-ра, 1976. 614 с.
2. Вяземский П. А. Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. 381 с.
3. Вяземский П. А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986. 544 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3 / Под. ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Репринт. М.: Терра, 2000. 1782 с.
5. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1999. 159 с.
6. Коровин В. И. Счастливый Вяземский // Вяземский П. А. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1978. 272 с.
7. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 183 с.
8. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / Под. ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд. М.: Астрель-Аст: Хранитель, 2007. 928 с.
9. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Просвещение, 1978. 544 с.
10. Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М.: Худож. лит-ра, 1970. 295 с.
11. Фразеологический словарь русского языка / Под. ред. А. И. Молоткова. 4-е изд. М.: Русский язык, 1987. 543 с.
12. Шадрин К. Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов // Лингвистические исследования. 1972. Ч. 2. М.: Наука, 1973. 177 с.
13. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. 192 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 8 **Филология** **2009**

УДК 821.161.1.09"17"

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета ПетрГУ
kafrus@psu.karelia.ru

«...ВЗОР ПРОНИЦАЕТ ГУСТУЮ ЗАВЕСУ ВРЕМЕНИ...»
(К 260-летию со дня рождения А. Н. Радищева)

В статье, приуроченной к юбилею А. Н. Радищева, рассматриваются вопросы, связанные с судьбой, содержательной направленностью, стилистической организацией и ролью в истории русской литературы и литературного языка главного произведения писателя и просветителя – «Путешествия из Петербурга в Москву». Прослеживаются основные используемые в нем приемы создания новых или переориентации существовавших языковых средств в интересах удовлетворения потребности в «общественном» языке – языке науки, образования и просветительства в России в конце XVIII века. Отмечаются место фольклорных жанровых традиций в составе нарратива и степень их участия в раскрытии содержательно-художественной стратегии автора. Выявляются признаки текста, переводящие его в принципиально новый тип дискурса.

Ключевые слова: Радищев, русская литература конца XVIII века, русский литературный язык конца XVIII века, язык, стиль, языковые средства, языковые новообразования, традиции, инновации, тип дискурса

На 2009 и 2010 годы соответственно приходятся два больших юбилея, связанных с именем выдающегося русского писателя, публициста и философа XVIII века, последовательного антикрепостника и яркого выразителя демократических идей в России Александра Николаевича Радищева (1749–1802), – 260 лет со дня рождения и 220 лет со времени публикации его знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву».

А. Н. Радищев – один из тех, кто стоял у истоков развития русской национальной литературы, национального русского литературного языка, прочно занимая свою собственную, нередко откровенно рискованную нишу в обозначении направлений, ориентаций движения общественной, социальной, интеллектуальной мысли в России в конце XVIII века.

Идя опасным путем, Радищев нарабатывал свой «задел» в залог успехов бурного и потрясающе плодотворного русского XIX столетия, вошедшего в историю национальной и мировой культуры как золотой век русской литературы.

Этот задел, однако, по разным причинам не был безусловно принимаемым.

Более того, он не был очевидным и приемлемым ни для многих его современников, ни для представителей последующих поколений.

Его идеи в силу их радикальной революционности применительно к российской действительности не только рубежа XVIII–XIX веков пугали даже тех, кто в реальной жизни относился к числу его последователей. Характерен в этом отношении, например, упрек А. С. Пушкина в адрес будущего декабриста А. А. Бестужева, высказанный им в письме из Кишинева от 13 июня 1823 года

© Тарланов З. К., 2009

в связи с содержанием его статьи по истории русской литературы, в которой А. Н. Радищеву не нашлось места: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить? Это умолчание не простительно ни тебе, ни Гречу – а от тебя его не ожидал» [5; 51].

Хотя позже Пушкин давал несколько другую оценку Радищеву, в том числе и за его, как он считал, «слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему», за его «горькое злоречие», раздражавшее «верховную власть» [4; 379], тем не менее в ранних суждениях поэта исторически адекватно была замечена роль Радищева в качестве важного сигнала о пробуждении таких глубинных сил России, которые еще не проявились, но должны проявиться.

Именно от Радищева, первым изобразившего народ в художественной литературе и сделавшего русского крепостного ее героем [3; XXVIII], ведется одна из важнейших линий великой русской литературы, на которой так или иначе располагаются не только декабристы и Белинский, революционные демократы и Герцен, разночинцы, Некрасов и представители «тенденциозной» поэзии, не только Горький и последующая советская литература, но и те, кто к этой линии непосредственного отношения не имеет. Подтверждение тому и ранние редакции стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», в котором прямо утверждалось: «Вослед Радищеву восславил я свободу» [6; 339].

Жизнь народа, горькая доля крепостного человека во всю ширь выведены им в его «Путешествии из Петербурга в Москву», которое А. С. Пушкин называл «причиной его несчастия и славы» [4; 379]. После издания небольшим тиражом самим автором в 1790 году оно было под запретом и не публиковалось вплоть до 1905 года.

Что именно народ занимает в нем центральное место, видно уже из его композиционного строения.

Во-первых, оно начинается и завершается обращениями к «любезнейшему другу» и «любезному читателю».

Ключевой в начальном обращении является фраза «*Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала*» [7; 61; далее – страницы в тексте по этому изданию в круглых скобках]. Все дальнейшее повествование – это описание «страданий человечества».

Ключевая же фраза в финальном обращении построена как конструкция представления и не содержит явного суждения, а в композиционной структуре соотносительна с первой фразой, являясь как бы эмоциональной реакцией на нее.

Во-вторых, путешествующего со следующей же станции после выезда из Петербурга сопровождает «заунывная» народная песня, которая звучит то в устах извозчика («София»), то слепого старика («Клин»), то в устах матери и невесты, переходя в плачи по сыну и возлюбленному, отдаваемому в рекруты («Городня»), и т. д.

В-третьих, безусловно примечателен и тот факт, что замыкает повествование путешественника знаменитое «Слово о Ломоносове», о самородке, о выходце из народной среды окраинной России, ставшем гордостью Отечества.

Ломоносов предстает в нем не только как ярчайшее свидетельство огромных возможностей, заложенных в простых людях, но и как символ веры в будущее народа. Поэтому не случайно «заунывная песня извозчика», «душевная скорбь», неотделимая от народной песни, к тому же по настроению недалеко отстоящей от жанра плача, перед «Словом о Ломоносове» трансформируется в возвышенно-торжественную песнь: «Пускай другие, раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество. *Мы воспоем песнь заслуге к обществу*» («Черная грязь», с. 189. Курсив мой. – *З. Т.*).

Исследователи творчества Радищева справедливо указывали на то, что «в решении своей новаторской задачи писателя-революционера» он «опирался главным образом на песню» [3; XXXI]. Это безусловно так. Вместе с тем очевидно, что роль песни как жанра существенна в целом в решении собственно художественных задач повести, о чем свидетельствуют и используемые писателем внутрижанровые переходы, как, впрочем, и возможности других жанров – сказок, пословиц, поговорок, молитв и т. д.

В то же время «в “Путешествии” показана вся Россия, все слои общества, от крестьянина до царя, затронуты все основные вопросы социального, политического, культурного ее бытия. Радищев говорит о крепостном праве, о монархии, о бюрократии, о сословной гордости дворянства, о моральных основах и быте различных классов, о купцах, о вексельном законодательстве, о проституции, о педагогике, о поэзии и т. д. и т. д.» [2; XLIX].

Но центральная тема «Путешествия» – крепостничество. Все остальные темы производны от нее. И все они разработаны подробно и самобытно.

О степени самобытности, тщательности Радищева, испытавшего на себе значительное влияние западной, особенно французской, философско-правовой мысли, можно судить, в частности, по его «Слову о Ломоносове», в котором последовательно разложены все составляющие творчества поэта и ученого, включая и вехи его биографии: рождение в простой семье рыбака, «алчное любопытство», поездка «в престольный град», «познание языков» как «преддверия учености», приобщение через языки к поэзии, литературе, философии, к «уловкам искусства», к «частому чтению церковных книг», положившему «основание изящества» его слога, овладение ступенями «во храм целомудрия» – логикой, математикой, метафизикой, химией, металлургией и минералогией, сущностью денег в качестве эквивалента в торговле, естествознанием и природоведением, продолжая заниматься также поэзией и стихотворством на основе «благогласия языка нашего», грамматикой, риторикой и т. д., в то же время оставляя «примеры в своих творениях» [7; 190–195].

Это значит, как справедливо писал Гр. Гуковский, что «именно Радищеву принадлежит первая большая критико-биографическая работа о русском писателе» [2; LIII].

Более того, «Словом о Ломоносове» Радищев демонстрирует прекрасный и пионерский образец масштабного обзорного анализа научного и художественного творчества крупнейшего деятеля национальной культуры, облекая его в форму блестящей лекции, не уклоняясь при этом от принципов объективности и не впадая в панегиризм. Воздавая должное гению Ломоносова, Радищев вместе с тем не завидует ему, в частности, и за то, что тот «льстил похвалою в стихах Елисавете» (с. 196).

Заслуга А. Н. Радищева состоит и в том, что, охватывая в своем «Путешествии» обширный круг явлений общественной, государственной жизни и жизни простых людей своего времени, делая их объектами остро публицистического и литературно-художественного изображения, он вместе с тем по необходимости практически разрабатывал и проблемы литературного языка в наиболее противоречивый период его истории, изыскивая свои пути к его обогащению, нормированию и упорядочению.

Между тем работами, в которых обобщалась бы роль Радищева в этом направлении, мы не располагаем, хотя общие оценки этой роли высказывались не раз.

Так, Гр. Гуковский утверждал, что «у Радищева нет единого общего для всех его произведений или даже единого для целого произведения стиля. “Путешествие” заключает различные куски и в отношении языка» [2; LIV]: 1) сцены, написанные разговорным языком, реалистичные и по стилистике; 2) отрывки, написанные более высоким стилем, более литературным языком (рассказ о сестрорецких путешественниках в главе «Чудово»); 3) места, где речь идет о политике, философии, правах человека и гражданина и т. д., используется славянский, ораторски-страстный язык [2; LIX].

Получается, таким образом, что «Путешествие» характеризуется своеобразной стилистико-языковой мозаикой, предопределяемой темой и ситуацией описания.

Согласно В. В. Виноградову, в прозе Радищева, в том числе и в «Путешествии из Петербурга в Москву», церковнославянизмы «непринужденно, без всяких стилистических мотивировок и маскировок, помещаются рядом с разговорными русизмами и смешиваются с формами живой устной речи образованного общества, с выражениями простонародного языка и крестьянского фольклора» [1; 161], которые нередко используются кстати и весьма красочно (глава «Городня»). В целом В. В. Виноградов характеризует не столько язык и стиль «Путешествия» в их совокупности, сколько употребление и сочетаемость собственно лексических его средств.

Лексике «Путешествия из Петербурга в Москву» посвящена и отдельная основательная работа Н. Ю. Шведовой, в которой прослеживаются лексико-фразеологический идиостиль Радищева и используемые им способы создания общественно-политической терминологии [8]. В ней ставится вопрос также о радищевском стиле в целом, и в качестве важнейшей его особенности выделяется «его общая риторическая приподнятость, обусловленная постоянным стремлением воздействовать на гражданское сознание... читателя» [8; 49].

Едва ли, однако, возможно адекватно квалифицировать стиль «Путешествия из Петербурга в Москву», оставаясь на позициях, согласно которым оно состоит из «различных кусков».

«Путешествие» представляет собой органичное целое, о чем свидетельствуют не только строго выдержанное единство жанра, сквозной персонаж-повествователь, но и композиционно соотнесенные между собой в начале и конце произведения ключевые текстообразующие выражения, а также синтаксические и словообразовательные изоформы, которым открыты все его главы.

К их числу относятся прежде всего сложноподчиненные конструкции с характерными постпозитивными атрибутивными группами, преобладающие на всем протяжении повествования, дательные самостоятельные, именительные с инфинитивом (кальки nominativus cum infinitivo), а также отглагольные субстантивы и субстантивные построения разного объема и некоторые другие. Такова, например, следующая конструкция из начальной главы («София»), содержащая комментарий к рядовой народной песне: *Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее* (с. 63). Впрочем, подобные конструкции далеко не чужды и репликам диалогического толка. Ср. следующую конструкцию, завершающую развернуто вербализованную внутреннюю речь повествователя, имеющую конкретного адресата: – *Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение* («Любани», с. 67).

Хотя в языке «Путешествия» представлены стилистически разнородные слова и выражения, локализовать их достаточно точно по соответствующим главам или формам речи – диалогической и монологической – сложно. Монолог в качестве собственно литературной формы речи не закрыт для текстовых фрагментов с разговорными и просторечными элементами. Ср., например: *Окончать не мог моея речи, плюнул почти ему в рожу и вышел вон. Я волосы драл с досады* («Чудово», с. 73); *А как попал в наместники и когда много стало у него денег своих, много и казенных в распоряжении, тогда стал он* («государев наместник». – *З. Т.*) *к устерсам как брюхатая баба. Спит и видит, чтобы устерсы кушать* («Спасская полесть», с. 74).

В этом случае показательна не только лексика, включая также союзное средство и часть сказуемого *как*, но в целом заключительная конструкция в ее отношении к предыдущей. С другой

стороны, вполне по нормам книжного стиля строятся диалогические высказывания, о чем уже говорилось. Ср. также: *В толико жестоком отчаянии, лежащу мне над бездыханным телом моей возлюбленной, один из искренних моих друзей, прибежав ко мне*... (Там же, с. 78).

При всем том, что «Путешествие из Петербурга в Москву» достаточно полно и объемно отражало важнейшие процессы, которые происходили в русском литературном языке XVIII века: расширение его фактической базы за счет народно-разговорных и просторечных элементов, целенаправленное использование в литературе художественных средств и приемов жанров устнопоэтического творчества – песен, сказок, пословиц, плачей, молитв и т. д., семантико-стилистическое ассимилирование западноевропейских заимствований, разного рода калек, поиски путей синтеза историко-генетически и стилистически разнородных языковых форм и под. – тем не менее оно стояло особняком в литературе своего времени именно потому, что в нем предлагался принципиально иной, новый словесно-художественный дискурс.

Этот дискурс не предназначался для бытописания, для описания судеб или жизни отдельных людей, семей, для раскрытия любовных или каких-то иных чувств, живописания природы и т. д. Он предназначался лишь одной цели – быть формой реализации смысла стержневого тезиса «Путешествия»: «*Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала*».

Поэтому дискурс «Путешествия» как таковой един. Это напряженный, энергично нацеленный антикрепостнический монолог, прерываемый сценами на почтовых станциях; связанными с ними как бы спонтанными событиями, которые призваны до предела нагнетать его обвинительную мощь и убедительность, – монолог в пользу свободы личности и гражданина.

В процессе повествования меняются его ракурсы, образуя сложную гамму настроений, по нарастающей свидетельствующих о естественной необходимости перестроить существующий несправедливый порядок. Соответственно созерцательность переходит в сострадание, сострадание – в возмущение, возмущение – в защиту обездоленных и в обвинение крепостничества со всеми его опорами.

Наконец, все это завершается прекрасным словом-лекцией о том, чего может достичь свободный человек, которому представилась возможность раскрыть его природные способности («Слово о Ломоносове»).

Стержнем всех этих переходящих друг в друга монологов является прежде всего синтаксис, совмещающий в себе сложную структуру высказываний в сочетании с архаикой, субстантивоцентричными оборотами, развернутыми вокативными построениями, инверсией типизированных атрибутивных групп с аккордно расположенными причастиями, кальками из европейских языков и риторическими приемами латинско-немецких периодов, ср.: *Пускай меня посадят в темницу; я уже нечувствителен; пускай меня мучат, пускай лишают жизни. О варвары, тигры, змеи лютые, грызите сие сердце, пускайте в него томный ваш яд* («Спасская полесть», с. 78); *Тут виден был скипетр мой, возлежащий на снопах, обильными класами отягченных, изваянных из чистого злата и природе совершенно подражающих* (Там же, с. 79); *Если, идущу мне, нападет на меня злодей и, вознесши над головою моею кинжал, восхочет меня им пронзить, – убийцею ли я почтуся, если я предупрежду его в его злодеянии и бездыханного его к ногам моим повергну*? («Зайцево», с. 102); *Нежная улыбка безмятежного удовольствия, незлобием рождаемого, изрыла ланиты его* (крестецкого дворянина. – *З. Т.*) *ямками, в женщинах столь прельщающими* («Крестьцы», с. 108); *Не даждь, владыко всещедрый, не даждь им скитатися за милостынею вельмож и обретати в них утешителя! Да будет соболезнуяй о них их сердце; да будет им творяй благостыню их рассудок* (Там же, с. 109); или *расстание* вместо *расставание* (Там же, с. 109, 119); надежное *радование* вместо *радость* (Там же, с. 119); *В одну из ночей, когда сей неустрашимый любовник отправился через валы на зрение своей любезной, внезапу восстал ветр, ему противный, будущу ему не среде пути его* («Валдай», с. 123) и т. д.

Такое совмещение разнотипных языковых средств было совершенно по-другому воспринято А. С. Пушкиным, считавшим «Путешествие из Петербурга в Москву» «очень посредственным произведением» с «варварским слогом» [4; 379].

Однако, по мысли А. Н. Радищева, именно таким свободным слогом, но ориентированным на старину и книжные традиции, и можно было наиболее ярко выразить те антикрепостнические идеи, которые и были целью произведения.

Слог Радищева поэтому пульсирует, варьируется в диапазоне от нейтрального, спокойного и плавного до напряженно-риторического в разных его реализациях.

Нейтральный слог, в свою очередь, также расслоен. Здесь отчетливо прослеживается, по крайней мере, *слог собственно нарративный, художественно-повествовательный*, которым оформлен, например, рассказ о сестрорецких путешественниках («Чудово»), и *слог научно-повествовательный, слог научной прозы*, убедительно продемонстрированный в «Слове о Ломоносове». И тот, и другой в русской прозе XVIII века лишь намечались. Вклад Радищева здесь очевиден.

Выражая возмущение сценой отдачи в рекруты трех молодых людей, проданных их хозяином-помещиком, чтобы выручить деньги на новую карету, и представляя себе, какие бы «великие мужи для заступления избитого племени» «исторгнулися» из среды этих продаваемых «как скоты», рассказчик видит «густую завесу времени», разводящую его мечты и реальность. Поэто-

му он с горечью признается: «*...Взор проницает густую завесу времени...*» («Городня», с. 179).

Для выражения идей Радищева, опережавших его время, как он сам считал, на «целое столетие», ему нужны были язык и слог, отличные от обыденных средств коммуникации.

Такими и являются язык и стиль его «Путешествия из Петербурга в Москву».

Примечательно и то, что в нем почти нет заимствований, хотя именно рубеж XVIII–XIX веков был для русского литературного языка периодом почти неограниченного использования западноевропейских заимствований.

Это результат сознательного решения Радищева, убежденного западника, – избегать их, стремясь к обеспечению самобытности русского литературного языка, который, как он считал, вполне может обходиться лишь собственными возможностями на пути к «общественному языку».

Эта мысль выражена писателем словами «нового знакомца» путешественника – мыслящего новгородского семинариста, шедшего «пешком в Петербург повидаться с дядею, который был секретарем в губернском штате»: « – Но для чего, – прервав, он свою речь продолжал, – для чего не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавалися науки на языке общественном, на языке российском? Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее, и одним поколением позже за одного латинщика нашлось бы двести человек просвещенных; по крайней мере в каждом суде был бы хотя один член, понимающий, что есть юриспруденция или законоучение. <...> Как не потужить, – повторил он, – что у нас нет училищ, где бы науки преподавалися на языке народном» («Подберезье», с. 88).

Чтобы существовали училища, в которых бы «науки преподавалися на языке народном», этот язык необходимо создать, обогатить новыми выразительными средствами, считал Радищев.

Именно этим обстоятельством подкрепляется тот факт, что он создает много новых абстрактных слов-субстантивов отыменного, отглагольного происхождения, глагольных, причастных и деепричастных и т. д. форм, последовательно используя принцип аналогии, действующий как в русском, так еще в большей степени и в книжно-славянском языках, ср.: *маркизство, хвастовство, неизмеримость, единозвучность, шественное движение, чрезестественные (силы), воспоминовение, намерялся, уподроблю (сделать подробным рассказ о происшествии), упоялся (негою), срединенный (зной), властнодержавная (десница), расстание, родший (родивший), (она становится) присутственна, остановлял, (вы) вождаетесь (рассудком), согрение (моей дружбы), (правила) единожития и общежития, остановляться, раскаяваться, показующий, радование, намерялся, некакие (какие-то) крестьяне, отличествовати (внешностью), (другие) свободствуют, в побеждении предрассуждений* и т. д.

Все приведенные и подобные случаи свидетельствуют, таким образом, не столько о намеренном смешении в «Путешествии из Петербурга в Москву» народно-разговорных и книжно-славянских языковых средств, сколько о последовательном созидании новых либо переориентации уже существующих средств с ориентацией на книжно-славянский язык для удовлетворения нарождающихся общественных потребностей, связанных с развитием науки, образования и в целом просветительства в России в конце XVIII века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982. С. 159–163.
2. Гуковский Гр. Вступительная статья // Русская литература XVIII века / Редакция, вступительная статья и примечания Гр. Гуковского. Л.: Изд-во художественной литературы, 1937. С. VII–LXIII.
3. Макогоненко Г. П. Жизнь и творчество А. Н. Радищева // Радищев А. Н. Избранные сочинения / Подготовка текста и вступительная статья Г. П. Макогоненко. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. III–L.
4. Пушкин А. С. Александр Радищев // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. М.: Изд-во художественной литературы, 1950. С. 372–383.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Т. X: Письма. Л.: Наука, 1979. С. 51.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Т. III. Л.: Наука, 1977. С. 339.
7. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Избранные сочинения / Подготовка текста и вступительная статья Г. П. Макогоненко. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 61–199.
8. Шведова Н. Ю. Общественно-политическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. II / Отв. ред. академик В. В. Виноградов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 5–54.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 8 **Филология** **2009**

УДК 81’0

КОНСТАНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ ТАРАСОВ
кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ
kogetar@yandex.ru

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ В. И. ДАЛЯ
(П. Г. Редкин. Письма В. И. Далю. Публикация. Вступительное слово и комментарии К. Г. Тарасова)

Публикуемые письма П. Г. Редкина В. И. Далю хранятся в отделе рукописей ИРЛИ. Письма ранее не были предметом изучения исследователей и не печатались. Тем не менее представленные материалы являются еще одним достоверным источником к изучению биографии В. И. Даля.

Ключевые слова: рукописные источники, переписка, изучение биографии, перевод Библии

В рукописном отделе ИРЛИ в Санкт-Петербурге хранятся письма Петра Георгиевича Редкина к Владимиру Ивановичу Далю (Ф. 27.382). П. Редкин (1808–1891) – известный юрист. Учился на этико-политическом отделении Московского университета. В 1828 году он вместе с Н. Пироговым и другими выпускниками российских университетов был послан в Дерпт для подготовки к профессорскому званию. По-видимому, именно в Дерпте П. Редкин познакомился с В. Далем, который, как известно, поступил в Дерптский университет в 1826 году, а в январе 1828-го был принят в число казенных воспитанников медицинского института при этом университете [1; 40]. В письме от 18 апреля 1849 года В. Даль назван П. Редкиным «товарищем юности». В 1835 году П. Редкин вернулся в Россию, был признан доктором права и назначен в Московский университет. Профессорская деятельность в Москве, длившаяся до 1848 года, принесла П. Редкину широкую популярность. С 1849 года он служит секретарем при товарище министра уделов графе Л. Перовском. Этим годом датировано первое из публикуемых писем, в котором автор благодарит В. Даля за то, что тот заботится о нем, не забывает и считает П. Редкина «достойным занять его место». В 1863 году осуществилась заветная мечта П. Редкина, всегда чувствовавшего в себе звание профессора: он возглавил кафедру энциклопедии права в Санкт-Петербургском университете. С 1873 по 1976 год П. Редкин служит ректором этого университета.

Письма П. Г. Редкина В. И. Далю ранее не были предметом самостоятельного изучения, не возникал и вопрос об их публикации. Между тем они заслуживают самого пристального внимания по ряду причин. Во-первых, это достоверный источник к изучению биографии В. И. Даля, во-вторых, в письмах, бесспорно, отражены общественные, политические и литературные споры эпохи и факты эпохи, и, наконец, в-третьих, публикуемые письма подтверждают тот факт, что В. И. Даль действительно создал (или создавал) не обнаруженный пока далеведами «важный

© Тарасов К. Г., 2009

и прекрасный труд», как его назвал П. Г. Редкин. Речь идет о переложении Библии на «понятия русского простонародья». П. И. Мельников-Печерский вспоминал, что по завершении работ над Словарем Даль переложил Моисеево Пятикнижие, а также намеревался «пройти всю Библию» подобным образом, начав с Евангелия [2; 333–337]. 16 декабря 1857 года Т. Г. Шевченко сделал в своем дневнике запись, также свидетельствующую о подобной работе: «…мы с Владимиром Ивановичем между разговором коснулись как-то нечаянно псалмов Давида и вообще Библии. Заметив, что я неравнодушен к библейской поэзии, Владимир Иванович спросил у меня, читал ли я Апокалипсис. Я сказал, что читал, но, увы, ничего не понял; он принялся объяснять смысл и поэзию этой вдохновенной галиматьи. И в заключение предложил мне прочитать собственный перевод Откровения с толкованием и по прочтении высказать свое мнение…» [3; 170]. Из писем П. Г. Редкина становится известно, что в сентябре 1866 года их автор как член негласного комитета, «учрежденного Великой Княгиней Еленой Павловной для распространения в нашем народе всякого рода назидательных и полезных книг», читал начало нового далевского труда – «Библейское бытописание» – и советовал В. И. Далю «довести его до Моисея», чтобы «можно было напечатать отдельной брошюрой». В марте 1867 года рукописи по поручению И. Т. Осинина читает баронесса Раден, которая в апреле этого же года обещает П. Г. Редкину вернуть рукопись автору. Вернулась ли рукопись В. И. Далю или она так и осталась у фрейлины княгини Елены Павловны – неизвестно. Письмо И. Т. Осинина П. Г. Редкину, хранящееся вместе с публикуемыми письмами, подтверждает, что именно автор передал «статьи Г. Даля» баронессе Э. Ф. Раден, «желавшей познакомиться с их содержанием».

При публикации писем мы стремились максимально сохранить особенности оригиналов с учетом требований современной орфографии и пунктуации.

1

18 апреля 1849, Москва

Христос воскрес!

Твое письмо долго блуждало, пока попало в мои руки. Виною праздники и неправильный адрес. Между тем приспело время возвращения брата моей жены, подателя этого ответа, Юрия Васильевича Гарве.

Запрос твой много мне доставил отрады. Ты не забываешь меня, заботишься о моем настоящем и будущем, веришь в неизменность моих убеждений и правил, считаешь товарища твоей юности достойным занять твое место, словом, поступаешь со мною, как бы с одним из ближайших и лучших друзей, – и все это так просто и деликатно. Может ли это пройти, не оставив на мне сильного впечатления? Чем менее могу выразить пред тобой мою благодарность, тем более чувствую, что отныне навек я привязан к тебе всеми силами моей души, каков бы, впрочем, ни был результат нашей переписки.

Я не могу не быть с тобой вполне откровенным. Незадолго пред моим добровольным удалением из университета, где взятки, позор, интриги восторжествовали над правдою и прямотою, люди, знавшие меня по одной репутации, предложили мне место инспектора классов Александринского Сиротского Института вакантное после известного И. И. Давыдова. Долго я отказывался, наконец принял это место, особенно убежденный графом Строгановым. В июле прошлого года, совсем вышедши из университета, вместе с Кавелиным и Коршем, я остался при одном этом месте. Оно начало удовлетворять меня, особенно с тех пор, как наш Институт преобразован был в юридическое заведение. Я решился привесть в действие это преобразование и не оставлять своего места, пока заведение, обновленное и определившееся в своем назначении, не будет мною вдвинуто в свойственную себе колею, думая даже, что противный поступок был бы неблагодарностью к призвавшим меня на новое дело.

А потому два раза я уже отказывался от перемещения на другие, по-видимому, выгоднейшие места. Конечно, получаемое мною содержание само по себе не велико, всего 1,610 руб. сер.; но отличная квартира, да еще в виду, менее нежели через 8 лет, полная пенсия в 1,100 руб. сер. Притом как ни многосложны мои занятия по Институту, они оставляют мне еще довольно свободного времени для собственных дел, как хозяйственных, по управлению Малороссийским моим имением, так и ученым и литературным. Ежегодно в летние вакации могу отправляться месяца на два в Малороссию, где личное присутствие мое бывает необходимым, по смерти моего отца, для имения. Твое место блестяще по содержанию, но спрашиваю тебя по совести: 1) есть ли в виду близкая и достаточная пенсия, или же и для него действует то, что для всех *<нрзб.>* – гражданской службы, т. е. пятнадцатилетний срок и ничтожная потом пенсия? 2) много ли свободного времени остается для собственных занятий и есть ли возможность уезжать ежегодно в имение на летние вакации? 3) соединена ли с этим местом важная в Петербурге статья, квартира? 4) до того ли это место inamovible, чтобы по крайней мере не зависеть от чистых случайностей? и 5) может ли моя деятельность принести существенную пользу, – не мне и не отдельным лицам, а целому сословию?

Прямое и ясное решение этих вопросов будет довершением того, что сам ты начал. С нетерпением буду ждать твоего ответа.

Еще раз принеся полную, искреннюю тебе благодарность, остаюсь неизменно твоим другом

Петр Редкин

Адрес мой: Е. Вкрод. Петру Григорьевичу Редкину; в Москве, на Знаменке, в Александринском Институте.

2

10 февраля 1862, СПб.

Ее Императорское Величество Великая Княгиня Елена Павловна дозволила учредить, из весьма немногих лиц, в числе которых и я, неофициальный и негласный комитет для распространения в нашем народе всякого рода назидательных и полезных книг. Почитая Тебя за чрезвычайного знатока русского языка и русского народа и за одного из даровитейших наших народных писателей, Она изволила поручить мне обратиться, от Ее имени, к Тебе с настоятельною просьбою: написать для нашего рода сочинение в каком Тебе угодно будет роде, не связывая Тебя ничем: ни предметом и обширностью труда, ни временем, с всем вознаграждением, какое Ты наперед сам назначишь.

Ее Высочество вполне убеждена, что ты ни в каком случае не откажешься помочь Ей в таком добром деле и не замедлишь употребить досуг свой к достижению Ее благих целей и намерений. Уже теперь Ты мог бы дать многое из изданных Тобою сочинений, с переделкою и без ней, по Твоему усмотрению, в распоряжение Ее Высочества, пока соберешься с временем (не говорю – с силами: запасы Твои, знаю, неистощимы), чтобы написать что-либо новое или и старое, да на новый лад.

Грешно будет Тебе, друг мой, отказаться от такой деятельности и такого предложения.

Читаю сплошь и рядом Твой Толковый Словарь и восхищаюсь. Мне пришло на мысль при этом, как было бы полезно сделать из него краткое извлечение собственно для народа нашего, с тем, чтобы он мог справляться в нем для объяснения себе темных или вовсе непонятных для него слов, встречающихся ему в его обыденной жизни. Но в таком случае порядок следовало бы, кажется, изменить на чисто азбучный, для удобства скорой справки. Впрочем, я думаю, что и в издаваемом теперь Тобою Словаре ты приложишь, в конце, список всех слов в азбучном порядке, с ссылкою на толковый порядок.

Наш Председатель на днях уезжает за границу на 9 месяцев. В его отсутствие будет управлять нами Гр. Ю. И. Стенбок.

Чивилева давно не видели, не знаю, что он здоров.

И я также здоров – телесно, ты – как, твоя добрая жена и твои славные дети?

Мои детки радуют меня также; не скажу – утешают: утешение для меня не здесь, а там.

В ожидании от Тебя скорого и положительного ответа для доклада Ее Высочеству остаюсь Твоим верным другом

П. Редкин

Кланяйся всем Твоим.

Напиши свой адрес: я забыл.

3

23 апреля 1862, СПб.

На этих только днях я нашел удобный случай доложить о Твоем отказе, а потому и не писал тебе до сих пор. Разумеется, я выставил все Твои несомненные доводы в таком свете, что нельзя было не поверить им, и оставалось только жалеть и очень жалеть. Впрочем, как теперь выяснилось, что намеренье издавать для чтения народа брошюры даже меньше, чем в один печатный лист, то я, с своей стороны, все-таки не теряю надежды, по малороссийскому упрямству или, лучше сказать, настойчивости, что Ты когда-нибудь сделаешь нам сюрприз (как бы выразить это по-русски одним метким словом?). Выяснилось и то, что будут платить автору с листа крупной печати по 50 рубл. плюс неустановленные еще пока проценты с каждого экземпляра. На меня возложено теперь все ведение этого дела или, правильнее, главное заведывание этим полезным делом. Великая Княгиня изволит уезжать отсюда за границу 5 го Мая.

За сборник пословиц и проч. великое спасибо – и от себя, и от всей братии русских правоведов, историков и филологов. Система превосходная для справок, а о богатстве и говорить нечего. Это заслуга вечная для нашего большого отечества. Но в этом отечестве есть еще и родина моя (кажется, и твоя) – Малая Русь. Ведь и для нее собирал Ты, кажется, и пословицы, и слова, а кто же будет обрабатывать и издавать это собрание? Если Ты передал свои сокровища кому-нибудь с этою целью, то почему до сих пор они лежат под спудом? Около «Основы» образовался целый кружок малорусских писак; они с восторгом бросились бы на эту чудную добычу.

О невыдаче Тебе жалования за один месяц никто не мог мне здесь дать никакой справки. Наконец явился сюда Маслов; я спросил его и узнал от него, что дело уже уладилось. Так ли?

Твоей жене и детям низенький поклон и пару слов от Твоего друга.

П. Редкин

4

27 декабря 1865, СПб.

На предложение твое, любезный друг Владимир Иванович, я не откликался до сих пор в надежде, что наш Комитет скоро соберется и, по заведенному порядку, внесет, от своего имени, свое заключение Великой Княгини Елены Павловны. Но Ее Высочество еще не изволила созывать нас, а между тем письмо остается неотвеченным. Хотя я и не могу сказать Тебе от себя ничего положительного; но, судя по выраженному <*нрзб.*> Великой Княгиней сильному желанию приобресть твое участие в деле издания народных книг, пола-

гаю, что твое предложение будет принято с отличным вниманием и с чрезвычайною благодарностью. Лишь только выйдет какое-либо решение, я не премину немедленно известить Тебя.

С окончанием великого дела поздравляю от души и Тебя, и всю Россию. Подобного Словаря никто, кроме Тебя, не был бы в состоянии составить. Дождемся ли мы, малороссы, чего-либо подобного? Подвинь-ка и это дело своею энергическою рукою!

Вот я так все не решаюсь издать свои лекции: все ими недоволен сам я, хотя и слышу, что довольны все другие; все хотелось бы лучше и лучше; или уже предоставить издание их в виде <*нрзб.*>. Впрочем, за приготовлением к лекциям, беспрестанно усовершенствующих, нет времени заняться их обрабатыванием для печати. Вот если Бог продлит мою жизнь, то приготовлю себе преемника по кафедре и, распростившись с Департаментом, примусь за дело на свободе. Прежде всего хотелось бы мне обработать и издать Историю философии права, но в другом виде, нежели как обыкновенно издаются подобные сочинения, что может быть выражено хоть таким заглавием: «Людские думы о праве и справедливости».

И мне, как и Тебе, Бог дает радоваться детками. Но нет у меня той, с которой я мог бы делить мои радости. Да будет воля Твоя!

Твой друг П. Редкин

5

22 мая 1866, СПб.

Великая Княгиня Елена Павловна на днях поручила мне много благодарить Тебя за твой вызов и написать Тебе, что Ее Высочество будет Тебе премного благодарна за всякое сочинение, которое ты напишешь для русского народа, но в особенности Она просит Тебя написать рассказ из народного быта такого рода, которым объяснялась бы какая-либо народная пословица с нравственным содержанием. Ожидаю Твоего ответа.

Погода у нас настала такая, что мы переехали на дачу, именно в Петергоф, в особенности для так называемых морских купаний.

По случаю отъезда нашего председателя, гр. Ю. И. Стенбока, и этим летом я не могу воспользоваться, чтобы съездить в Малороссию. Зато в будущем году надеюсь побывать там, если Богу будет угодно продлить мою жизнь и даровать мне здоровье. Тогда, проездом через Москву, надеюсь увидеться и с Тобою.

Свидетельствуй почтение Твоей супруге и кланяйся Твоим деткам.

Друг Твой П. Редкин

6

18 сентября 1866, СПб.

С большим удовольствием прочли мы внимательно начало твоего нового важного и прекрасного труда и решили просить Тебя о его продолжении. Для того чтобы можно было напечатать отдельной брошюрой, необходимо, чтобы Ты довел его теперь же до Моисея, чем и будет закончен так называемый дозаконный период Библейского бытописания.

При этом вовсе не следует Тебе сомневаться насчет духовной цензуры. Все одобренное нами пропускается всякою цензурою.

Только мы сами держимся строго правила, чтобы изданное нами для народа являлось в свет в возможно совершенном виде. А потому надеемся, что и Ты позволишь нам исправить некоторые немногие и мелкие недосмотры. Так, напр., мы нашли, что нельзя сказать: «Ветхий Завет или Библия», здесь под Библией разумеется все священное Писание; а также: «Новый Завет или Евангелие», а в Новом Завете не одни только Евангелия. Так, ты говоришь: “Создав мир наш и человека, Господь творил шесть дней, а на седьмой окончил”, – по Библии же окончил уже в шестой день, а на седьмой перестал творить. Так, ты написал: «Авраам поднял очи – и перед ним стоял козел» и проч.

Итак, продолжай смело, и на этот раз дойди до Моисея, – и мы не замедлим оттиснуть.

Но все-таки не можешь ли ты еще написать для народа же и рассказ нравственный, которого темой была бы какая-нибудь народная пословица. Этого именно просит от тебя Великая Княгиня для издаваемого ею народного календаря. Конечно, в этом году, <*нрзб.*> календарь следующего за сим года, твой рассказ поспеть не может; но если ты пришлешь его в первой половине будущего года, то он будет помещен в Календарь на 1868^{й} год. Размер твоего рассказа определяется самим его назначением для Календаря: листа два печатных будет уже довольно. Гонорарий остается прежний, т. е. пятьдесят рублей за печатный лист. Что ты на это скажешь?

Не знаю, кто принес мне твои статьи «Библейское бытописание» при письме. Меня не было дома. Принесшему сказали то же, что говорится прислугою моею всем незнакомым: «Можем-де принять, но воскресным вечером».

Твой П. Редкин

Напиши свой адрес, а то я адресую Тебе наобум.

7

15 марта 1867, СПб.

Сегодня вечером в 7^{м} часу получил я прилагаемое при сем в подлиннике письмо от профессора здешней Духовной академии Осинина и сегодня же препровождаю к тебе это письмо для того, чтобы ты сам вывел из него заключение. Но в нем заключается много такого, что требует подробного истолкования. В этом толковании и будет состоять мое письмо.

Из него ты усмотришь, что я сделал запрос о Твоих статьях Г. Осинину. Это потому, что наш

негласный Комитет как начали, так и окончили негласно. Я все ждал, когда его соберут, ждал с начала прошедшего года; но его не созывали до сих пор, – и только теперь, как ты читаешь, идет речь об его открытии. В таких обстоятельствах я обратился к Г. Осинину, которому Великая Княгиня поручала издание Календаря. До сих пор он не отвечал мне ничего, кроме записочки о скором ответе, о которой я упомянул в последнем моем к Тебе письме.

Календарь, как ты видишь, также едва ли возобновится. След. и тут поступай, как знаешь, насчет статьи для него, о которой тебя так настоятельно просили.

Рукописи твои, по наставлению Г. Осинина, читает баронесса Раден. Это фрейлина Ее Высочества.

Я именно просил Г. Осинина написать мне такое письмо, которое я мог отправить к Тебе в подлиннике. Этим и объясняется настоящее его отправление.

Наконец, ты спросишь меня, может быть: Почему я сам не попросил лично ответа? Просто потому, что я считаю своим долгом являться во дворец только тогда, когда мне приказывают; а мне таких приказаний не приходило вот уже почти целый год. Что касается до Г. Осинина, то он бывает там часто, и именно по делам, относящимся до изданий.

После этого, надеюсь, ты не станешь меня винить в том, в чем я решительно не виноват.

Что думаешь творить, то творю.

8

14 января 1868, СПб.

Благодарю Тебя за поздравление с Новым годом и отвечаю Тебе тем же. Но долго ли нам еще придется обмениваться такими поздравлениями? Все чаще и чаще падают в битве с жизнью наши товарищи и сверстники. Дойдет и до нас очередь. Ее можешь ты ожидать спокойно, среди взрослых детей и исполнивши так блестяще задачу жизни. А мои детки еще только подростки. Даже старшей дочери едва минуло 17 лет, а младшей всего 10. В средине стоит сын 14 лет, далеко не крепкого здоровья. Профессорство же мое не долго будет поминаемо, хоть на него и положил я всю свою душу.

Ты пишешь, что сидишь теперь без дела, и вот мне приходится узнать от Тебя: что же делается с началом Твоего нового великого труда, с Библейской историей? Ты не упоминаешь даже, получил ли Ты, наконец, свою рукопись обратно. На проводах за границу больного Ник. Ал. Милютина встретился с фрейлиной Великой Княгини Елены Павловны, г-жою Раден, и спросил ее: не знает ли она что-нибудь о судьбе Твоей рукописи, давно попавшей во дворец и оттуда до сих пор не возвращающейся? «Она теперь у меня, я ее читаю», – отвечала г-жа Раден. – «Но Вы скоро уезжаете с Великой Княгиней за границу; успеете ли до того времени окончить?» – спросил я не без некоторой едкости. Она поняла и обещала, что на днях рукопись будет возвращена Тебе. Это было весною, в апреле. Так как Ты не упоминаешь теперь об ней ни слова, то я заключаю, что слова мои подействовали, и рукопись действительно возвращена Тебе. Но, спрашиваю, с каким ответом, или же без всякого ответа, и что ты затем предпримешь с нею? Грех было бы Тебе не окончить и этого великого дела.

О твоем предложении продать землю Твоей тещи в Уфимской губернии докладывал я нашему председателю, гр. Ю. И. Стенбоку. Он поручил мне написать Тебе отказ в самых вежливых формах, что я и исполняю. Имения-де покупаем мы теперь преимущественно в губерниях южных – Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Киевской и Подольской; а если нам что дарят, хотя и на краю света, то не отказываемся принять.

Поклон, да пару слов Твоей супруге и детям от твоего друга.

П. Редкин

9

15 марта 1867. Получено.

Милостивый Государь,
Петр Григорьевич!

Усерднейше прошу Вас извинить, что я до сих пор ни устно, ни письменно не дал Вам ответа на Ваш запрос о статьях Г. Даля. Причина моего молчания заключалась в том, что я рассчитывал на возможность заодно сообщить Вам что-нибудь определенное по вопросу о том, будут ли эти статьи напечатаны и понадобится ли продолжение их. Я надеялся притом найти свободный часочек, чтобы заглянуть к Вам и лично выразить Вам свое сожаление, что Вы не застали меня дома.

Статьи Г. Даля – почти немедленно по получении их отданы мною Баронессе Э. Ф. Раден, желавшей познакомиться с их содержанием. Что же касается до того, будут ли они напечатаны и на каких именно условиях, то я об этом еще ничего не знаю. Идет речь об открытии нашего прежнего комитета по изданию народных книжек; но состоится ли это дело или нет, – опять-таки не знаю. Издание Календаря едва ли возобновится, как по недостатку сотрудников, так и по разным другим причинам.

Постараюсь непременно в скором времени побывать у Вас; мне очень хотелось бы с Вами переговорить о разных разностях.

Покудова простите и примите уверение в искреннем почтении и совершенной преданности Вашего покорного слуги

И. Осинина

Ниже мы поясняем некоторые имена и названия, встречающиеся в публикуемых письмах.

Давыдов Иван Иванович (1794–1863). Долгое время был профессором латинской словесности и философии в Московском университете. С 1831 года, после смерти А. Ф. Мерзлякова, занял кафедру русской словесности.

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885). С 1835 года учился сначала на философском, затем на юридическом факультете Московского университета, где уже читал лекции П. Г. Редкин. Весной 1848 года К. Д. Кавелин вынужден был оставить Московский университет вследствие резкого столкновения с профессором Н. И. Крыловым, который с 1835 по 1872 год возглавлял кафедру римского права, и переехал в Санкт-Петербург. Затем К. Д. Кавелин служит в Министерстве внутренних дел, затем начальником учебного отделения в штабе военно-учебных заведений. В период 1848–1857 годов часто печатался в журналах «Современник» и «Отечественные записки» со статьями по истории, этнографии и правоведению. В 1857 году К. Д. Кавелин был приглашен на кафедру гражданского права в Петербургский университет, который оставил в конце 1861 года.

Корш Валентин Федорович (1828–1883) – талантливый журналист и историк литературы. Был помощником редактора и редактором «Московских ведомостей». Когда издание перешло К. Каткову, уехал в Санкт-Петербург, получил там в аренду «Санкт-Петербургские ведомости» и привлек к ним лучших журналистов того времени. Позже редактировал газету «Северный вестник» и журнал «Заграничный вестник». Под редакцией В. Ф. Корша вышли первые 15 выпусков (1880–1883) капитального труда «Всеобщая история литературы, составленная по источникам и новейшим исследованиям при участии русских литераторов и ученых». Самому В. Ф. Коршу в этом издании кроме массы примечаний принадлежит обширное «Введение», а также очерк истории греческой литературы.

Милютин Николай Алексеевич (1818–1872) – русский государственный деятель. С 1835 года служил в Министерстве внутренних дел. С 1859 года – товарищ министра внутренних дел, фактически руководитель работ по подготовке Крестьянской реформы 1861 года. В годы Польского восстания 1863–1864 годов направлен в Польшу для подготовки реформ. В 1864 году назначен статс-секретарем по делам Польши и управляющим гражданской частью канцелярии генерал-губернатора в Варшаве. С 1867 года по болезни отошел от государственной деятельности.

«Основа» – первый украинский общественно-политический и литературно-художественный журнал. Издавался ежемесячно в Петербурге с января 1861 года по сентябрь 1862-го. Редактор – В. М. Белозерский. Часть материалов печаталась на русском языке. Журнал сыграл значительную роль в развитии украинской культуры. На его страницах были опубликованы на украинском языке произведения Т. Г. Шевченко, Марко Вочка, Л. Глибова, С. Руданского и др., материалы по украинской истории, этнографии, народному творчеству.

Раден Эдита Федоровна (1825–1885) – баронесса, одна из замечательнейших и образованнейших женщин высшего русского общества, фрейлина княгини Елены Павловны.

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882) – граф, генерал-адъютант, член Государственного совета. В 1931–1834 годах исполнял обязанности военного губернатора в Риге и Минске. В 1835 г. назначен попечителем Московского учебного округа. После Севастопольской кампании служил московским военным генерал-губернатором, а в середине 60-х годов – председателем комитета железных дорог.

Чивилёв Александр Иванович (1808–1867) – русский государственный деятель, политэконом. В 1828 году, как и П. Г. Редкин, был послан в Дерпт для подготовки к профессорскому званию. В 1835 году назначен адъюнктом в Московский университет по кафедре политической экономии и статистики. С 1849 года служил в Министерстве уделов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Эпистолярное наследие В. И. Даля», проект № 09-04-00450а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грот Я. К. Воспоминания о В. И. Дале (с извлечением из его писем); Воспоминания о П. П. Пекарском // Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1873. Т. 10. № 9. С. 35–54.
2. Мельников П. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. 1873. Кн. 3. С. 275–340.
3. Шевченко Т. Г. Дневник // Шевченко Т. Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 1965. Т. 5. С. 13–243.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 8 **Философия** **2009**

УДК 159.96

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии ПетрГУ
pivoev@karelia.ru

СОН КАК БЫТИЕ И НЕБЫТИЕ

Рассматривается соотношение бодрствующего и небодрствующего состояний сознания с точки зрения возможности считать их бытием или небытием. Сопоставляются параметры «дневного» и «ночного» сознания, бытия и небытия для выявления их существенных характеристик.

Ключевые слова: сон, бытие, небытие, «дневное» и «ночное» сознание, энтелехия, инобытие

Греческий философ Парменид поставил перед философией непростую проблему: как связаны бытие и сознание? Ссылаясь на него, Плотин утверждал: «Мышление и бытие… суть одно и то же» [16; 63]. Если отождествлять бытие и сознание (мышление), как это позднее попытался сделать Р. Декарт, тогда состояние человека, потерявшего сознание (в обмороке или в состоянии клинической смерти), может рассматриваться как небытие. Или состояние небодрствования в фазе медленного, глубокого сна также может рассматриваться как небытие. Соответственно, сон в стадии БДГ (быстрых движений глаз) можно считать небытием в особой форме сновиденного бытия. Психологи в этом случае предпочитают говорить об «измененных состояниях сознания», полагая нормальным состоянием «дневное», бодрствующее. Эти вопросы заслуживают интереса в свете проблемы соотношения «бытия во времени» и «бытия по ту сторону времени» (вне времени, в вечности).

Карл дю Прель в трактате «Философия мистики», сопоставляя бодрствование и сновидения, отмечал в состоянии небодрствования наличие следующих характеристик сознания: 1) двойственность человеческого сознания; 2) чередование обоих состояний сознания; 3) связанное со сменой этих состояний изменение памяти; 4) наличие в обоих состояниях познавательных и волевых функций; 5) изменение меры пространства и времени [15; 63].

Как писал К. Г. Юнг, в алхимии различают три мира, обозначаемые разными символическими цветами и металлами. Они соотносимы с различными сферами сознания. Первый мир – *нигредо* – обозначается черным цветом, его металл – свинец. Это начальная стадия процесса, в этом мире темно, уныло и тоскливо, он близок преисподней, в нем гниль и горечь, хаос разрозненных элементов, из которых можно творить нечто. Второй, белый, мир называется *альбедо*, его металл – серебро. Словно в кромешной ночи восходит луна и заливает все холодным ровным светом. Альбедо – царство поэтов, воров и безумцев, это мир творчества и воображения, волшебный мир возможностей, которые могут становиться реальностью. Третий мир обозначается красным цветом и называется – *рубедо*, его металл – золото. Солнце заливает этот мир ярким светом, в нем господствуют ясность и опреде-

© Пивоев В. М., 2009

ленность, порядок и трезвый рассудок. Это мир «дневного» сознания, в котором недопустимы сомнения, только железная целеустремленная воля [28; 333–334].

Аналогичные этапы проходит процесс осознания иррациональных импульсов из сновидений, как излагает Роберт Боснак [3; 51–59]. Этому можно найти соответствие в ритмах мозговой активности: альфа-, бета-, дельта- и тета-ритмы.

Стоит напомнить, что индийские философы школы вайшешека различали четыре вида небытия: 1) небытие вещи до ее создания в том материале, из которого ее можно сотворить (потенциальное бытие); 2) небытие вещи в обломках после ее разрушения (остаточное бытие); 3) отсутствие связи между двумя вещами (нереальное бытие); 4) отсутствие каких-то признаков или качеств у вещи, в отличие от другой (несходство, обоюдное небытие) [25; 51, 236–238]. Таким образом, полноценным бытием является актуализированное бытие, которое Аристотель называл «энтелехией», а М. Хайдеггер – «Da-Sein», «бытие-сейчас», в настоящем времени [24; 335–372].

Трудность осмысления «бытия-сейчас» заключается в особенностях нашего сознания, которое, как хорошо показал А. Бергсон, не позволяет одновременно мыслить и осмысливать самое себя в терминах однозначной логики левого полушария. Это возможно только в рамках многомерной логики, которая допускает одновременное существование следующих утверждений: 1) есть; 2) не есть; 3) есть и не есть; 4) ни есть, ни не есть. Первые два положения не противоречат формальной логике «дневного» сознания, два последних допустимы в рамках иррационального ночного сознания.

Когда обсуждается вопрос о бытии и небытии, обычно не учитывается, что человек двусоставен, состоит из тела и духа (души), поэтому вопрос о бытии и небытии должен по-разному рассматриваться для тела и для духа (души). С точки зрения тела человека бытие равнозначно биологической жизни. Прекращение кровообращения, дыхания, сердечной деятельности приводит к смерти тела и разложению организма, что рассматривается как наступление небытия. Несколько сложнее вопрос о бытии и небытии духа и души, опирающихся на энергоинформационную субстанцию, которая не исчезает сразу же после физической смерти тела. Как показали исследования профессора Н. Короткова, энергоинформационная аура остается рядом с телом еще некоторое время, примерно девять дней. По мере прекращения функций и биологических процессов в теле его энергетика угасает, ослабляются связи с организмом, энергоинформационная субстанция отделяется от тела и уходит куда-то. Куда? – на этот вопрос ответ пока дает только религия (к Богу, в нирвану, к Атману), у науки ответа нет. Смерть как форма небытия – это тема отдельного осмысления. П. А. Флоренский писал: «Человек умирает только раз в жизни и потому, не имея опыта, умирает неудачно. Человек не умеет умирать, и смерть его происходит ощупью, в потемках. Но смерть, как и всякая деятельность, требует навыка. Чтобы умереть вполне благополучно, надо знать, как умирать, надо приобрести навык умирания, надо выучиться смерти. А для этого необходимо умирать еще при жизни, под руководством людей опытных, уже умиравших. Этот-то опыт смерти и дается подвижничеством. В древности училищем смерти были мистерии» [22; 169].

Если же говорить о сне, то здесь возникает сложность, ибо слово имеет два основных значения: 1) состояние сна, или небодрствования; 2) видения, являющиеся небодрствующему, спящему, ночному, измененному сознанию человека.

В нашей статье мы имеем в виду главным образом первое значение, то есть сон как ночное и измененное состояние сознания, хотя с соответствующими оговорками употребляется и второе. Наша главная идея заключается в сопоставлении и осмыслении различий «дневного» состояния сознания, которое обычно рассматривается как бытие, и «ночного», где онтологические характеристики проявляются менее явственно. Важно при этом более четко обнаружить критерии, онтологические параметры состояний сознания «дневного» и «ночного». Наше исследование подчинено задачам, выходящим за рамки статьи, связанным с поисками сущности сознания как духовной субстанции и выяснением его (сознания) онтологической основы.

О сложностях воображаемого мира сновидений писал Плутарх, ссылаясь на Гераклита: «…для всех бодрствующих существует один, общий мир, во сне же каждый устремляется в свой собственный. Но для суеверного нет ни такого мира, который бы он разделял с другими, ни такого, которым владел бы сам: даже бодрствуя, он не способен здраво мыслить, даже во сне не находит покоя; рассудок его спит, зато страх всегда бодрствует, и нет от него ни спасения, ни избавления» [17; 392]. Гипноз обычный и эриксоновский также создают иные формы воображаемой реальности.

Двумя полюсами человеческого существования являются сон и бодрствование. Как писал Э. Фромм, «бодрствование связано с функцией действия, сон свободен от нее. Сон связан с функцией восприятия себя. Когда мы пробуждаемся, мы устремляемся в сферу действий. Мы принимаем установки в соответствии с этой системой, и наша память действует в ее пределах: мы помним то, о чем можно думать в категориях пространства и времени. Мир сна исчезает. То, что с нами происходило – наши сновидения, – припоминается с огромным трудом. Такая ситуация представлена символически в большинстве народных сказок: ночью действуют призраки и духи, добрые и злые, но с рассветом они исчезают, и от их активной деятельности не остается и следа» [23; 193]. Но откуда мы знаем,

что мы спим? У Р. Декарта описан человек, который сидит с книгой у камина и дремлет, и ему снится, что он сидит с книгой у камина и дремлет и т. д. Где граница между сном и реальностью? [7; 17]. Американский философ Н. Малкольм, размышляя об этой проблеме, написал книгу «Состояние сна», где попытался обнаружить рациональные критерии различения сна и бодрствования, но не преуспел в этом.

Как справедливо полагает А. Ксендюк, сновидение включает в себя «и переработку дневных впечатлений, и разрядку психологического напряжения, возникшего от эмоциональной жизни в бодрствующем состоянии, и продолжение интеллектуальной активности» [11; 7]. «Сновидение – *парадоксальное* состояние психики, и этим оно подобно гипнозу, медитации, трансу. Парадокс заключается в том, что сознание относится к поступающим извне сигналам, нарушая фундаментальные законы бодрствующего восприятия – сильные сигналы могут категорически вытесняться, слабые же – попадать в фокус внимания и там значительно усиливаться» [11; 8]. А. Ксендюк выделял три теории сновидений: 1) скептическая (ее сторонники считают сновидения психическим феноменом, лишенным познавательной ценности); 2) символическая (сторонники ее считают сны символически зашифрованной ценной информацией); 3) буквальная (во время сновидений сознание уходит в иные измерения и миры) [11; 5].

Итак, сновидения – как они возникают? Попытку объяснить это делает Анри Бергсон: «…Наши воспоминания образуют в данный момент солидарное целое, так сказать, пирамиду, острие которой как раз внедряется в наше действие последнего момента. Но позади воспоминаний, только что вошедших таким образом в наше действие и открывшихся нам, благодаря последнему, существуют тысячи и тысячи других, заключенных в памяти, там внизу, под сценой, освещенной сознанием. Да, я считаю, что вся наша прошлая жизнь сохраняется до мельчайших подробностей, что мы ничего не забываем и что все, что мы чувствовали, воспринимали, думали, желали со времени пробуждения нашего сознания, живет неразрушимым. Но те воспоминания, которые моя память сохраняет в самых темных глубинах, находятся там в виде невидимых призраков. Они стремятся, быть может, к свету, но они не пытаются даже туда подняться; они знают, что это невозможно, что я, живое и действующее существо, имею другие дела помимо того, чтобы заниматься ими. Теперь предположите, что в данный момент я *становлюсь безучастным* к настоящему положению, к настоящему действию, одним словом, ко всему тому, что до сих пор фиксировало и направляло мою память. Предположите, другими словами, что я засыпаю. Тогда поднимаются эти воспоминания, чувствуя, что я удалил препятствие, приподнял трап, удерживающий их в подпочве сознания. Они встают, мечутся, исполняют во мраке грандиозный танец мертвецов. И все бегут к двери, только что приоткрывшейся, все желали бы пройти в нее, но они не могут этого сделать, так как их слишком много. Кто же будет избранным из этого множества званых? Нетрудно угадать это. Сейчас, когда я бодрствовал, сумели пробиться только воспоминания, сославшись на родственные отношения с настоящим положением, с тем, что я видел, слышал вокруг меня. Теперь мое зрение занимают образы более смутные, до слуха моего доходят звуки более неопределенные, осязание, рассеянное по всей поверхности моего тела, менее отчетливо, но вместе с тем ощущения, доходящие до меня из глубоких частей моего организма, более многочисленны. И вот из числа моих воспоминаний-призраков, стремящихся наполниться цветом, звучностью, одним словом, материальностью, преуспеют лишь те, которые смогут ассимилироваться с цветной пылью, нами замечаемой, с внешними и внутренними шумами, нами слышимыми, и т. д. и которые вместе с тем будут более подходить к тону нашей общей чувствительности. Когда произойдет это соединение воспоминания и ощущения, мы будем иметь сновидение» [2; 990–991]. Такова одна из теорий сновидений.

Засыпая, мы как бы возвращаемся в некое темное и древнее обиталище теней, которое не освещается светом дневного мира. В этом мире нас несет какая-то неподвластная нашей воле сила. А. Бергсон обращает внимание на то, что если в дневном сознании одними из важнейших признаков нашего состояния являются «воля», воление и хотение, то в состоянии сна воление и хотение почти отсутствуют, а если и присутствуют, то не в состоянии повлиять на развитие сновидения. Правда, существуют попытки управлять сновидениями. О них рассказывали в своих книгах Карлос Кастанеда [10] и Тартанг Тулку Ринпоче [5]. Но это требует большой тренировки, и овладеть этим умением дано не каждому. Для обычного сновидения характерно отключение или максимальное ослабление воли и контроля «Сверх-Я», когда глубинные феномены психики начинают проявлять себя, стремясь выбраться на поверхность и подчинить себе структуры сознания.

Согласно Фрейду, сновидения имеют следующие источники:

- внешнее (объективное) чувственное раздражение;
- внутренние (субъективные) чувственные раздражители;
- внутреннее (органическое) физическое раздражение;
- чисто психические источники раздражений.

Фрейда интересовали только внутренние источники сновидений (нижние, из «оно», и верхние, из «я»), внешние он совершенно игнорировал [20]. Нас же интересуют выходы сознания за пределы своего тела.

В древности сновидениям придавали важное значение. Цари получали во сне указания богов, которые затем они выполняли в своей дневной деятельности. Так, шумерскому правителю города Лагаша во сне явился бог Нингирсу и приказал выстроить дворец, что царь и исполнил, оставив об этом соответствующую надпись. Особенную роль играли сновидения в ситуациях трудного выбора, когда не могли решить, какой из имеющихся альтернатив отдать предпочтение. Античный писатель Артемидор (I–II века н. э.) выделял следующие виды сновидений: простые (показывают настоящее) и вещие (предсказывают будущее); вещие подразделяются на прямосказательные и аллегорические. Последние, в свою очередь, на 1) «своевещие» (во сне действует сам сновидящий); 2) «чужевещие» (во сне видят других); 3) «общие» (во сне действуют и сам видящий, и другие); 4) «общественные» (общественные события города); 5) «космические» (природные катаклизмы) [1; 10, 15–16]. Другая классификация Артемидора называется «видовой», в ней четыре вида: одни хороши внутри и снаружи; другие внутри и снаружи дурны; третьи внутри хороши, а снаружи дурны; четвертые внутри дурны, а снаружи хороши [1; 26]. Эрих Фромм выстроил из этих видов свою классификацию из пяти категорий: «Первое – это Сон, второе – Видение, третье – Оракул, четвертое – Фантазия, или пустое Воображение; пятое – Призрак.

Сном называется то, что открывает истину, скрытую под маской иного образа; так Иосиф толковал сны о семи тощих коровах, пожравших семь тучных коров, и то же – о семи тощих колосьях.

Видение – это когда человек, пробудившись, видит наяву то, что он видел во сне; как это было с Веспасианом, увидевшим, как врач вырвал ему зуб.

Оракул – это откровение или предсказание, полученное во сне от Ангела или Святого, объявляющего волю Бога, как это было с Иосифом, супругом св. Девы, и тремя мудрецами.

Фантазия, или пустое Воображение, возникает, когда страсть, овладевшая человеком, настолько сильна, что проникает в его спящий мозг и соединяется с более умеренным духом; таким образом, мысли, которые занимают нас днем, приходят к нам и ночью; и влюбленного, который днем думает о своей милой, эти мысли не оставляют и ночью. Бывает и так, что голодному снится насыщение, а жаждавшему снится, что он пьет, и он испытывает блаженство...

Призрак – это не что иное, как ночное видение, являющееся слабым детям и старикам, которым кажется, что призрак приближается, чтобы напугать их или причинить им вред» [23; 234–235].

В психоанализе существуют попытки сближения сна и мифа. Анализу сновидений придавал огромное значение З. Фрейд, искавший в них скрытые формы сексуальной заинтересованности. Но особенно целенаправленно и плодотворно исследовал сон К. Г. Юнг, обнаруживший общие корни у мифа и сна, их общий язык. Он полагал, что «мифы изначально суть выявления досознательной души, непроизвольные высказывания о бессознательных душевных событиях», возникающие «в таком состоянии, когда интенсивность сознания понижена (при сновидениях, в бреду, при снах наяву, видениях и т. п.). В подобных состояниях сосредоточенное сознание и исходящее от него сдерживание всего, что содержится в бессознательном, устранены, и из последнего доселе бессознательный материал устремляется, как через распахнутые двери, в пространство сознания» [27; 121–122]. Очень важна мысль Юнга о компенсаторной функции сна, во время которого происходит реализация тех сокровенных желаний и устремлений, которые наяву осуществить не удается. Ф. Ницше замечал: «Сон переносит нас назад, к отдаленным эпохам человеческой культуры, и дает нам средство лучше понять их» [14; 246], но также и себя, ибо память древних эпох содержится в глубинах нашего сознания.

Замечено, что «для сна есть особая логика, совершенно отличная от логики нашего дневного сознания, но тем не менее вполне строгая и согласная с какими-то основными, но малоизвестными нам свойствами нашего мозга» [4; 697]. Сальвадор Дали попытался изобразить сон своей жены Галы, проснувшейся от укуса осы. П. А. Флоренский, анализируя логику сна в книге «Иконостас», обнаруживал, что сон строится «телеологически», но вспять, от цели или «конечной причины» назад к причине начальной [21; 420]. Как полагают современные исследователи сновидений, «сновидение является прототипом всякого духовного творчества взрослого человека» [19; 55]. Имеются в виду «хорошие сновидения».

Мы не часто сталкиваемся с наглядным выражением бесконечности. Если в темной комнате поставить два зеркала друг против друга и сесть со свечой посередине, то мы увидим бесконечный коридор, уходящий во тьму. «Или ты не веришь, что в человеке есть бездны столь глубокие, что они скрыты даже от него самого, в ком, однако, пребывают?» – задавался риторическим вопросом Аврелий Августин. Ночью человек остается один на один со своими страхами, сомнениями, одиночеством. Иррациональная бездна его души открывается навстречу бездне ночного неба.

Как уже говорилось выше, дневное и ночное время существенно отличаются по своим возможностям обеспечивать безопасность жизни человека. Если днем можно с помощью зрения заблаговременно обнаружить опасность и подготовиться к ее отражению, то ночью опасность может возникнуть внезапно, и это в значительной степени обусловливает повышенный потенциал тревожности. Отсутствие контакта с другими людьми приводит к переживанию одино-

чества и свободы, что дает гамму противоречивых импульсов, негативных и позитивных, стимулирующих творчество и поиски религиозно-мистического контакта с Абсолютом.

Темнота ночи – благоприятное условие для того, чтобы задуматься над вопросами метафизическими, вопросами о смысле жизни и смысле смерти, на которые не может быть однозначного и окончательного ответа. Нет необходимости доказывать их нужность и важность. Человечество тысячелетиями ставит их, пытается находить ответы. Г. С. Померанц обнаруживает три уровня приближения через эти вопросы к вечности или к глубине (то есть к Богу): 1) невозможность жить в мире разума без прикосновения к сверхразумному; 2) «неожиданное взрывное чувство сверхразумной реальности»; 3) контакт со сверхразумным, божественным, «парение в духе». Он полагает, что в русской литературе первый уровень проявлен в творчестве Л. Н. Толстого, второй – в некоторых стихотворениях Ф. И. Тютчева и в творчестве Ф. М. Достоевского, третий – только в иконах Рублева и Дионисия [18; 366–367].

Ночь всегда считалась пространством и временем магии и мистики. Важное значение придавалось «ночи» в фольклорном сознании. По замечанию Д. К. Зеленина, сказки запрещалось рассказывать днем, при дневном свете и в течение лета, их можно было рассказывать в вечернее время зимой [9; 217]. Напротив, загадки нельзя было загадывать на ночь, а то придет «хозяйка загадок» и уведет в царство мрака. Сказки, рассказанные вечером, создают магическое кольцо, обруч-оберег, зону защиты, оберегающую дом от враждебного, «чужого» мира ночи, но эти «обручи» утром нужно снять, что и выполнялось с помощью загадок.

С древних времен люди догадывались о влиянии луны и других небесных светил на биосферу Земли и состояние человека. Сегодня эти догадки получают все больше подтверждений. Луна влияет на выработку в организме человека гормонов мелатонина и сератонина, которые регулируют психику и поведение человека, функции его организма, его сопротивляемость болезням [8]. Основоположник отечественной космобиологии А. Л. Чижевский писал: «Различные небесные явления люди считали предвестниками грозных и важных событий в человеческом мире, считали их знаками или знамениями, которыми природа якобы предупреждает человека об этих событиях на своем языке, говоря “будь готов”. Странная окраска небесного свода, стрельчатые облака, лучи, столбы и вееры полярных сияний, круги вокруг Солнца и Луны, страшные грозы, знаки на Солнце, под которыми древние разумели пятна, видимые невооруженным глазом, шумы, сопровождающие северные сияния или грозовые разряды, – эти “голоса прорицания”, или различные сигналы, происхождение которых было неизвестно, колебания почвы, наконец, затмение Солнца и Луны или появление кометы – все эти красивейшие и страшные явления природы человек считал вестниками повальных моровых поветрий – одним словом, знаками» [26; 47]. Не только свет солнца, но и потоки космической энергии, поступающей к нашей планете от далеких туманностей и звезд, оказывают свое влияние на жизнь. Живое вещество планеты Земля развивается в течение длительного времени под непрерывным воздействием космической радиации, поэтому оно должно было выработать механизмы защиты от излучения и способы утилизации этой энергии. Живая клетка является результатом напряжения творческих способностей всей вселенной, как подчеркивал А. Чижевский.

Жизнь продолжает испытывать на себе влияние космических излучений; изменения космической среды вызывают в человеке процессы, которые, доходя до уровня психики и сознания, порождают импульсы и реакции, определяют его поведение, особенно в ситуациях выбора, в ключевых точках его исторической судьбы. Космические излучения могут продуцировать мутантные изменения в биосфере, что сказывается на состоянии информационно-биоэнергетического континуума – ноосферы. Л. Н. Гумилев полагал, что именно эти космические воздействия порождают пассионарность, энергетический потенциал, стимулирующий возникновение этноса и его бурную экспансию по освоению биосоциальной среды.

Формой «ночного» сознания изначально являются звуковая речь и музыка, опирающиеся на слуховое восприятие. Кроме того, с «ночным» сознанием связано тактильное восприятие.

Оппозиционность культуры романтизма предшествующей культуре классицизма и Просвещения проявляется в тяготении к иррациональному и темному, ночному в противоположность рациональной ясности просветительской картины мира. Примерами особого интереса романтиков к ночи и «ночному» сознанию могут служить «Гимны к ночи» Новалиса, «Ночные бдения» Бонавентуры (Ф. Шеллинга), «Гаспар из тьмы» А. Бертрана. Стихотворения, посвященные ночи, есть практически у каждого немецкого и английского поэта-романтика. В музыке романтиков очень популярен жанр «ноктюрна» (лат. *nocturnus* – ночной). Художник А. Я. Карстенс в 1795 году написал картину на мифологический сюжет «Ночь и ее дети».

На картинах художника испанского Возрождения Эль Греко присутствует особый мистический пронзительный белый свет, выражающий Святой Дух. Где художник мог увидеть его, чтобы изобразить на своих полотнах? Такой свет в дневное время не встречается, солнечный свет – желтый, а этот напоминает свет молний во время грозы.

В основе «ночной» культуры лежит «ночное» сознание, которое подразделяют на бодрствующее и измененное. Сон является наиболее известной формой измененного состояния соз-

нания, кроме него могут быть галлюциногенные, наркотические, алкогольные и химические источники измененных состояний сознания [20; 180–248], которые схожи со сном, но имеют свои особенности. Об этом пишут в своих книгах американские этнографы Карлос Кастанеда [10], Майкл Харнер и Теренс Маккена [12]. Методики и средства перевода сознания в измененное состояние различны. В шаманско-мифологической практике использовались барабанная дробь, пение, пляска под ритм бубна, дыхательные упражнения, медитация, социальная и сенсорная изоляция, алкоголь, наркотики и психоделические растения, из которых приготавливались напитки типа «хаомы», «сомы», «аяухаски», «у-ку-хе».

Ю. М. Лотман считал сон «семиотическим окном» в будущее [6; 5], ибо во время сна происходит контакт с информационными полями, откуда сознание может получать прогностическую информацию о будущем. Как замечает Е. М. Неёлов, в фольклорной сказке сон сообщает буквальную информацию о том, что предстоит герою. А в литературном произведении сон информативен иносказательно, он сообщает сведения о мире в переносном смысле, намекает на что-то, подсказывает и предостерегает.

Творческий потенциал «ночного» сознания может быть подтвержден многочисленными свидетельствами. Г. В. Ф. Гегель полагал, что сова Минервы предпочитает вылетать лишь в сумерках. Английский поэт С. Кольридж утверждал, что создал во время сна около 300 стихотворений, из которых успел записать после пробуждения только 54. Вольтер сочинил во сне одну из песен поэмы «Генриада», Г. Р. Державин – последнюю строфу своей оды «Бог», А. С. Грибоедову приснился сюжет пьесы «Горе от ума», археологу Г. Шлиману – место, где находится Троя. Композиторы Г. Берлиоз и Д. Тартини сочиняли во сне музыку, Д. И. Менделеев во сне увидел структуру своей периодической системы элементов, другой химик, Август Кекуле, открыл формулу бензола [13; 22–23]. П. И. Чайковскому приснилась тема его первого концерта.

Важнейшие характеристики «ночного» сознания:

- многозначность и многомерность, открытость безднам макрокосма и микрокосма, некаузальность (недетерминированность), иррациональность, синхронность (одновременность), целостность, холономность, континуальность;
- опора на слуховое восприятие и духовность, идеальность, абстрактность, эмоциональность;
- позитивная ценностная рефлексия, достоверность личного опыта переживания, сомнение и нерешительность;
- эстетизм и совестливость, пессимизм и отчаяние («болезнь к смерти» С. Кьеркегора);
- ориентация на «бытие», критерий успеха – полнота бытия, самореализации, творчество и поиски надежды;
- интровертность и избирательная коммуникативность, глубина погружения в смысловые пространства культуры, опора на измененные состояния сознания (сон, миф, галлюцинации, медитация, исихазм).

Ведущим в «ночном» сознании можно считать стремление к вживанию и переживанию объекта в его процессуальности и континуальности без участия аналитических и дифференцирующих операций. Важнейшие функции «ночного» сознания и культуры таковы: творческая, ценностная, телеологическая, компенсаторная, понимания, мифологическая.

Согласно учению Гаутамы Будды, бытие есть полная осознанность, соответственно этому, иные формы сознания, например измененные состояния сознания, в которых отсутствует полный контроль над существованием, могут вполне считаться формами небытия (или инобытия).

Бытие	Небытие
Полная осознанность (рефлексивность)	Отсутствие осознанности или неполная осознаваемость
Однозначная причинность	Неоднозначная обусловленность, отсутствие причинных связей
Осознание времени	Отсутствие времени, связь с вечностью
Трехмерная пространственная ориентация (обусловленная зрением с помощью двух глаз)	Многомерность (или иномерность) пространства (обусловленная духовным видением)
Энергия, действие, физическое движение в пространстве	Отсутствие энергии, нирвана, покой, неподвижность
Жизнь	Смерть
Бодрствование	Небодрствование (сон)

Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что полноценным бытием может считаться осознаваемое бытие, контролируемое «дневным» сознанием. В таком случае сон есть «инобытие», или бытие в «измененном состоянии сознания», если принять за нормальное состояние сознания «дневное». Небодрствование (сон) является бытием только в физическом смысле. Но если вслед за Парменидом мы будет сближать мышление и бытие, то физическое «бытие» в состоянии небодрствования (сна без сновидений) не является полноценным бытием, оно должно считаться небытием. В нашей статье мы практически не останавливались на проблеме бытия в воображаемой и виртуальной реальности. Это является темой отдельного обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемидор. Сонник. СПб.: ООО «Издательство Кристалл», 1999. 448 с.
2. Бергсон А. Сновидения // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 980–1004.
3. Боснак Р. В мире сновидений. М.: Древо жизни, 1991. 89 с.
4. Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. 848 с.
5. Гарфильд П., Ринпоче Т. Т. Управление сновидениями. М.: Беловодье, 1994. 192 с.
6. Данилова И. Ю. Вступительное слово // Сон – семиотическое окно: 16-е Випперовские чтения. М., 1994.
7. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 3–72.
8. Дубров А. П. Лунные ритмы у человека. М.: Медицина, 1990. 160 с.
9. Зеленин Д. К. Религиозно-магическая функция волшебных сказок // С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 215–240.
10. Кастанеда К. Искусство сновидения. Киев: София, 1993. Кн. 9. 320 с.
11. Ксендзюк А. Пороги сновидений. Киев: София, 2005. 219 с.
12. Маккена Т. Истые галлюцинации. М.; Киев: Изд-во Трансперсонального института, 1996. 290 с.
13. Нечаенко Д. А. Сон, заветных исполненный знаков. М.: Юридическая лит-ра, 1991. 304 с.
14. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 231–490.
15. Прель К. дю. Философия мистики. М.: REFL-book, 1995. 512 с.
16. Плотин. Сочинения. СПб.: Алетейя, 1995. 670 с.
17. Плутарх. О суевериях // Плутарх. Сочинения. М.: Худ. лит-ра, 1983. С. 389–400.
18. Померанц Г. С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М.: Сов. писатель, 1990. 384 с.
19. Современная теория сновидений. М.: АСТ: REFL-book, 1999. 334 с.
20. Тард И. Состояния сознания // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М.: Республика, 1992. С. 180–248.
21. Флоренский П. А. Иконостас // Флоренский П. А. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 419–526.
22. Флоренский П. А. Человек умирает только раз в жизни // Тибетская книга мертвых (О жизни после смерти). СПб.: Изд-во Чернышева, 1992. С. 9–25.
23. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
24. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
25. Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия. М.: Селена, 1994. 416 с.
26. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1976. 368 с.
27. Юнг К. Г. К пониманию психологии архетипа младенца // Самосознание европейской культуры XX века. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991. С. 119–129.
28. Юнг К. Г. Психология и алхимия. М.: АСТ, 2008. 608 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 8 **Философия** **2009**

УДК 371:1+13+008

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛКОВА
кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры философии ПетрГУ
svetavolkov@ya.ru

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Статья посвящена теме «образование и человек», которая становится все более значимой в философии и педагогике XX века. Автор делает попытку показать, как изменились парадигмальные основания культуры от эпохи Нового времени к последней четверти XX века и какой образовательный идеал смог бы стать адекватным ответом на эти изменения в сфере культуры.

Ключевые слова: культура, образовательный идеал, рациональность, диалог, знание, смысл

Сегодня стало уже привычным говорить о кризисе образования и острой необходимости его реформирования, а также о внедрении инновационных технологий в образование. В то же время мы вынуждены констатировать что, несмотря на все усилия ученых, педагогов и чиновников, решение заявленных задач, направленных на преодоление кризисных явлений в образовании, все еще далеко от своего завершения.

Реформы в образовании, которые стали уже перманентными, направлены в основном на внешние, организационные, частично институциональные формы, тогда как цели, содержание и суть образования по-прежнему остаются недостаточно продуманными. Между тем, как пишет отечественный исследователь В. М. Розин, и глобальные, и отдельные изменения в сфере образования начинаются в философии, «именно там осмысливается кризис школы и образования, формулируются новые идеалы образованности человека, новые представления о школе, образовании, обучении, воспитании, о характере содержания и целей образования и ряд других» [9; 5].

В этой связи можно предположить, что адекватное понимание происходящих в образовании процессов невозможно вне философского осмысления, рефлексии. Видимо, философская рефлексия должна входить в качестве конститутивного компонента процесса реформирования образования. Что заключает в себе подобного рода рефлексия? Прежде всего, речь идет об осмыслении связи, которая существует между определенным типом культуры и тем образовательным идеалом, который в рамках данной культуры рождается. Ниже будет предпринята попытка очертить контуры того типа культуры, в рамках которого сложился современный образовательный идеал, но который на сегодняшний день все больше теряет свою функциональность и перестает отвечать вызовам новой культурно-исторической ситуации.

Современный тип школы и образования кажется нам естественным и существовавшим всегда. Но это не так. Школа и образование в современном его понимании сложились относительно недавно, в XIX столетии. Сама идея

© Волкова С. В., 2009

образования формировалась в XVII–XVIII веках усилиями великих педагогов Я. А. Коменского, И. Г. Песталоцци, И. Ф. Гербарта и др.[1] Именно в эпоху Нового времени начинается реализация этой идеи, которая завершилась формированием ставшего для нас привычным института образования. На формирование новоевропейского образовательного идеала огромное влияние оказал характер культуры эпохи Нового времени.

Культура эпохи Нового времени формируется как культура «отраслевая» [4]. Это, в частности, находит свое выражение в том, что разделяются промышленность и сельское хозяйство, внутри промышленности выделяются отдельные отрасли, внутри одного производства появляются различные профессии. Сама наука дифференцируется по отраслям знания. Это обстоятельство находит свое отражение и в системе образования. Начинает складываться поурочная структура обучения – отдельная отрасль знания должна излагаться в рамках отдельного учебного предмета. Отраслевая структура культуры нашла свое отражение и в появлении специализированных школ, дифференциации вузов и т. п.

Одновременно фундаментальным основанием культуры Нового времени является идея Разума. Cogito правит бал. Разум и только он знает Истину или, по крайней мере, путь к ней. Он может всех просветить. В образовательном пространстве носителем Истины и света Разума является учитель. Он знает все. И он должен просветить своего «темного» ученика, а потом проверить, насколько ученик усвоил переданную ему истину. Так складывается субъект-объектная модель взаимоотношений между учителем и учеником, где доминирующими становятся отношения управления, руководства, характерные скорее для организации производственных процесссов и отношений.

Наконец, культура Нового времени – культура утилитаристская. В частности, в творчестве Ф. Бэкона практическая ориентация культуры Нового времени нашла свое наиболее яркое и последовательное выражение. Бэкон одновременно с некоторыми представителями алхимической философии ориентирует науку искать свои открытия не в книгах, а в мастерской, в поле, у кузнечных горнов. Он советует исследователям «продать книги, оставить Минерву и Муз как бесплодных девственниц и посвятить себя служению Вулкану» [2; 143]. Знание, которое не приносит практической пользы, Бэкон считает ненужной роскошью. С Бэконом оказывается солидарен Я. А. Коменский, реформировавший всю систему образования. «Науки в том виде, в котором они обычно преподаются, – пишет Коменский, – недостаточно приспособлены к потребностям современной жизни…» [3; 483–484]. Отсюда ориентация образовательной практики на опыт, чувственное восприятие и «наглядное обучение», подготовку специалиста (не личности) для производства, для повседневной жизни и т. д.

Таким образом, можно сформулировать основные черты новоевропейского образовательного идеала: сциентизм (ориентация на науку), разделение труда (учитель учит, ученик учится), прагматизм (образование для практической деятельности, промышленности, ремесла и т. п.), профилирование знаний по предметным областям.

Чтобы успешно действовать в таком образовательном пространстве, его субъекты должны отвечать совершенно определенным требованиям. Ученик в этом пространстве воспринимается как tabula rasa, как пустой сосуд, который учитель должен заполнить знаниями. Но для того, чтобы справиться с этой задачей, учитель должен знать, во-первых, как этот сосуд устроен, а для этого ему необходимо психологическое знание, а во-вторых, учитель должен владеть методикой своего предмета, чтобы суметь правильно разделить учебный материал на нужные порции и «влить» его в ученика. Поэтому педагогика начинает все больше ориентироваться не на философию, как это было на первых порах, а на психологию, которая в это время тоже являлась эмпирической по преимуществу. Именно из психологии педагоги теперь берут знание о человеке, его развитии в обучении, особенностях усвоения учеником учебного материала.

Безусловно, выделяя эти черты как определяющие новоевропейское образовательное пространство, мы отдаем себе отчет в том, что мы огрубляем реальный процесс образования в Новое время. Но для философии, в том числе для философии образования, оказывается важным выделить саму модель как таковую, которая в чистом виде нигде и никогда не реализуется, но которая тем не менее задает вектор развития и функционирования образовательного пространства.

В целом описанный нами новоевропейский образовательный идеал до недавнего времени успешно функционировал и хорошо справлялся со своей задачей – готовить знающего, способного к функционированию в рационально организованном обществе индивида. Но уже в XX веке стали появляться различные проблемы.

Во-первых, трактовка целей и содержания образования через знание и познание поставила школу в сложную ситуацию: объем знаний и количество дисциплин растут на несколько порядков быстрее, чем совершенствуются методы трансляции знаний. В результате школа оказалась перед дилеммой: или учить небольшой части знаний (предметов) из тех, которые созданы в культуре, или набирать отдельные знания из разных предметов и дисциплин (создание так называемых интеграционных курсов). Но ни то, ни другое, как показывает опыт, не решает проблем образования. Кроме того, «знающий человек» не всегда оказывается способным и понимающим, а хороший специалист часто ограничен в личностном плане.

Во-вторых, демократизация образования привела к увеличению числа учебных заведений,

а соответственно, увеличилось и число обучающихся, что не могло не сказаться на их социальном составе. Данное обстоятельство приводит к нарушению принципа иерархированности учащегося по уровню усвоения знания: школа вынуждена либо снижать критерий оценки, ориентируясь на слабоуспевающих, но тогда она «грешит» против истины, либо делить школы на «элитарные» и «массовые», но тогда нарушается принцип демократизации образования.

В-третьих, представление о научении и развитии, обусловленных усвоением знаний, плюс классно-урочная (лекционно-семинарская) система преподавания обрекают ученика на принципиальную пассивность, его личность оказывается задействована лишь в узком спектре – внимание, слушание, запоминание, воспроизведение.

Наконец, необходимо отметить, что сложившаяся в Новое время образовательная практика была нацелена скорее на обучение, чем на воспитание. Введение в образовательное пространство фигуры воспитателя или классного руководителя (по совместительству учителя-предметника) свело воспитание главным образом к функции надзора за отклоняющимся поведением, что только усугубило существующую асимметрию педагогического взаимодействия.

Разумеется, мы отметили лишь некоторые проблемы. Их список, видимо, следует оставить открытым. Однако суть дела, как нам кажется, не просто в перечислении этих «проблемных мест». С философской точки зрения представляется важным спросить: как изменилась сама культура, ее парадигмальные основания от эпохи Нового времени к последней четверти XX века и какой образовательный идеал смог бы стать адекватным ответом на эти изменения в сфере культуры?

Быть может, одной из самых главных черт современной культуры может считаться осознание исчерпанности инструментальной, технической рациональности. Уже Т. Адорно и М. Хоркхаймер в конце 40-х годов XX века писали, что в культуре Нового времени считалось самоочевидным, что разум должен использоваться как средство самосохранения человеческого рода в условиях враждебного природного окружения, которое необходимо покорить и заставить служить человеку. В этой связи доминирующим механизмом познания была идентификация, под действием которой объект познания «загонялся» в некие иерархические системы, построенные по принципу исчисляемости, а «момент нетождественного», свойственный каждому предмету, явлению в реальности, отбрасывался [11].

Впоследствии критику, начатую Т. Адорно и М. Хоркхаймером, продолжил Ю. Хабермас. В своей философии он ввел специальное понятие – инструментальное действие. Инструментальное действие – это действие, посредством которого субъект вторгается в мир для того, чтобы с помощью определенных средств достичь поставленных им целей. Специфика этого действия состоит в том, что оно сугубо утилитарно, то есть субъект выбирает, обсчитывает цели и средства с точки зрения максимизации собственной пользы. С точки зрения инструментального действия разумный человек – это тот, кто в состоянии определить, что для него полезно.

Засилье инструментальной рациональности заставляет остро почувствовать дефицит рациональности другого типа – коммуникативной. И именно с культивацией коммуникативной рациональности Ю. Хабермас, К.-О. Апель связывают развитие и выживание современной культуры. В самом общем виде коммуникативная рациональность – это взаимодействие как минимум двух субъектов, направленных на выработку добровольного, а не вынужденного согласия по поводу некой, имеющей место в мире ситуации. В отличие от инструментального, коммуникативное действие потому не содержит никакого принуждения, что всем возможным его участникам предоставлено симметричное распределение шансов выбирать и осуществлять речевые акты, и главным оказывается «ненасильственное принуждение» лучшего аргумента [10].

Одним из следствий перехода современной культуры от инструментальной к коммуникативной рациональности может считаться все большее распространение в современной культуре принципов плюрализма и диалогизма.

Плюралистичность современной культуры наиболее активным образом подчеркивается, видимо, адептами постмодернистской философии. О постмодернизме можно говорить много и долго. Ограничимся, однако, фундаментальным, как нам кажется, тезисом, лежащим в основе современного постмодернистского умонастроения. В современном мире царит многообразие. И речь идет не только о многообразии материальных ценностей, но и, прежде всего, о многообразии культур и стилей, духовных миров и цивилизаций, языков, направлений в искусстве, концепций и моделей в науке. Даже в такой совершенно равнодушной к каким-либо умонастроениям науке, как современная физика, идея разнообразия в настоящее время становится более популярной, чем идея единообразия. Так, многие серьезные исследователи пишут о том, что онтология современной физики – это не искомое и всегда находимое в классической физике единство, а множество иерархически упорядоченных, но не сводимых к чему-либо единому моделей. И если в естественных науках постмодернистская идея плюрализма, по крайней мере, не отвергается, то в гуманитарных науках данная идея принимается как должное. В частности, в современной литературе и литературоведении утвердились идеи о том, что «у книги не может быть только один сюжет», что роман – это машина-генератор интерпретаций и что автор книги творит своего читателя [12].

Примерно то же самое можно сказать и об ориентации современной культуры на диалог.

Следы этой ориентации прослеживаются как в гуманитаристике, так и в естествознании. Так, применительно к литературоведению М. Бахтин – один из основателей философии диалогизма, писал, что текст – это не вещь, а трансформирующееся поле смыслов, которое возникает на пересечении автора и читателя. И тексту принадлежит не только то, что сознательно внес в него автор, но и то, что вносит в него читатель в своем с ним диалоге [1]. Что касается естествознания, то здесь, как нам кажется, симптоматичным является пример синергетики. Один из основателей этого направления И. Пригожин назвал свою книгу «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» [7]. В ней, в частности, утверждается, что окружающая нас реальность является самоорганизующейся системой, то есть способна сама себя строить и структурировать. В этой связи субъектам познания важно учитывать тенденции ее саморазвития, чтобы воздействовать в такт с ними и тем самым порождать резонансные эффекты. Таким образом, принципы синергетики дают диалогическую трактовку процессу познания – они предписывают исследователям выводить изучаемую систему на собственные линии развития, отвечающие как ее природе, так и характеру исследовательской деятельности.

Таковы некоторые основополагающие, на наш взгляд, тенденции современной культуры. С учетом этих тенденций было бы резонно подумать о том, на каких принципах должна выстраиваться современная образовательная стратегия.

Прежде всего, образовательный процесс должен быть нацелен не столько на усвоение знаний, в результате которых должно произойти овладение миром, сколько на обретение человеком себя в окружающем мире и культуре. Речь идет о том, что образование не только должно готовить для жизни, но и быть самой жизнью, то есть выступать скорее как онтологический процесс – процесс становления и развития человека. Для этого, в свою очередь, необходимо, чтобы в образовательном процессе наряду со «знанием-информацией» присутствовало и «знание-смысл». Лишь то знание, которое выстрадано, то есть предполагает непременно личное участие и серьезную внутреннюю работу, способно оформить, то есть образовать человека.

Далее, процесс становления и развития человека через смыслотворческие акты требует для себя особой реальности, особых условий. Такой реальностью, на наш взгляд, является коммуникативный процесс, пространство диалога. Только диалогическое общение, опосредованное фигурой Другого, способно вывести человека из мертвого тождества с самим собой и помочь обрести конституирующую человека открытость миру, которой не знает и не имеет ни одно животное. В связи с этим должна измениться и стратегия деятельности учителя. Из носителя конечного, достигнутого знания он превращается в посредника между учеником и миром, создавая особые поля напряжения и вовлекая учащихся посредством диалогического общения в ситуацию мысли. Позицию учителя в этой связи можно определить как позицию «учителя-психомайевта», того, кто помогает свершиться высвобождению чего-то нового к бытию, – того, что может быть рождено только самим учеником, ибо лишь то, что создается, творится самим учеником, обладает для него смыслом.

И, наконец, последнее. Коль скоро человек – это не только существо самоконституирующееся, открытое миру, но и незавершенное, то образование должно выстраиваться как становление становящегося человека. А результатом образования, если здесь вообще корректно говорить о результате, выступает образ, образ человека образующегося здесь и сейчас и в течение всей жизни.

Образование, понятое таким образом, достаточно точно передает значение онтологических процессов: мир и человек создаются по образу и подобию самой бытийной сущности. А без образа человек и мир «безóбразны» и «безобрáзны».

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Важным здесь выступает различие «идеи» образования и «идеала» образования. «Идея» образования связана с изначальным учреждением смысла образовательной практики в культуре той или иной эпохи и имеет регулятивную функцию, а «идеал» образования является исторически обусловленной формой реализации этой идеи в ту или иную эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Бэкон Ф. Великое Восстановление Наук // Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1977. С. 55–553.
3. Коменский Я. А. Предвестник всеобщей мудрости // Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 477–527.
4. Конев В. А. Культура и архитектура педагогического пространства // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 46–57.
5. Мамчур Е. А. Образы науки в современной культуре. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2008. 400 с.
6. Порус В. Н. Высшее образование должно возвышать человека // Вестник Российского философского общества. 2008. № 2(46). С. 43–50.
7. Пригожин И. Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
8. Разеев Д. Н. Идеалы образовательных стратегий в герменевтической перспективе // Коммуникация и образование: Сб. статей / Под. ред. С. И. Дудника. СПб., 2004. С. 33–49.
9. Розин В. М. Философия образования: этюды-исследования. М.; Воронеж: МПСИ: НПО МОДЭК, 2007. 576 с.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. 379 с.
11. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М.; СПб.: Медиум: Ювента, 1997. 312 с.
12. Эко У. Заметки на полях «Имени Розы» // Эко У. Имя Розы. М.: Книжная палата, 1989. С. 425–467.

Август, № 8 **Экономика** **2009**

УДК 330.1

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ИСАКОВ
кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и финансов ПетрГУ
isakov@petrsu.ru

ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ЗЕКУНЕНКО
студентка 5-го курса экономического факультета ПетрГУ
zan@onego.ru

ИНСТИТУТЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. Часть 1*

В статье анализируется влияние оппортунистического поведения на институты налогообложения, а также связь институтов налогообложения с традиционными характеристиками налоговой системы.

Ключевые слова: неоинституционализм, трансакционные издержки, оппортунистическое поведение, налоговая система, налоговая оптимизация

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В КОНЦЕПЦИИ ОТНОШЕНЧЕСКИХ КОНТРАКТОВ

Во время создания Налогового кодекса России директор Института государства и права РАН академик Б. Топорнин написал, что «Налоговый кодекс – это договор между государством и обществом», за что был подвергнут жесткой критике со стороны отечественных финансистов. Основные аргументы критиков сводились к тому, что, согласно Гражданскому кодексу России, «для заключения договора необходимо выражение согласованной воли двух сторон» и в договоре должен соблюдаться основной принцип гражданского права – «равенства участников регулируемых им отношений», чего «в налоговых отношениях нет и быть не может» [3; 59].

Такого рода споры юристов и финансистов находят свое решение в концепции отношенческих контрактов, являющихся предметом неоинституциональной экономической теории. Институционалисты понимают контракт (договор) широко – как совокупность правил, структурирующих в пространстве и времени обмен между двумя (и более) экономическими субъектами посредством определения обмениваемых прав и взятых обязательств и определения механизма их соблюдения. Отношенческим же контрактом называется контракт неполный, предполагающий длительное сотрудничество сторон; гарантом выполнения такого контракта являются один или два контрагента, но не третья сторона или суд.

При таком понимании контракта нет никакой необходимости определять, соответствует он Гражданскому кодексу или нет, так как гражданско-правовой договор является лишь частным случаем контракта.

Однако попробуем вновь ответить на вопрос, является ли налогообложение договором, или контрактом, между государством и налогоплательщиками? Согласно определению контракта, он возникает на основе совершающегося между экономическими субъектами обмена правами и обязательствами. Налогообложение, очевидно, предполагает обмен правами и обязательствами между государством и налогоплательщиками: государство получает право на часть дохода на-

© В. А. Исаков, Д. А. Зекуненко, 2009

логоплательщика в виде налогов, а налогоплательщик обязуется платить установленные налоги и сборы; при этом государство берет на себя обязанность быть социальным и проводить эффективную экономическую политику, а налогоплательщик получает право на пользование этими благами.

Итак, налогообложение является обменом, и Конституция России определяет обмениваемые права и обязательства, но каким должен быть сам контракт? Должен ли он сводиться к Налоговому кодексу, по высказыванию Топорнина? Или правила, которыми структурируется обмен, могут устанавливаться иначе? Какими должны быть механизмы, обеспечивающие соблюдение установленных правил?

Представляется, что и на эти вопросы ответы могут дать экономисты. Экономист всегда выбирает тот вариант трансакции, при котором соотношение затрат и результатов будет оптимальным. Что же мы будем оптимизировать в случае выбора формы налогового контракта? Соотношение между затратами на создание правил обмена, создание и поддержание механизмов, обеспечивающих соблюдение правил, и гарантиями того, что стороны обмена будут соблюдать принятые на себя обязательства, не злоупотребляя правами.

СОЗДАНИЕ ОПТИМАЛЬНОГО КОНТРАКТА В ТЕОРИИ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК О. УИЛЬЯМСОНА

Оптимизация контрактов основывается на теории трансакционных издержек О. Уильямсона [7], [10]. Согласно теории в варианте самого автора, обмен может совершаться в рамках одной из четырех структур управления: рыночный контракт, отношенческий контракт, внутрифирменная иерархия, частная или государственная бюрократическая структура. Эти структуры управления выстроены в порядке возрастания затрат на свое создание и поддержание. Очевидно, что рыночный контракт – самый дешевый; проблемы с его исполнением не требуют существенных дополнительных затрат экономических субъектов – можно использовать традиционные рыночные институты защиты конкуренции, прав собственности и прав кредитора – судебное разбирательство, банкротство недобросовестного должника, заключение контракта с другим контрагентом и т. п. Отношенческий контракт уже обходится дороже. Так как он неполный, суд не сможет определить, требования какой из сторон более обоснованы, поэтому контрагенты при возникающих проблемах с исполнением должны самостоятельно проводить переговоры, часто длительные. Создание внутрифирменной иерархии сопряжено с еще большими издержками: содержание управленцев разных уровней, приказы, распоряжения, отчеты, совещания, планы и так далее. Ну и, наконец, бюрократия является уже практически синонимом потерь времени, огромного количества справок, негибкости.

Казалось бы, лучшей структурой управления является рыночный контракт, но частое его использование невозможно. Людям свойственно вести себя оппортунистически, то есть преследовать личный интерес, не ограничивая свое поведение требованиями морали. Оппортунистическое поведение является фактором, определяющим выбор структуры управления. Если обмен совершается не часто и инвестиции одной стороны контракта не зависят от действий другой стороны, то рыночный контракт дает наибольшие гарантии защиты от оппортунистического поведения. Например, если фирме необходим поставщик общераспространенных материалов и ритмичность поставок не носит критического характера, то лучше заключить с поставщиком рыночный контракт, так как в случае его несоблюдения контракт легко можно расторгнуть, обратиться с претензиями в суд, вплоть до банкротства контрагента.

Но если фирме нужен поставщик уникальных материалов, то ни расторжение контракта, ни судебное разбирательство не приведут к приемлемому результату, так как от этого пострадает и сама фирма. В такой ситуации больше подойдет отношенческий контракт, предусматривающий внесудебное решение проблем с исполнением.

Если при этом критически важна и ритмичность поставок материала, то, возможно, наилучшим решением будет приобретение предприятия, производящего указанные уникальные материалы, и выстраивание отношений с ним посредством внутрифирменной иерархии.

РАСШИРЕННАЯ ТЕОРИЯ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК

Понятно, что в таком виде теория трансакционных издержек не может быть применена к определению оптимального налогового контракта. Но можно выявить общую логику выбора. Существуют внешние причины оппортунистического поведения. В теории трансакционных издержек О. Уильямсона это зависимость контрагентов, а также особенности обмена, обусловливающие построение отношений между контрагентами на основе преданности. Анализ трудов институционалистов показывает, что также внешними причинами оппортунистического поведения являются слабозащищенные права собственности, невозможность предсказать будущие события, неравномерность распределения между контрагентами информации (асимметрия информации), *пробелы институциональной среды*, возникающие в период реформ. Когда внешняя причина оппортунистического поведения совмещается с внутренним побуждением к нему (личным интересом, конфликтующим с интересами контрагента), оппортунизм проявляется в той или иной форме. По О. Уильямсону, оппортунисти-

ческое поведение, вызванное зависимостью контрагентов, может проявляться в форме вымогательства, когда один контрагент присваивает себе выгоды от контракта, принадлежащие другому контрагенту (например, необоснованно увеличивая цену), или в форме отлынивания, когда контрагент работает с меньшей отдачей, чем это положено по контракту. Однако формы оппортунистического поведения не исчерпываются указанными, и к ним можно добавить такое поведение, когда один контрагент скрывает от другого информацию о выполнении контракта или совершает в рамках контракта скрытые от своего контрагента действия; когда потенциальные участники трансакции скрывают или искажают информацию о своих недостатках в качестве потенциальных партнеров; когда участник трансакции направляет свои усилия на достижение поставленных перед ним частных задач, в результате чего общая цель трансакции достигается не полностью по причине проблем с точным формулированием частных задач. При этом существует зависимость между внешней причиной и формой оппортунизма. При наличии в выстраиваемых контрагентами отношениях внешних условий появления оппортунистического поведения в контракт или структуру управления обменом необходимо встроить механизм, ограничивающий оппортунизм. О. Уильямсон отметил, что при наличии зависимости контрагентов основными механизмами ограничения оппортунизма являются управленческие и контрольные механизмы. По мере перехода от рыночного контракта к бюрократической структуре их число и значение возрастают. Однако и здесь анализ институциональных исследований позволяет расширить число возможных механизмов. Оппортунистическое поведение в различных его формах ограничивают необходимость поддержания положительной репутации, дестимулирование поведения, направленного на преследование личных интересов, бюрократизация всех рабочих процедур, повышение открытости информации, развитие институциональной среды и другие механизмы. Между формой оппортунистического поведения и механизмом его ограничения также существует взаимосвязь.

Таким образом, выбор оптимальной структуры управления каким-либо обменом сводится к выявлению наличия в будущих отношениях контрагентов внешних условий проявления оппортунистического поведения и созданию таких институтов управления обменом, которые содержали бы в себе механизмы ограничения тех форм оппортунизма, которые характерны для данной внешней причины.

Такой расширенный вариант теории трансакционных издержек был применен одним из авторов настоящей статьи к налогообложению, в результате чего был сделан вывод о том, что создание и развитие институтов налогообложения в значительной степени определяется наличием в налоговых отношениях сильно и средне выраженных угроз оппортунистического поведения и стремлением участников налоговых отношений создать механизмы ограничения такого поведения [1], [2].

Однако стремление сделать институты налогообложения эндогенными в экономических моделях сместило исследовательский фокус на сами институты, а традиционные задачи, решаемые налоговой системой, остались в стороне.

В настоящей статье мы показываем влияние на институты налогообложения двух наиболее выраженных угроз оппортунизма: зависимости налогоплательщиков от правительства и асимметрии информации о деятельности налогоплательщика (сопряженной с объективной неопределенностью налоговых правил), а также даем первую попытку связать институты налогообложения с традиционными характеристиками налоговой системы.

ЗАВИСИМОСТЬ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА – ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ОППОРТУНИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ НАЛОГООБЛОЖЕНИИ

Безусловно, налогоплательщики находятся в сильной зависимости от государства. Без государства невозможна сама рыночная экономика, а инвестиции экономических субъектов в экономическую деятельность в конкретном государстве очень велики. Смена налоговой юрисдикции для домохозяйств чрезвычайно тяжела: необходимо получение вида на жительство, изучение нового языка, культуры, возможно, освоение новой профессии, преодоление проблем с ограничениями для неграждан и т. д. Фирме сменить свою налоговую «прописку» намного проще – достаточно заплатить госпошлину, провести реорганизацию и переоформить заключенные договоры. Это позволяет некоторым исследователям сделать вывод о том, что конкуренция различных государств за налогоплательщика сдерживает необоснованный рост налогового бремени [8], однако сменить налоговую юрисдикцию – не то же, что купить тот же товар в соседней лавке.

В связи с этим в налоговом контракте должен быть предусмотрен механизм контроля налогоплательщика за действиями государственных органов, уполномоченных проводить налоговую политику, то есть за действиями правительства. В демократическом государстве контроль граждан за действиями правительства осуществляется парламентом, поэтому Налоговый кодекс, а точнее говоря, правила и процедуры его принятия и внесения в него изменений, – это, действительно, если не сам договор между государством и налогоплательщиками, то важнейшая его часть.

Сейчас уже представляется невероятным, что налог может быть установлен чем-либо, кроме закона, но 10–15 лет назад в России налоги вводи-

лись не только законами, но и указами президента, постановлениями правительства, постановлениями областных и районных администраций.

Надо отметить, что именно с принятием Налогового кодекса в России начался процесс снижения налогового бремени.

В этой же области, кстати, кроется различие между налогами и другими обязательными взносами. Налоги – это такие взносы, о которых государство и налогоплательщики могут и считают необходимым договариваться посредством демократических институтов. Довольно часто в работах российских финансистов звучит критика того, что из состава налогов исключены таможенные пошлины. Основные аргументы критиков сводятся к тому, что таможенные пошлины обладают признаками, указанными в определении налога в Налоговом кодексе.

Однако представляется, что исключение таможенных пошлин, по крайней мере вывозных, из состава налогов – это правильное решение. Они не имеют отношения к налоговому контракту, поскольку вводятся с протекционистскими целями, а в этой сфере контроль граждан за государством пока нецелесообразен. Правительству необходимо быстро реагировать на изменение мировых цен на нефть, изменения в мировой экономике, поэтому согласование позиции с парламентом может привести к запоздалому принятию решений.

Даже с учетом того, что сегодня в России правительство легко находит поддержку в парламенте, в результате чего антикризисные изменения в налоговой системе были проведены в кратчайшие сроки, наиболее быстрой реакцией на мировой финансовый кризис в области обязательных платежей было сокращение сроков мониторинга цен на нефть для расчета экспортной пошлины.

Так же и ресурсные платежи не относятся к налоговому контракту. Выступая собственником природных ресурсов, государство заключает с каждым природопользователем отдельный договор, в результате чего пропадает необходимость согласования размеров платы за пользование природными ресурсами с налогоплательщиками. Оптимизация таких контрактов должна осуществляться отдельно от налогового, в связи с чем оправданным выглядит исключение ряда платежей (лесного дохода, платы за пользование водными объектами, платежей за выбросы загрязняющих веществ, платежей за пользование недрами) из числа налогов.

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ НАЛОГОВОГО КОНТРАКТА

Посмотрим, о чем же договорились российские налогоплательщики с правительством на сегодняшний день.

Структура поступлений налогов в консолидированный бюджет России в 2008 году представлена в табл. 1.

Таблица 1

Поступления налогов и сборов (по видам) в консолидированный бюджет Российской Федерации в 2008 году [4]

Поступления	Сумма, млрд руб.	Доля, %
Всего	7 948,9	100,0
в том числе:		
налог на прибыль организаций	2 513,0	31,6
налог на доходы физических лиц	1 665,6	21,0
налог на добавленную стоимость	998,4	12,6
акцизы	314,7	4,0
налог на добычу полезных ископаемых	1708,0	21,5
налоги на имущество	493,4	6,2
прочие налоги	255,8	3,2

Из анализа структуры поступлений можно сделать следующие выводы.

Россия постепенно избавляется от характерной для большинства европейских стран относительно высокой доли косвенного налогообложения.

Если рассмотреть традиционные косвенные налоги – НДС и акцизы, то их суммарная доля в консолидированном бюджете страны составляет лишь 16,6 %. Даже если убрать из расчета налог на добычу полезных ископаемых, то доля НДС и акцизов едва превышает 20 % налоговых доходов, что меньше, чем в США и Канаде (см. табл. 2).

Таблица 2

Доля налогов на товары и услуги в общей сумме налоговых поступлений (без учета социального страхования) в 2005 году [9], расчеты автора

Страна	%	Страна	%
Австралия	27,8	Корея	43,5
Австрия	40,7	Мексика	67,2
Бельгия	35,0	Нидерланды	43,6
Канада	29,6	Новая Зеландия	32,1
Чехия	49,7	Норвегия	34,6
Дания	33,0	Польша	60,9
Финляндия	42,0	Португалия	57,0
Франция	38,5	Словакия	58,3
Германия	45,8	Испания	39,5
Греция	49,5	Швеция	35,5
Венгрия	57,4	Швейцария	30,2
Исландия	43,9	Турция	60,1
Ирландия	43,9	Великобритания	37,3
Италия	36,1	США	22,8
Япония	28,8	ЕС (в среднем)	40,7
		ОЭСР (в среднем)	42,1

Однако налог на добычу полезных ископаемых в России сконструирован как косвенный налог – им облагается количество или стоимость добытых полезных ископаемых. 92 % поступлений этого налога – на добычу нефти. И если налог на добычу экспортируемой нефти еще можно рассматривать как дополнение к экспортной пошлине, то налог на добычу нефти, реализуемой на внутреннем рынке, в какой-то степени является универсальным внутренним косвенным налогом, так как энергетическая составляющая есть в стоимости каждого товара.

Учитывая, что около половины добытой в России нефти реализуется на внутреннем рынке, можно сделать вывод о том, что оценку доли косвенного налогообложения следует повысить еще на 10 процентных пунктов. И все же в 2008 году доля косвенного налогообложения в России была ниже, чем в среднем по ЕС, и значительно ниже, чем в странах Восточной Европы.

Для налогового контракта снижение доли косвенного налогообложения следует оценивать положительно, так как прямое налогообложение более ощутимо налогоплательщиками, что заставляет правительство быть более ответственным по отношению к ним.

В России характер налогообложения является нейтральным с уклоном в регрессивность.

Ни по одному из значимых налогов не установлена прогрессивная ставка. Более того, НДС отнимает большую долю доходов тех граждан, которые тратят полученный доход на потребление, ставки налогов и взносов на социальное страхование – регрессивные.

Правительство часто напоминает налогоплательщикам, что в России самая низкая ставка подоходного налога. Действительно, если сравнить ставку российского НДФЛ с максимальными ставками налога на личные доходы в зарубежных странах (см. табл. 3), то создается впечатление, что в России налогообложение намного мягче. Но различия в налоговом бремени на доходы нельзя увидеть ни при сравнении максимальных ставок, ни минимальных, поскольку ставка применяется к налоговой базе, из которой производятся различные вычеты. Кроме того, необходимо учитывать возврат налогов населению посредством социальных трансфертов. Поэтому гораздо более показательной для оценки налогового бремени является доля заработка, остающегося в распоряжении налогоплательщика (см. табл. 3).

Доля заработка, остающегося в распоряжении налогоплательщика, определяется как отношение дохода, оставшегося после уплаты налогов и социальных взносов (в большинстве стран обязанность по уплате социальных взносов распределена между работником и работодателем), увеличенного на полученные пособия, к начисленной заработной плате.

Таблица 3

Максимальные ставки подоходного налога и доля заработка, остающегося в распоряжении налогоплательщика в 2005 году, % [9]

Страна	Наивысшая ставка подоходного налога	Доля заработка, остающегося в распоряжении работающего (в среднем)	
		одинокого	женатого с двумя детьми
Австралия	48,5	76,0	89,1
Австрия	42,7	67,2	81,8
Бельгия	45,1	58,0	77,9
Канада	46,4	76,1	87,7
Чехия	28,0	75,9	98,3
Дания	55,0	59,2	71,2
Финляндия	49,9	68,7	76,4
Франция	36,5	71,1	83,1
Германия	44,3	56,7	76,2
Греция	33,6	76,2	74,5
Венгрия	56,0	66,3	80,4
Исландия	38,2	74,4	93,9
Ирландия	42,0	84,7	104,4
Италия	44,1	72,7	89,2
Япония	47,1	81,5	85,8
Корея	35,6	90,1	91,3
Мексика	22,5	95,4	95,4
Нидерланды	52,0	67,7	78,0
Новая Зеландия	39,0	79,6	85,6
Норвегия	43,5	71,0	79,7
Польша	26,2	68,2	70,1
Португалия	35,6	77,6	89,5
Словакия	14,4	77,9	97,0
Испания	45,0	79,8	87,2
Швеция	51,6	68,8	76,0
Швейцария	37,8	78,3	90,5
Турция	35,6	69,5	69,5
Великобритания	40,0	73,1	79,7
США	41,3	75,7	89,1
ЕС (в среднем)	43,4	70,3	82,9
ОЭСР (в среднем)	40,4	73,7	84,9
Россия	13,0	н. д.	н. д.

Из данных табл. 3 видно, что в большинстве стран деятельность государства изымает 10–20 % заработка женатого работающего с двумя детьми, что делает различия в налогообложении личных доходов в России и зарубежных странах не таким большим, как кажется при сравнении максимальных ставок.

В России у аналогичной категории налогоплательщиков тоже остается в распоряжении не 87 % заработка, а больше, поскольку существуют налоговые вычеты, социальные трансферты (например, материнский капитал, социальные пособия). Однако в основном налоговые вычеты предоставляются по расходам на обучение, лечение, приобретение жилья (особенно за счет

ипотечного кредита), то есть уже обеспеченным людям, которые в состоянии нести эти расходы. Для лиц со средней заработной платой такие расходы, а значит, и вычеты недоступны. Размеры же общедоступных вычетов – стандартных – просто смешны: возврат НДФЛ составляет 52 рубля в месяц на самого налогоплательщика плюс 260 рублей в месяц семье на одного ребенка.

В зарубежных странах наибольшие вычеты также у лиц с наибольшими доходами, но прогрессивная ставка подоходного налога устраняет эту несправедливость. В России же и налогообложение личных доходов носит регрессивный характер.

Нельзя не отметить различия в доле заработка, остающегося в распоряжении одинокого гражданина и женатого с детьми, демонстрирующие налоговую политику зарубежных стран в отношении поддержки семьи. Налоговый механизм и механизм социального обеспечения, построенные таким образом, делают совершенно ненужным изобретение какого-либо налога «на бездетность».

Финансовый кризис вновь поставил вопрос о возврате к прогрессивным ставкам подоходного налога. Правительство заявило о невозможности отмены пропорциональной ставки в настоящее время, поскольку это может вызвать уход крупных доходов в тень. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что на сегодняшний день налоговый контракт в большей степени ориентирован на богатых налогоплательщиков и их интересы учтены в нем сильнее, чем интересы бедных налогоплательщиков.

Высокая степень централизации налоговой системы.

Еще один аспект контроля над налоговой системой связан с налоговым федерализмом. Российское государство включает в себя публично-правовое образование Российская Федерация, 83 субъекта Федерации и около 25 тысяч муниципальных образований. Между ними также заключается налоговый контракт. Однако очевидно, что ведущую роль в налоговой политике в России должна играть именно Федерация. Децентрализация принятия решений в нашей стране часто приводила к негативным последствиям, в том числе и в налоговой сфере. Еще свежи воспоминания о борьбе Минфина России с внутренними офшорами.

В результате укрепления налоговой «вертикали власти» доля поступлений по федеральным налогам и сборам в 2008 году составила 91,5 %, по региональным – 5,1 %, по местным – 2,3 %. Эти цифры свидетельствуют о том, что налоговая политика в России практически полностью определяется решениями, принимаемыми на федеральном уровне.

В свете сказанного любопытной является ситуация, сложившаяся со снижением налоговой нагрузки на малые предприятия. Одной из антикризисных мер явилась предоставленная субъектам России возможность снижения ставки единого налога на чистый доход малых предприятий с 15 до 5 %. Однако на начало 2009 года ставку снизили лишь два субъекта. Федеральному правительству пришлось через налоговую службу напоминать региональным органам власти о том, что снижение можно осуществить «задним числом» в течение года. Но, следует заметить, что для малых предприятий, которые ранее платили налог с валового дохода по ставке 6 %, переход на уплату налога с чистого дохода в течение года не осуществим. Это еще раз подтверждает тот факт, что общегосударственные задачи налоговой политики в России пока должны решаться на федеральном уровне.

Прямые и косвенные налоги неравномерно распределены между уровнями бюджетной системы.

Структура налоговых доходов федерального бюджета представлена в табл. 4.

В федеральный бюджет РФ поступает 48,2 % всех налоговых доходов в соответствии с принятой схемой «50 на 50».

Основу составляют поступления косвенных налогов (НДС, акцизы, НДПИ), особенно налога на добычу полезных ископаемых.

Причинами тому – само федеративное устройство России, выбор в качестве универсального косвенного налога НДС и наличие на территории России запасов нефти. Понятно, что налог на добычу нефти может поступать только в федеральный бюджет, иначе нефтяные и ненефтяные регионы были бы в неравном положении: нефть принадлежит всей России.

В международной торговле действует принцип взимания косвенных налогов в стране назначения товара, поэтому экспортеры товаров получают возврат НДС, уплаченного всеми налогоплательщиками, добавлявшими стоимость товара. В связи с этим НДС тоже может поступать только в федеральный бюджет и возмещаться только из федерального бюджета. Если он поступит в бюджет одного субъекта РФ, а возмещение будет производиться из бюджета другого субъекта РФ,

Таблица 4

Поступления налогов и сборов в федеральный бюджет Российской Федерации в 2008 году, по видам [5]

Поступления	Сумма, млрд руб.	Доля, %
Всего	4078,7	100,0
в том числе		
налог на прибыль организаций	761,1	18,7
единый социальный налог	506,8	12,4
налог на добавленную стоимость	998,4	24,5
акцизы	125,2	3,1
налог на добычу полезных ископаемых	1604,7	39,3
прочие налоги	82,5	2,0

то страдать от такого порядка будут бюджеты экспортно ориентированных регионов.

Структуру налоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ рассмотрим на примере консолидированного бюджета Республики Карелия (табл. 5).

В противоположность федеральному бюджету консолидированные бюджеты субъектов РФ практически целиком обеспечиваются поступлениями прямых налогов, в основном налога на прибыль организаций, НДФЛ, налога на имущество организаций.

Передача на уровень регионов доходов от имущественных налогов и налога на доходы физических лиц вполне логична: владельцы имущества и получатели доходов оплачивают общественные блага от органов власти субъектов РФ и местного самоуправления по месту своего нахождения. Что касается налога на прибыль, то центры прибыли крупных фирм распределены по регионам их присутствия неравномерно, в связи с чем используется механизм распределения такими фирмами налога на прибыль по регионам пропорционально стоимости основных средств и заработной плате.

Таким образом, налоговая система России является очень централизованной, нейтральной с уклоном в регрессивность, с преимущественно прямым налогообложением на региональном уровне и косвенным – на федеральном. Такие характеристики не соответствуют лучшим мировым образцам. В то же время они обусловлены институциональными ограничениями, неизбежными на современном этапе развития страны.

В связи с этим для оптимизации характеристик налоговой системы России необходимо:

- повысить ответственность губернаторов за соответствие региональной налоговой политики общегосударственным целям, постепенно расширяя права субъектов России в области региональных налогов;
- развивать политическую систему таким образом, чтобы парламентарии представляли интересы широких слоев населения;
- развивать институты гражданского общества как инструменты контроля над налоговой системой;
- переходить к прямому налогообложению пользователей недр;
- рассмотреть вопрос о возможности введения регионального налога с продаж.

В следующей части статьи мы рассмотрим институциональные проблемы оппортунистического поведения налогоплательщиков.

Таблица 5

Поступления налогов и сборов (по видам) в консолидированный бюджет Республики Карелия в 2008 году [6]

Поступления	Сумма, тыс. руб.	Доля, %
Всего	14824,4	100,0
в том числе		
налог на прибыль организаций	4341,3	29,3
налог на доходы физических лиц	7327,3	49,4
акцизы	97,6	0,7
налог на имущество физических лиц	29,1	0,2
налог на имущество организаций	1247,4	8,4
земельный налог	137,1	0,9
транспортный налог	303,0	2,0
налог на игорный бизнес	171,4	1,2
налог на добычу полезных ископаемых	283,5	1,9
сборы за пользование объектами животного мира	15,3	0,1
государственная пошлина	28,3	0,2
единый налог при упрощенной системе налогообложения	466,1	3,1
единый налог на вмененный доход	367,2	2,5
единый сельскохозяйственный налог	2,5	0,0

* Окончание статьи будет опубликовано в следующем номере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаков В. А. Теория трансакционных издержек в применении к налоговой системе современной России // Российское предпринимательство. 2007. № 7. Вып. 2. С. 94–97.
2. Исаков В. А. Оппортунистическое поведение и механизмы его ограничения (на примере трансакции налогообложения): Дис. … канд. экон. наук. Петрозаводск, 2008. 174 с.
3. Налоговая политика России: проблемы и перспективы / Под. ред. И. В. Горского. М.: Финансы и статистика, 2003. 288 с.
4. Налоговая статистика: [Электронный ресурс]. Электронная статья. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/portal/!ut/p/.cmd/cs/.ce/7_0_A/.s/7_0_37E/_th/J_0_69/_s.7_0_A/7_0_37E/_s.7_0_A/7_0_37E.
5. О поступлении администрируемых ФНС России доходов в федеральный бюджет Российской Федерации в 2008 году: [Электронный ресурс]. Электронная статья. Режим доступа: http://www.nalog.ru/document.php?id=27165&topic=budjet_fed.
6. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ: [принято 12 октября 2006 года].
7. Результаты работы арбитражных судов: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals/.
8. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация: Пер. с англ. СПб.: Лениздат, 1996. 702 с.
9. OECD in figures 2008: [Electronic resource]. Electronic document. Access mode: http://dx.doi.org/10.1787/468178478114.
10. Williamson O. E. Public and Private Bureaucracies: A Transaction Cost Economics Perspective // The Journal of Law, Economics & Organization. 1999. Vol. 15. № 1. P. 306–342.

УДК 338.24.021.8

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА СЕМЕНОВА
аспирант кафедры экономической теории и финансов экономического факультета ПетрГУ
semenova_ma@mail.ru

РЕФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ: ОПЫТ РАЗВИТЫХ СТРАН

В статье на основе анализа реформ электроэнергетики зарубежных стран выделяются ключевые аспекты перехода от вертикально интегрированных компаний, регулируемых государством, к конкурентному рынку, а также рассматривается реализация этих ключевых аспектов в России.

Ключевые слова: реформирование электроэнергетики, конкуренция, электроэнергетический рынок

В последнее десятилетие в России идет процесс реформирования одной из ключевых отраслей экономики – электроэнергетики. Следует отметить, что подобный опыт в общем смысле не является уникальным – реформы уже проведены или проводятся в настоящее время большинством развитых стран.

Энергетическая отрасль большинства современных стран до определенного этапа была представлена вертикально интегрированными компаниями с высокой степенью концентрации и централизации производства. Это обусловлено общей логикой генезиса экономических систем. В конце прошлого столетия в электроэнергетике стали происходить кардинальные перемены, связанные с внедрением конкуренции в сегменты, которые ранее считались естественно-монопольными.

Наиболее общими для всех стран причинами, вызвавшими проведение реформ, являются:

- неэффективность тарифного регулирования, связанная с переложением на потребителя всех расходов генерирующих компаний, в том числе стоимости избыточных инвестиционных программ;
- сокращение темпов роста энергопотребления из-за широкого внедрения энергосберегающих технологий, в результате – появление невостребованных генерирующих мощностей, оплачиваемых потребителями;
- ужесточение экологического законодательства большинства стран, требующее ускоренной модернизации генерирующего оборудования;
- изменения в технологии, выражавшиеся в создании высокоэффективных и относительно недорогих газотурбинных генерирующих объектов, что послужило объективной основой развития конкуренции;
- развитие отраслевой технологической инфраструктуры: появление магистральных электросетей между ранее изолированными энергосистемами, усовершенствование средств измерения.

Часть появившихся в результате реформирования рынков доказала свою эффективность (рынки стран Скандинавии, Великобритании, Австралии, Германии, PJM (США)) и успешно функционирует до настоящего времени. Некото-

© Семенова М. А., 2009

рые эксперименты оказались откровенно неудачными (рынок Калифорнии).

Что касается реформы электроэнергетики в Калифорнии, то, по мнению экспертов[1], причины энергетического кризиса заключались не в неэффективности работы конкурентного механизма, а в неудачной конструкции рынка.

Специфика производства электрической энергии требует конструирования сложной рыночной модели. В настоящее время технически невозможно ограничить потребление электроэнергии объемами контрактных обязательств в режиме реального времени; объемы производства и потребления должны быть сбалансированы между собой; электрические сети имеют предел пропускной способности. С учетом этих особенностей в энергосистеме необходимо централизованное планирование и обязательное для выполнения всеми участниками оперативно-диспетчерское управление. Должны существовать жесткие требования, исключающие возможность манипулирования объемами производства электрической энергии с целью влияния на рыночные цены.

Электроэнергетические рынки, в которых требования системной надежности соблюдены, функционируют более или менее успешно. При этом, по оценкам экспертов Международного энергетического агентства [6; 12], эффективность реформированных отраслей с конкурентными рынками электроэнергии в целом выше, чем у отраслей-монополий. К основным выгодам от либерализации относятся:

- тенденция снижения цен на электроэнергию для промышленных потребителей; менее очевидное снижение цен для бытовых потребителей;
- более эффективное использование генерирующих мощностей, избавление от избыточной генерирующей мощности;
- более эффективное использование топлива;
- рост производительности труда (сокращение количества занятых работников при увеличении объемов производства);
- активизация международной электроэнергетической торговли и вследствие этого – более эффективное распределение ресурсов;
- развитие инноваций в результате активной конкуренции между участниками рынка.

Таким образом, в долгосрочной перспективе либерализованные рынки электроэнергии создают преимущества для всего общества в целом, хотя ряд экономических субъектов, несомненно, будет в проигрыше (группы ранее субсидируемых покупателей; рабочая сила, вытесненная в результате роста производительности труда, реструктуризированные вертикально интегрированные компании).

Следующий вопрос – как создать эффективный рынок электроэнергии? Анализ опыта зарубежных стран показывает, что модели успешных электроэнергетических рынков могут быть различными – универсальной конструкции не существует. Можно выделить следующие ключевые моменты.

Реструктуризация: отделение конкурентных видов деятельности, связанных с производством и реализацией электроэнергии, от монопольных, к которым традиционно относятся передача и распределение. Как правило, этот шаг является общим для всех стран, проводивших реформы, и направлен на формирование конкурентной среды в сфере генерации и сбыта. В странах с преобладанием государственной собственности в электроэнергетике он осуществлялся директивно в сжатые сроки[2]. В США, где три четверти коммунальных компаний, осуществлявших энергоснабжение, являлись частной собственностью, принудительно провести разделение было невозможно. Поэтому постепенно в течение трех десятилетий[3] законодательно поощрялось создание независимых компаний – производителей электроэнергии. Опыт Германии в ряду других развитых стран является исключением: разделения вертикально интегрированных компаний не было. Более того, девять вертикально интегрированных компаний за период реформирования слились в четыре. Таким образом, немецкий электроэнергетический рынок – в высшей степени олигопольный. Однако наличие свободного доступа третьих лиц к сети и конкуренция на розничном рынке создают давление на вертикально интегрированные компании, и результаты работы отрасли соответствуют конкурентному сценарию (снижение цен, улучшение качества обслуживания). Россия в этом вопросе не отличается от большинства стран. Проведение реструктуризации закреплено в Федеральном законе № 35 «Об электроэнергетике», а также ряде постановлений Правительства РФ.

Доступ к сети. Этот аспект реформирования напрямую определяет возможность развития конкуренции. Без создания недискриминационного доступа к сетевой инфраструктуре реструктуризация по сути теряет смысл. Регулирование сетевого доступа, как правило, осуществляется через систему тарифов, включающую плату за подключение (компенсация постоянных затрат сетевых компаний) и плату за передачу (переменные издержки). Плата за передачу может быть организована различными способами, например по принципу «почтовой марки» или «по точке подключения». Тариф «почтовая марка» является одинаковым для всех пользователей независимо от места их расположения в сети (Германия, Австралия). Возможно объединение всех платежей в едином тарифе (Скандинавия). В большинстве развитых стран генерирующие объекты, функционирующие на основе возобновляемых источников энергии, имеют приоритет доступа к сети. В России доступ к сети регулируется Постановлением Правительства № 861 от 27.12.2004 г. «Об утверждении правил недискриминационного доступа…» [2].

Модель выделения видов деятельности по передаче электроэнергии и оперативно-диспетчерскому управлению. В результате реструктуризации выделяется естественно-монопольный сегмент, включающий деятельность по передаче электроэнергии и оперативно-диспетчерскому управлению. Возможны несколько моделей выделения этих видов деятельности. *Модель независимого системного оператора (ISO)*: магистральные сети остаются в собственности прежних владельцев, но переданы в управление системному оператору, осуществляющему также оперативно-диспетчерское управление. В силу особенностей законодательства и структуры собственности была реализована на рынке PJM США. *Модель оператора передающих систем (TransCO)*: магистральные сети передаются в собственность независимой компании, осуществляющей также оперативно-диспетчерское управление (большинство стран Европы). В силу высокой взаимозависимости этих видов деятельности совмещение функций оперативно-диспетчерского управления и передачи электроэнергии является вполне логичным. Однако возможно и разделение: модель сетевой компании (GridCo) предполагает передачу магистральных сетей в собственность и управление независимой сетевой компании, оперативно-диспетчерское управление осуществляется независимым системным оператором (Россия, часть штатов Австралии).

Разделение оперативно-технических функций по управлению энергосистемой и коммерческих функций по управлению рынком. Оперативно-техническое управление энергосистемой и рынком требует высокой координации действий всех участников процесса. Поэтому в некоторых странах технические и коммерческие функции объединены в одном регулирующем органе (например, оператор австралийского рынка NEMMCO, системный оператор PJM). Разделение этих видов деятельности сопряжено с более высокими издержками (в том числе на координацию), однако обеспечивает большую прозрачность действий регулирующих органов и позволяет избежать конфликта интересов участников, связанного с сосредоточением всех управленческих функций в одной организации. Степень разделения может быть различной – от ситуации, когда технический регулятор учреждает отдельную организацию, занимающуюся рыночными операциями (Скандинавия, Великобритания), до полной независимости коммерческого и технического регуляторов (Россия).

Организация оптовой торговли. Возможны несколько подходов к организации оптовой торговли электроэнергией[4]: централизованный, децентрализованный и комбинированный. При *централизованном подходе* выбор генерирующего агрегата осуществляется централизованно рыночным оператором по технологическим параметрам, условиям надежности и критерию минимальной стоимости. Участие в конкурентном отборе является обязательным для генерирующих компаний. В результате отбора определяется рыночная цена и графики производства электроэнергии каждой генерирующей единицы. Двусторонние контракты, как правило, заключаются на «разницу в ценах» и не влекут за собой физической поставки электроэнергии. Такой подход применяется на рынке Австралии и России. *Децентрализованный подход* предполагает самостоятельное определение участниками объемов и цен поставки в двусторонних договорах[5]. Он является более распространенным (рынок Великобритании, Германии, стран Скандинавии). *Комбинированный подход* предполагает одновременное сочетание принципов энергетического пула и двусторонних договоров (рынок PJM, США). Несомненным достоинством централизованного подхода является формирование прозрачных ценовых сигналов (хотя при наличии бирж ценовые сигналы доступны и в децентрализованном подходе), а также учет ограничений пропускной способности сети. При этом организация энергетического пула требует бóльших затрат; у участников рынка больше возможностей манипулировать рыночной ценой, поэтому требуются дополнительные мероприятия по защите конкуренции.

Самостоятельный рынок мощности. Оплата стоимости мощности является возмещением условно-постоянных затрат генерирующих компаний. Выделение самостоятельного рынка мощности позволяет обеспечить относительно оптимальную структуру генерирующих активов в долгосрочной перспективе (PJM (США), Россия). Недостатком такой модели является возможность возникновения двойного маржинального ценообразования (на рынке электроэнергии и на рынке мощности), а также ошибки прогноза, ведущие к излишку или недостатку мощности в системе. Некоторые рынки функционируют без выделения специального рынка мощности, компенсация переменных и постоянных затрат осуществляется в единой цене за электроэнергию, а также за счет предоставления вспомогательных услуг (страны Скандинавии, Германия, Великобритания).

Метод ценообразования. В общем виде можно выделить два основных метода формирования цен на рынке на сутки вперед – узловой и зональный. *Узловой метод* (PJM (США), Россия) предполагает определение цены для каждого узла электроэнергетической модели. При этом разница цен будет определяться ограничениями пропускной способности сети и стоимостью транспортировки электроэнергии из одного узла в другой. Узловой метод применяется в энергосистемах со сложной сетевой структурой, характеризующейся значительными перегрузками. Он позволяет получить четкие

ценовые сигналы о «слабых» местах в сетевой инфраструктуре. Однако применение узлового метода сопряжено с более высокими транзакционными издержками для всех участников рынка, оно также позволяет генерирующим компаниям реализовать рыночную власть. *Зональное ценообразование* (Великобритания, Скандинавия, Австралия, Германия) предполагает расчет единой цены для зоны.

Конкуренция на розничном рынке. Розничный рынок представляет собой нижний уровень электроэнергетического рынка. Выделение розничного рынка можно снова объяснить технологическими особенностями производства электроэнергии. Как мы уже указывали выше, в энергосистеме необходимы централизованное планирование и оперативное управление. Эти процессы осуществляются на верхнем уровне – оптовом рынке, участниками которого является относительно небольшое количество крупных производителей и потребителей. Задача розничного рынка – распределение электроэнергии среди сотен тысяч мелких потребителей. Конкуренция на розничном рынке должна стимулировать сбытовые компании оптимизировать затраты на торгово-посредническую деятельность. Основным показателем конкуренции является количество покупателей, осуществивших смену сбытовой компании-перепродавца. В Великобритании, странах Скандинавии объем потребления электроэнергии крупными и средними промышленными покупателями, сменившими поставщика с момента внедрения конкуренции, составляет свыше 50 % от общего потребления, в Германии – порядка 40 % [10; 136]. Как правило, для малого бизнеса и домашних хозяйств этот показатель значительно меньше – от 5 % (Германия) до 48 % (Великобритания). Практически во всех странах конкуренция на розничном рынке внедрялась поэтапно, исключение составляет Германия, где возможность выбора поставщика была предоставлена сразу всем потребителям независимо от объемов потребления. Формально в России для потребителей существует возможность выбора компании-поставщика электроэнергии на розничном рынке. Однако в большинстве случаев фактический переход невозможен в силу отсутствия альтернативных действующему гарантирующему поставщику энергосбытовых компаний [4].

Таким образом, вопрос, почему в России был выбран именно существующий вариант развития при наличии достаточного количества альтернатив, остается открытым. Мы оставляем за границами статьи рассмотрение достоинств модели электроэнергетического рынка России и остановимся только на рассмотрении спорных моментов:

1. На рынках, где используется централизованный подход к организации оптовой торговли (то есть торговля через обязательный для всех функционирующий по единым принципам пул), – в Австралии и PJM, доля когенерации, то есть электростанций, осуществляющих комбинированную выработку электрической и тепловой энергии, составляет около 4–5 % от общего объема выработки электроэнергии тепловыми электростанциями. В России этот показатель превышает 30 % [7; 8]. ТЭЦ участвуют в электроэнергетическом пуле на общих основаниях с прочими тепловыми станциями, то есть подают ценовые заявки. Таким образом, график загрузки станций ставится в прямую зависимость от динамики рыночной цены. В то же время ТЭЦ являются «базовыми» станциями [5; 42], которые должны нести постоянную нагрузку в течение суток. Поэтому «пилообразный» график загрузки в зависимости от колебаний цены крайне негативно сказывается на техническом состоянии оборудования.
2. В действующей модели рынка мощности генерирующим компаниям оплачивается вся располагаемая мощность, учтенная в прогнозном балансе поставок электрической энергии и мощности на соответствующий год, вне зависимости от того, востребована данная электростанция или нет. Гарантированная оплата по установленным тарифам сочетается с возможностью заключения двусторонних договоров по более высокой свободной цене. В результате потребители оплачивают более высокую цену – и на рынке электроэнергии в рамках маржинального аукциона, и на рынке мощности.
3. Механизм трансляции оптовой цены на розничный рынок, применяющийся в России, будет стимулировать сбытовые компании снижать затраты на покупку электрической энергии и мощности только при достаточном уровне конкуренции и возможности розничного потребителя беспрепятственно менять поставщика. В настоящее время сбытовые компании могут практически полностью переложить на потребителя стоимость мощности, приобретенной по итоговой цене КОМ и результатам биржевых торгов. Стимулы минимизации затрат появляются в виде политического давления со стороны органов государственной власти только в периоды кризисных ситуаций и нарастания волнения среди потребителей.
4. Проблема технологического присоединения к сети до настоящего времени оставалась нерешенной. Основным препятствием для осуществления технологического присоединения являлись трудности взаимодействия с сетевыми компаниями и высокая стоимость платы за присоединение. В апреле 2009 года вышел ряд изменений в законодательстве [3], ужесточающий порядок присоединения к сети, а также предписываю-

щий Федеральной антимонопольной службе совместно с Министерством энергетики усовершенствовать типовую процедуру технологического присоединения. В обновленном постановлении для потребителя появляется ряд новых возможностей, в частности возможность направить запрос в органы местного самоуправления для определения принадлежности объекта электросетевого хозяйства, к которому планируется осуществить присоединение; возможность беспроцентной рассрочки платежа в размере 95 % стоимости технологического присоединения на период до 3 лет; а также возможность возврата денежных средств за невостребованную присоединенную мощность. Насколько действенными являются эти изменения, покажет практика.

Мы выделили наиболее важные, на наш взгляд, вопросы, влияющие на эффективность функционирования отрасли. Как показывает опыт зарубежных стран, формирование конкурентного электроэнергетического рынка – весьма длительный процесс. Успех зависит не от идеальной стартовой конструкции – создание ее невозможно, а от непрерывного и своевременного разрешения проблем, неизбежно возникающих в любой рыночной модели.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На тему энергетического кризиса в Калифорнии было написано достаточно много работ, как резко негативных по отношению к идее перехода к конкуренции, так и более нейтральных, объясняющих провал рынка, прежде всего, его неудачной институциональной конструкцией. Ряд объективных причин заставляет нас склониться ко второй точке зрения (см. об этом более подробно: [4; 315]).

[2] В качестве примеров законодательных актов, устанавливающих разделение конкурентных и монопольных видов деятельности, можно привести законы об энергетике Великобритании (1989 г.), Норвегии, Швеции (1991 г.), Финляндии (1996 г.).

[3] Началом процесса создания независимых генерирующих компаний стал закон о регулировании коммунальных энергокомпаний 1978 года.

[4] При этом мы не рассматриваем рынок реального времени, основной задачей которого является оперативная балансировка объемов производства и потребления. Во всех странах управление рынком реального времени, как правило, централизовано.

[5] В отличие от большинства исследователей, к децентрализованному подходу мы относим и биржевые торги. Объясняем это следующим. Как правило, на биржах возможны различные методы торговли – как закрытый двусторонний аукцион (по результатам которого централизованно рассчитывается цена), так и непрерывная встречная торговля; выбор метода осуществляет участник. Кроме того, участие на бирже (в отличие от энергетического пула) является добровольным и обычно дополняет торговлю по двусторонним контрактам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 26.03.2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»
2. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 г. № 861 «Об утверждении правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям».
3. Постановление Правительства РФ от 21.04.2009 № 334 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ по вопросам совершенствования порядка технологического присоединения к электрическим сетям».
4. Результаты анализа розничных рынков электрической энергии. [Электронный ресурс]. http://www.fas.gov.ru/fas.css, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения 10.05.2009).
5. Тукенов А. А. Рынок электроэнергии: от монополии к конкуренции. М.: Энергоатомиздат, 2007. 416 с.
6. Уроки, извлеченные из либерализации рынков электроэнергии. Париж: Международное энергетическое агентство, 2005. 274 с.
7. Combined heat and power: evaluating the benefits of greater global investment. Paris: International Energy Agency, 2008. 36 p.
8. Energy policies of IEA countries: Australia. Paris: International Energy Agency, 2005. 196 p.
9. Energy policies of IEA countries: Finland. Paris: International Energy Agency, 2007. 144 p.
10. Energy policies of IEA countries: Germany. Paris: International Energy Agency, 2007. 184 p.
11. Energy policies of IEA countries: The United Kingdom. Paris: International Energy Agency, 2006. 190 p.
12. Energy policies of IEA countries: The United States. Paris: International Energy Agency, 2007. 200 p.
13. Key world energy statistics. Paris: International Energy Agency, 2008. 80 p.

УДК 821.161.1.09 “17” + 821.161.1.09 “18”

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН
доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

Рец. на кн.: **Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства: В 2 т. / Научный редактор Н. В. Понырко. М.: Языки славянских культур, 2008.**

Выход в свет новой книги известного московского исследователя русского старообрядчества Елены Михайловны Юхименко является важным событием в современной филологической и исторической науке. Эта книга может рассматриваться как дополнение к изданному в 2002 году капитальному двухтомному труду того же автора «Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература» [7]. В издании 2002 года на обширном рукописном материале Е. М. Юхименко исследовала сам феномен выговской литературной школы в связи с проблемами исторической памяти, ментальности и духовности, опубликовала перечень новонайденных сочинений выговских писателей, каталог выговских автографов и описание рукописно-книжного собрания Выго-Лексинского общежительства. В новом – рецензируемом – двухтомнике опубликованы сочинения выговских писателей XVIII–XIX веков с научным комментарием.

Выговская поморская пустынь была основана в 1694 году на берегу реки Выг к востоку от Повенца (в настоящее время Медвежьегорский район Республики Карелия) и вплоть до своего закрытия в 1854–1856 годах являлась крупнейшим центром старообрядческой культуры в России. История, литература и искусство Выговской пустыни изучаются во многих российских научных центрах, в том числе в Петрозаводске. В 1994 году (к 300-летию Выговской пустыни) и в 2006 году (к 300-летию женской обители на Лексе) в Петрозаводском государственном университете состоялись международные конференции, были организованы выставки старообрядческой книжности и искусства, изданы сборники научных трудов (см.: [1], [2], [3], [4]). Е. М. Юхименко принимала участие в организации этих мероприятий, оказывала большую помощь петрозаводским коллегам. Нет сомнений, что новая книга Е. М. Юхименко будет способствовать дальнейшему развитию краеведения в Карелии и в целом науки о русском старообрядчестве и русской литературе XVIII – первой половины XIX века.

Главный научный сотрудник Отдела рукописей Государственного исторического музея (ГИМ), имеющий счастливую возможность почти ежедневно работать с уникальными рукописными источниками, Е. М. Юхименко разыскала около 460 неизвестных ранее выговских сочинений, многие из них в автографах. В рецензируемом двухтомнике опубликовано 190 сочинений. Причем только 11 из них уже были изданы ранее другими исследователями. Все остальные сочинения найдены в рукописях, датированы и в большинстве случаев атрибутированы самой Е. М. Юхименко. В конце обоих томов содержатся обширные комментарии (реальный, текстологический, историко-литературный) к каждому сочинению. Для удобства разыскания необходимой инфор-

© Пигин А. В., 2009

мации издание снабжено указателями шифров рукописей и имен, а также инципитарием опубликованных текстов. Как пишет автор, «предлагаемая читателю книга является не только впервые предпринятым изданием значительной части творческого наследия выговских писателей, но также публикацией большого количества памятников, совсем недавно введенных в научный оборот». В гуманитарной науке последних лет трудно привести другой пример единовременной публикации такого большого числа новонайденных рукописных памятников. «Неизвестная Россия» – так назвала Е. М. Юхименко выпущенный ею в 1994 году каталог выставки ГИМ, посвященной 300-летию Выговской пустыни. Сегодня, благодаря трудам Е. М. Юхименко, эта действительно неизвестная ранее часть русской духовной культуры обрела свои зримые, воплощенные в многочисленных именах и литературных памятниках формы, стала гораздо ближе нам и понятнее.

В предисловной статье содержится лаконичная, но очень емкая характеристика выговской литературной школы в ее эволюции. По мнению Е. М. Юхименко, в истории выговской литературы можно выделить 4 периода. Начальный период приходится на 1-ю половину XVIII века: это время обретения выговцами «культурной оседлости», становления выговской литературы и одновременно ее расцвета. Самые известные выговские произведения были созданы именно в эти годы («История об отцах и страдальцах Соловецких», «Виноград Российский», «История Выговской пустыни», «Поморские ответы», Житие Корнилия Выговского и другие). В этот период происходило формирование жанрового репертуара выговской литературы и ее стилистики, ориентированной на московское барокко 2-й половины XVII века. Второй период автор датирует 50–70-ми годами XVIII века, когда после смерти основателей и первых настоятелей пустыни произошел некоторый спад литературной активности на Выгу. В созданных в эти годы сочинениях Василия Данилова Шапошникова содержится укор современникам, насельникам пустыни, которых автор упрекает в «зазорном поведении», в упадке нравов. На 80–90-е годы – третий период – приходится «возрождение духовной и литературной жизни киновии». В 1780 году настоятелем пустыни становится выходец из московской купеческой семьи Андрей Борисов, попытавшийся основать на Выгу старообрядческую академию. Андрей Борисов и Тимофей Андреев создают в эти годы жития первых настоятелей пустыни Андрея и Семена Денисовых, что свидетельствует об «обновлении памяти о первых выговских отцах» как о «ведущем направлении духовной жизни Выга в этот период». Новый подъем переживают историческое повествование и ораторское искусство. Последний, четвертый, период (1-я половина XIX века, до закрытия монастыря) представлен преимущественно панегирическими словами и посланиями, главной темой которых является благодарение благодетелей пустыни (Ф. К. Долгого и представителей его рода).

В двухтомнике опубликованы сочинения около 30 выговских писателей XVIII–XIX веков (не считая анонимов), написанные в разных жанрах: слова, проповеди, поучения, послания и письма, жития и сказания о святынях, духовные завещания, произведения выговской историографии, вирши. Е. М. Юхименко не включила в издание хорошо известные, объемные, ранее опубликованные произведения («История об отцах и страдальцах Соловецких», «История Выговской пустыни» и другие). Ее цель заключалась в том, чтобы представить преимущественно редкие, сохранившиеся в единичных списках сочинения. Возможно, по этой причине в книге преобладают произведения эпистолярного и гомилетического жанров, вошедшие, в частности, в Поморский Торжественник. Вместе с тем повышенный интерес исследователя к этим произведениям (словам, проповедям, посланиям) отражает реальные жанровые предпочтения выговских писателей. Выговская литература – это словесность риторического типа, в которой ораторскому искусству придавалось первостепенное значение. В этом своем качестве выговская литература является частью общерусской барочной литературы. Е. М. Юхименко предлагает использовать термин «выговский вариант барокко», рассматривая его как рецепцию московского барокко XVII – начала XVIII века.

Одна из главных проблем, которую должна была решить Е. М. Юхименко в ходе подготовки к изданию такого большого корпуса сочинений, состояла, несомненно, в классификации этого разнородного материала и в распределении его по разделам. Материал можно было сгруппировать по жанрам, авторам или ведущим темам. Е. М. Юхименко выбрала очень оригинальное композиционное решение и удачно его воплотила. В книге выделено 10 разделов, каждый из которых имеет свое заглавие. В первой части («Монастырь, нарицаемый Данилов…») опубликованы сочинения, в которых излагается вся история Выговской пустыни, начиная с освоения старообрядцами Обонежья в конце XVII века и заканчивая событиями, предшествующими закрытию пустыни. Остальные разделы выделены по хронологическому и тематическому принципам, а внутри некоторых из них сочинения объединены по жанрам. Раздел «Обретение культурной оседлости» включает сочинения 1-й половины XVIII века, посвященные таким драматическим в истории Выга событиям, как заточение Семена Денисова в новгородской тюрьме, арест Даниила Викулина, работа следственной комиссии О. Т. Квашнина-Самарина. Эти события, как показали Е. М. Юхименко, а еще раньше Н. В. Понырко (см.: [6]), сплотили выговцев, способствовали осознанию ими Выговской пустыни как

своей родины. В раздел «Устроение церковной жизни» вошли послания и слова, в которых прославляются церковные праздники и древнерусские святые. В разделе «Устроение монастырской жизни» собраны произведения на тему добродетельного жития, человеческих грехов, соблюдения пустынножительного идеала. Е. М. Юхименко удалось показать, что Выговская пустынь не находилась в изоляции от окружающего мира, напротив, ее насельники живо интересовались всем, что происходило в России, создавали сочинения в связи с событиями общегосударственного значения (раздел «Почтение к властям»). Ими написаны, например, поздравительные послания великому князю Петру Федоровичу по случаю объявления его наследником престола и обручения с Екатериной Алексеевной, императрице Екатерине II по случаю ее коронования. Примечательно, что этим же событиям свои хвалебные сочинения посвящали русские одописцы, в частности М. В. Ломоносов. Выговская литература и здесь, в разработке общегосударственной темы, не отставала от столичной. Тесные духовные и родственные узы связывали выговцев с Сибирью (раздел «Выговское общежительство и Сибирь»). Тематико-хронологический принцип в выделении разделов позволяет читателю знакомиться с наиболее актуальными аспектами духовной и культурной жизни на Выгу в ее исторической динамике.

Особый интерес лично для меня в книге Е. М. Юхименко представляют выговские сочинения о севернорусских святых Зосиме и Савватии Соловецких, Александре Свирском, Александре Ошевенском и о «каргопольских чудотворцах» Кирилле Челмогорском, Пахомии Кенском, Диодоре Юрьегорском и других. До находок Е. М. Юхименко о почитании старообрядцами этих святых было известно главным образом по памятникам поморской иконографии. Создание выговцами похвальных слов в честь древнерусских святых свидетельствует о том, что они осознавали себя наследниками духовных традиций Святой Руси с ее обителями и подвижниками. Эти неизвестные ранее тексты должны быть обязательно учтены при подготовке свода агиографических сочинений об олонецких святых (издание нового «Олонецкого патерика» запланировано научным отделом Петрозаводской и Карельской епархии). Вместе с тем предложенные Е. М. Юхименко комментарии к отдельным агиографическим текстам могут быть уточнены. Преимущественный интерес к собственно выговским рукописям и огромный объем материала не позволили Е. М. Юхименко проследить рукописную историю некоторых сочинений. Так, «Чудо св. Иоанна Златоуста и преп. Александра Ошевенского» (описано событие 1655 года) известно исследователю в одном списке в выговской рукописи 1760-х годов Е. М. Юхименко утверждает, что «Чудо…» не вошло в состав Жития Александра Ошевенского, и предполагает, что «либо оно бытовало в рукописной традиции отдельно, либо было более полувека спустя записано выговскими книжниками». В действительности «Чудо…» входило в состав Жития Александра Ошевенского: сегодня известно 10 списков Основной редакции Жития, включающих эту статью. Более того, 3 списка «Чуда…» в составе Жития датируются XVII веком, а это означает, что данный памятник не является выговским (см.: [5]). К Житию Александра Ошевенского – уже в поморской рукописной традиции – примыкали и два похвальных слова в честь этого святого, атрибутированные Е. М. Юхименко Даниилу Матвееву (РНБ, F.I.689, Вологодский областной краеведческий музей, № 2009).

В книге содержится материал, который может привлечь внимание не только историков русского старообрядчества, литературоведов, но и фольклористов. Так, «Слово надгробное Ивану и Гавриилу Семеновым», написанное их сестрой Февронией (1750 г.), соединяет поэтику надгробного слова, покаянных стихов и народных причитаний. Феврония обращается к Сибири «свирепоименной», где умерли ее братья, к смерти «всежадной», к гробу «претемному», она сетует и тоскует, не может пережить разлуку: «О, кому возвещу моя болезни и кто утолит и чем терзаемую мою утробу! Кто ли отраду мне подаст несносныя моея тоски разумением! О, увы мне, како надежда моя изничтожитися возжела!» Удивительно эмоциональное и совершенное по художественной форме, это Слово вызывает в сознании читателя ассоциации с такими литературными и фольклорными плачами, как плач Ярославны в «Слове о полку Игореве» и плачи Ирины Федосовой. В «Слове на память святого Александра Ошевенского» использованы народные легенды об изгнании святым змей из Каргопольской земли. Эти легенды не вошли в Житие Александра Ошевенского, но до сих пор фиксируются фольклористами в Каргополье в их живом устном бытовании.

Петрозаводским историкам должны быть интересны послание Андрея Денисова коменданту Олонецких Петровских заводов В. И. Геннину, послания выговцев по случаю приезда высочайших особ на Марциальные воды, «Слово на торжественном собрании в Петрозаводске» Андрея Борисова. В «Сказании о чудесах Тихвиноборского образа Спаса» повествуется о событии, которое произошло в Петрозаводске в 1722 году и было связано с пребыванием здесь Петра I с «преславною августою его» Екатериной I.

Наконец, рецензируемая книга может быть чрезвычайно полезна в работе со студентами. Опубликованный в ней материал необходимо использовать в курсовых и дипломных работах начинающих историков-краеведов и филологов.

От имени петрозаводских ученых поздравляю Елену Михайловну – нашего друга и коллегу – с публикацией этого замечательного труда!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб., 2003.
2. Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры: Тезисы докладов международной научной конференции (13–17 сентября 1994 года). Петрозаводск, 1994.
3. Женщина в старообрядчестве: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию основания Лексинской обители. Петрозаводск, 2006.
4. Культура староверов Выга (к 300-летию основания Выговского старообрядческого общежительства): Каталог. Петрозаводск, 1994.
5. Одинец Е. В. Житие Александра Ошевенского в рукописной редакции (предварительные итоги изучения) // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 265–266.
6. Понырко Н. В. Проблема «культурной оседлости» на примере одного эпизода из истории Выговской поморской пустыни // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 297–303.
7. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература: В 2 т. М., 2002.

24 августа 2009 года Елена Михайловна Юхименко отмечает свой день рождения. В этом году дата круглая, юбилей! Друзья и коллеги Елены Михайловны поздравляют ее с этим важным событием, желают ей здоровья и новых творческих удач!

К этому поздравлению присоединяются и члены редакционной коллегии журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета».

УДК 94 (470.22)

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РУЖИНСКАЯ
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории дореволюционной России исторического факультета ПетрГУ

Рец. на кн.: **Школьное историческое краеведение Карелии: практикум для студентов / Сост. Е. В. Дианова. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – 176 с.**

Современные реалии исторического образования в нашей стране ставят преподавателя высшей школы в условия поэтапного обновления учебно-методического обеспечения читаемых курсов. Особенно остро эта необходимость ощущается при подготовке будущих специалистов историко-обществоведческого образования – школьных учителей, классных руководителей, организаторов внеклассной работы среди детей. Национально-региональные приоритеты образовательной парадигмы требуют от педагогов не только обучающей функции, но и воспитательной, развития в детях толератности, патриотизма, социальной активности, самостоятельности, ответственности на основе лучших традиций исторического опыта своей страны, региона, края. Ресурсы школьного исторического краеведения для решения этих задач многообразны. Однако опыт показывает, что краеведением может по-настоящему увлечь только краевед. Педагог, формально относящийся к этой области знания, столкнется с таким же восприятием детей. Поэтому столь важно «способствовать расширению и углублению общеисторических знаний студентов, повышению их интереса к истории родного края, формированию навыков краеведческой работы» (С. 3). В этой связи появление данного методического пособия можно только приветствовать.

Структура пособия определяется спецификой и целеполаганием издания, его тематической заданностью, методическим обеспечением читаемого курса, практическими потребностями учебной деятельности студентов, обучающихся по специальности «история».

Пособие состоит из двух частей, органично дополняющих друг друга. Первая часть издания включает в себя тематику практических занятий в разделах «Предмет и развитие краеведения в XVIII–XX вв.» и «Методика историко-краеведческой работы в школе», подборку соответствующей темам литературы для самостоятельной подготовки, рекомендации и практические задания к каждому занятию. Используя данную часть пособия, студент призван интегрировать теоретические знания лекционных курсов («История Карелии», «Методика преподавания истории в школе» и др.) в практических формах аудиторных занятий по предметам краеведческого цикла в школе. Этим объясняется многоплановость практических занятий, дающих представление не столько об исторической ретроспективе школьного исторического краеведения, сколько о методике его организации – вариативности курсов, исторических источниках, средствах обучения, возможностях вспомогательных исторических дисциплин в урочной и внеурочной формах краеведения.

Логичным завершением этой части пособия является приведение примеров тематики докладов и сообщений для студентов, а также итоговых вопросов к зачету по всему курсу.

© Ружинская И. Н., 2009

Вторая часть издания выполнена в виде масштабного приложения, содержащего важные дополнения к практическим занятиям:

- нормативно-законодательные акты курса, разделов, образовательной области;
- проекты национально-государственного компонента в образовательной сфере;
- авторские программы курсов краеведческой тематики передовых педагогов Карелии по данному направлению;
- примеры проектной деятельности учителей республики в области музейной педагогики, «семейного» краеведения;
- программы изучения конкретных объектов школьного исторического краеведения (город, село, предприятие, улица, школа).

Содержание данного приложения имеет большую практическую значимость при подготовке студентов, так как содержит в себе лучшие примеры передового педагогического опыта в данной сфере, на основе которого молодой специалист может построить свой первый педагогический опыт в рамках школьной педагогической практики и последующей профессиональной деятельности.

Углубляя практическую заданность пособия, видится закономерным расширение его масштабов рядом дополнений. Нам представляется необходимым вовлечение в спектр практических вопросов историю школьного краеведения Карелии новейшего периода (2000–2008 гг.). Тогда целесообразным было бы рассмотреть опыт историко-краеведческой деятельности школьников в рамках традиционных конференций «Шаг в будущее Карелии». В этой связи при подготовке учителей истории, которые будут в перспективе курировать научно-исследовательскую деятельность школьников в районах Карелии, важно дать практическое представление о методике подобной работы с примерами трансляции опыта учителей-новаторов данного направления.

Не является лишним рассмотрение в пособии данного профиля практической методики сбора, хранения, использования материалов «устной истории». Сегодня многие школьники Карелии под руководством своих педагогов вовлечены в подобную краеведческую деятельность. Однако работа с таким «материалом» очень специфична, требует специальных знаний. Необходимо учить этому студентов как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Достойным дополнением программ изучения объектов школьного исторического краеведения Карелии, представленных в приложении пособия, могла бы стать методика атрибуции музейного экспоната для школьного музея, методика осуществления поисковой деятельности на территориях массовых захоронений времен Великой Отечественной войны, знакомство с нормативно-регулятивными актами при организации внеурочной краеведческой деятельности школьников (комплектование фондов школьного музея, организация туристической экскурсии, работа в археологической экспедиции и т. п.). Таким образом, начатая работа предполагает закономерное продолжение в целях совершенствования образовательного процесса при подготовке педагогов школы XXI века.

В заключение хотелось бы поблагодарить весь творческий коллектив специалистов, принявших участие в написании и составлении этого пособия.

6 сентября 2009 года исполняется 50 лет главному редактору нашего журнала, ректору ПетрГУ, доктору технических наук, профессору *Анатолию Викторовичу Воронину.*

АНАТОЛИЙ ВИКТОРОВИЧ ВОРОНИН
К 50-летию со дня рождения

Анатолий Викторович Воронин родился в пос. Ревда Ловозерского района Мурманской области. В 1976–1978 годах учился в Московском институте электронной техники, с 1979 года – в ПетрГУ на математическом факультете. Закончив в 1983 году университет, Анатолий Викторович продолжил обучение в аспирантуре. С 1986 года начал работать преподавателем на кафедре прикладной математики и кибернетики, став в 1992 году заведующим этой кафедрой. В 1988 году защитил кандидатскую диссертацию в ЛГУ, в 2005 году – докторскую диссертацию в Санкт-Петербургском институте информатики и автоматизации РАН. В 1996–1999 годах – проректор по учебной работе ПетрГУ, в 1999–2006 годах – первый проректор ПетрГУ. С 2006 года – ректор ПетрГУ.

Анатолий Викторович является научным руководителем исследовательских работ, предлагаемых для выполнения совместно с российскими и зарубежными партнерами, например с Центром «ПетрГУ – Метсо Систем Автоматизации». Основная тематика данных исследований связана с разработкой программного обеспечения для анализа и повышения эффективности функционирования технологических процессов промышленных предприятий, что находит свое отражение в научных статьях и монографиях. А. В. Воронин – инициатор и участник многих научных конференций, проводимых на базе ПетрГУ, например, одной из них стала Международная научно-техническая конференция «Новые информационные технологии в целлюлозно-бумажной промышленности и энергетике», проводившаяся в 2008 году восьмой раз. Под руководством А. В. Воронина только за последние пять лет защищено 5 кандидатских диссертаций, к защите готовится докторская. Открытие IT-парка в ПетрГУ стало своеобразным итогом многолетней работы Анатолия Викторовича. По его же инициативе в прошлом году возобновлено издание научного журнала «Ученые записки ПетрГУ».

А. В. Воронин в 2000 году награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования», в 2003 году – орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Поздравляем Анатолия Викторовича с юбилеем и от всей души желаем успешного воплощения в жизнь всех научных проектов и начинаний, терпения, мужества, а его родному университету – успехов и процветания!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

16 сентября 2009 года исполняется 50 лет со дня рождения доктора экономических наук, профессора, декана экономического факультета, заведующего кафедрой экономической теории и финансов, члена редколлегии нашего журнала *Владимира Борисовича Акулова*.

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ АКУЛОВ
К 50-летию со дня рождения

Владимир Борисович Акулов родился в г. Северодвинске Архангельской области. В 1981 году после окончания экономического факультета Ленинградского государственного университета он начал работать преподавателем кафедры политической экономии в Петрозаводском государственном университете. В 1984 году поступил в очную аспирантуру Ленинградского государственного университета. В 1986 году, досрочно защитив кандидатскую диссертацию на тему «Три центра силы и империалистического соперничества: политэкономический аспект», вернулся в ПетрГУ. С 1988 года по настоящее время является деканом экономического факультета.

В 1994 году защитил докторскую диссертацию в Санкт-Петербургском государственном университете на тему «Модель макроэкономического регулирования российской экономики в современных условиях». Его монография «Кейнсианская модель макроэкономического регулирования» (Изд-во СПбГУ, 1993) и докторская диссертация были первыми научными работами в России по проблеме использования опыта кейнсианского макроэкономического регулирования в условиях трансформации российской экономики.

В 2001 году Владимир Борисович избран заведующим кафедрой экономической теории и финансов ПетрГУ. Преподавательскую деятельность В. Б. Акулов успешно сочетает с научно-исследовательской работой. Им подготовлено, помимо статей на экономические темы, четыре учебных пособия, одно из которых – «Финансовый менеджмент» (М.: Флинта, 2007) – имеет гриф Российской академии образования. Владимир Борисович подготовил 16 кандидатов экономических наук. Он является одним из самых активных членов редколлегии нашего журнала, заботясь прежде всего о его высокой научной престижности.

Владимиру Борисовичу Акулову присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Карелия», он награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Поздравляем Владимира Борисовича с юбилеем и желаем ему доброго здоровья, новых научных достижений, продолжения активного сотрудничества с нашим журналом, а экономическому факультету – дальнейшего развития!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

22 сентября 2009 года исполняется 55 лет доктору юридических наук и доктору исторических наук, профессору, декану юридического факультета, заведующему кафедрой международного и конституционного права, члену редколлегии нашего журнала *Сергею Николаевичу Чернову.*

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНОВ
К 55-летию со дня рождения

Сергей Николаевич Чернов родился в г. Мурманске. В 1979 году он с отличием окончил Петрозаводский университет по специальности «История», а в 1996 году – по специальности «Юриспруденция». В 1987 году защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском государственном педагогическом институте, а в 1999 году – докторскую в СПбГУ. В 2005 году защитил докторскую диссертацию по праву в МГУ. В настоящее время – декан и заведующий кафедрой международного и конституционного права юридического факультета ПетрГУ.

Научные исследования С. Н. Чернова связаны с конституционным и административным правом, сравнительным конституционным правом, вопросами федерализма, конституционализма и теории самоограничения власти, прикладными проблемами образовательной деятельности. Он является автором около 100 научных и учебно-методических работ, членом международного авторского коллектива учебного пособия «Конституционные права в России: дела и решения» (2002), автором ряда комплексных монографий, среди которых: «Конституционно-правовой статус Республики Карелия» (2003), «Конституционно-правовое регулирование отношений между Российской Федерацией и ее субъектами» (2004), «Самоограничение власти в Российской Федерации: правовые и философские основы» (2009).

С. Н. Чернов принимал участие в работе Комиссии Правительства РК по разработке новой редакции Конституции РК. Является членом Ученого совета РАЮН. В настоящее время входит в состав Президиума Ассоциации юридических вузов, Президиума Союза юристов РК, является членом Совета неправительственных организаций (НПО) при Председателе Законодательного Собрания РК, Комиссии по помилованию при Главе РК, входит в состав научно-практического Совета при Конституционном суде РК. С. Н. Чернов избран действительным членом Академии военно-исторических наук. Он является представителем Президента РФ в квалификационной коллегии судей РК. Имеет звание «Заслуженный юрист Республики Карелия».

Поздравляем Сергея Николаевича с юбилеем и желаем ему успехов в научных изысканиях, продолжения активного сотрудничества с нашим журналом, а юридическому факультету – покорения новых высот!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – 5–6 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – 3 страницы. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом не более 6 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на 2 языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускается, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или количество)) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до)). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок (их не должно быть более 5–6) должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

РОССИЯ И ФИНЛЯНДИЯ
В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: 1809–2009

Петрозаводский государственный университет

19–22 октября 2009 года

В работе конференции примут участие: Воронин А. В., профессор, ректор ПетрГУ; Васильев В. Н., профессор, президент ПетрГУ; Катанандов С. Л., Глава Республики Карелии; Risto Volanen, госсекретарь Финляндии; Провалов К. К., директор историко-документального департамента МИД РФ; Чубарьян А. О., директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН.

С докладами выступят: Дерябин Ю. С., Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР и РФ, руководитель Центра Северной Европы Института Европы РАН, Москва; Сиуруайнен Э., профессор, губернатор губернии Оулу, Финляндия; Суни Л. В., профессор кафедры истории стран Северной Европы ПетрГУ; ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Мурманска, Сыктывкара, Ярославля; ученые ПетрГУ, КарНЦ РАН и КГПУ; а также ученые из Финляндии, Швеции, Норвегии.

В рамках конференции будут работать следующие секции:

- «Великое княжество Финляндское в составе Российской Империи (1809–1917)».
- «Взаимоотношения РСФСР/СССР – Финляндии (1918–1944)».
- «Сотрудничество СССР/РФ – Финляндия (1944–2009)».
- «Сохранение совместного историко-культурного наследия в Карелии и Финляндии».

По результатам конференции будут опубликованы материалы докладов.

Оргкомитет конференции:

Васильев В. Н., профессор, президент ПетрГУ;
Веригин С. Г., доцент, декан исторического факультета ПетрГУ
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, ул. Анохина, 20.
Тел. (8142) 71-96-14

E-mail: recenter@psu.karelia.ru,
verigin@psu.karelia.ru

ХРОНИКА

■ 23–24 марта 2009 года на базе Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) КарНЦ РАН и ФГУК «Музей-заповедник «Кижи» состоялся научно-практический семинар «Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов».

Впервые семинар по данной тематике был проведен в 2007 году по инициативе фольклористов ИЯЛИ КарНЦ РАН и музея-заповедника «Кижи». На территории Карелии и в сопредельных областях систематически проводятся экспедиционные работы с целью сбора фольклора, этнографических сведений, языковедческих материалов. Ведущим учреждением в этой сфере является ИЯЛИ, в котором традиции собирательской работы начали складываться уже с 1930-х годов. Полевые исследования имеют не только научное значение, они необходимы для образования и развития культуры; это источник формирования репертуара исполнительских коллективов и экспозиционно-выставочной деятельности. В вузах Петрозаводска полевая практика студентов является

неотъемлемой частью образовательного процесса. В последнее время все большее значение придается фольклорно-этнографическим и лингвистическим архивам, создаются новые фонды, лаборатории. Сравнительно новыми являются фольклорные архивы музея-заповедника «Кижи», Национального парка «Водлозерский», появились Учебно-исследовательская лаборатория фольклора и Лаборатория лингвокраеведения и языковой экологии в КГПУ, имеются свои фольклорные фонды в Петрозаводской государственной консерватории. Благодаря использованию новых информационных технологий развиваются современные направления: создание электронных версий имеющихся фондов, архивных сайтов в сети Интернет.

За три прошедших года расширилась тематика семинара и увеличилось количество участников. Если в 2007 году было заслушано 10 докладов, то в 2009-м заявлено 30. Традиционно программа семинара включает два тематических раздела: «Научные архивы и лаборатории» и «Методика и практика полевых работ». Последний был разделен на две секции: «Фольклор и этнография» и «Языкознание».

В этом году в разделе «Научные архивы и лаборатории» были представлены доклады: В. П. Кузнецовой и Е. В. Марковской – о создании информационной системы по фольклорным архивам ИЯЛИ КарНЦ РАН; Н. В. Чикиной – об опыте создания электронной версии архива литературного наследия Э. Г. Карху; В. П. Мироновой и Л. И. Ивановой – о фонде видеоматериалов по карельскому фольклору. Сотрудник КГПУ Е. Р. Гусева рассказала об архиве Лаборатории лингвокраеведения и языковой экологии КГПУ, в которой осуществляется хранение диалектологических материалов, ведется учет и каталогизация данных по лексическому атласу, Словарю русских говоров Карелии, топонимике и антропонимическим данным. Блок «Методика и практика полевых работ» включал 27 докладов и сообщений: 16 из них были посвящены теории и практике полевых исследований в области фольклора и этнографии, 11 – языкознанию. Профессор КГПУ С. М. Лойтер в своем докладе обратила внимание на значение «внетекстовых» источников фольклористики, открывающих новые возможности изучения бытования и преемственности традиции, источников мастерства исполнителей. В докладе А. С. Лызловой были впервые проанализированы повторные записи сказок О. И. и М. О. Дмитриевых из Пудожского района. Часть выступлений фольклористов и этнографов была посвящена результатам полевых исследований. Чрезвычайно интересными были доклады А. П. Конкка, Н. Г. Урванцевой об экспедициях в районы проживания карел, И. Н. Минеевой – в Кемский район, Д. Д. Абросимовой, Ж. В. Гвоздевой – в Пудожский район Карелии и на Кенозеро Архангельской области, К. К. Логинова – в Вытегорский район Вологодской области. Благодаря семинару выявляется масштаб собирательской работы, возможность ознакомиться с новыми полученными материалами еще до того, как они поступят на хранение в архивы или будут опубликованы.

Второй год подряд в Карелии проводят экспедиционные исследования среди карельского населения студенты Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ (Москва) во главе с профессором В. Л. Кляусом. Студентами Н. А. Мамонтовой, М. В. Петраковой и Т. О. Цеденовым были обобщены результаты экспедиций о культуре сямозерских карел и проблеме национальных взаимоотношений.

В секции «Языкознание» обсуждались вопросы, касающиеся сбора диалектных материалов. В докладе профессора Л. П. Михайловой, возглавляющей лабораторию лингвокраеведения и языковой экологии КГПУ, говорилось о методике сбора материалов для диалектных словарей. На кафедре русского языка ведется работа не только по словарям, но и по составлению карт для «Лексического атласа русских народных говоров», о чем рассказал доцент А. В. Приображенский. Т. Е. Рутт в своем выступлении, посвященном типологии носителей диалекта, обобщила материал, собранный в Прионежском районе. Методами полевой лингвистики, которые применяются для сбора лексического и языкового материала, поделились сотрудники ИЯЛИ С. В. Ковалева и А. П. Родионова. Большой интерес вызвал доклад И. А. Кюршуновой о сборе ономастических материалов в районах РК. Результаты своих изысканий представили и студенты КГПУ. Впервые в программу семинара была включена демонстрация этнографических фильмов. В последние десятилетия фольклористы и этнографы стали пользоваться методом видеозаписи, в архивах появились новые фонды. По материалам экспедиций ИЯЛИ Т. А. Мешко и В. Б. Бовин подготовили фильм о поморах. Фильм А. С. Монаховой о деревне Водла Пудожского района позволил ознакомиться с отдаленным уголком нашего края, с его жителями и местным фольклором.

Значение представленных на семинаре докладов и сообщений может быть оценено не только в плане первичного обобщения результатов проводящихся полевых исследований. Многие высказанные положения, а также разработанные методики имеют в своей основе хорошую теоретическую базу, они развивают новые направления в фольклористике, языкознании, этнографии.

Материалы семинара 2008 года публикуются в «Кижском вестнике» (№ 12), материалы 2009 года предполагается опубликовать в отдельном издании.

В. П. Кузнецова
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН

CONTENTS

STATE AND LAW

Andreyevskaya E. S.
COMPULSORY MEDICAL INSURANCE IN MODERN RUSSIA
Summary: Compulsory medical insurance is a form of the social protection in the area of public health care. To understand the development of the compulsory medical insurance in modern Russia is necessary to go back to its history.
Key words: History of the compulsory medical insurance in Russia, insurance medicine, health insurance **7**

STATE AND LAW

Kalinina E. A.
«OUR WORK WAS REWARDING» (HIGH SCHOOL TEACHERS OF RUSSIAN NORTH IN THE FIRST HALF OF XIX-TH CENTURY)
Summary: The article is devoted to the social problems in the history of the national education. The author considers the legal and social status of a teacher of provincial high schools in Russian North. Many outstanding people, good experts possessing a profound knowledge of the subjects taught to the high school students did their jobs, in spite of the fact that lack of teaching materials and a teacher low social status made pedagogical career unattractive.
Key words: Teachers, a high school, a legal status, a social status **15**

Laidinen E. P.
PERSECUTION CHRONICLS (THE FATE OF THE A. F. NUORTEVA FAMILY)
Summary: The article describes the persecution of A. F. Nuorteva, a prominent member of International labor movement, diplomat, politician, by intelligence services of a few countries. A. F. Nuorteva was one of the leaders of Karelia in the 20th of the last century.
Key words: Nuorteva, intelligence service, arrest, intelligence service, counter-intelligence **25**

PEDAGOGY

Volodina O. V.
FOREIGN LANGUAGE METHODOLOGY BASED ON ORIGINAL LITERATURE
Summary: The article presents the foreign language methodology based upon English and American Literature in the original at English classes with non-linguistic students of pedagogical university. The process and the results of the experimental work show the efficiency of the offered methodology.
Key words: Foreign language culture, humanization of teachers' professional education, methodology of teaching English, English and American literature, reading and comprehension **31**

Dobrynina O. L.
COMPETENCE APPROACH: FOR AND AGAINST
Summary: Cognitive and competence approaches are compared, advantages and disadvantages of the competence approach are revealed, combination of competence, problem-solving and axiological approaches is suggested to be applied in teaching foreign languages for special purposes.
Key words: Competence approach, teaching foreign languages for special purposes, problem-solving and axiological approaches, value-focused problem solving situation **39**

POLITOLOGY

Gutorov V. A., Shuvalov J. E.
POSTCOMMUNISM AND TOLERANCE: METHODOLOGICAL ASPECTS
Summary: In the article the heuristic possibilities of using conceptions of tolerance formed in modern political theory for analy-

sis of the phenomenon of post-communism are analyzed. The specific peculiarities of political processes in the Central and the Eastern Europe as like as the post-communist Russia are investigated. In particular, the following thesis which is important for understanding of post-communist politics is based: the absence of tolerance itself generated many political crises accompanying the process of reforms in this region during the last decades of XX century.
Key words: Political philosophy, tolerance, post-communism, political crisis, radicalism, reforms, intolerant behavior **44**

Leskova I. V.
SPIRITUAL SECURITY AND NATIONAL IDENTITY
Summary: The article grounds the necessity of government providing educational and spiritual security as one of the prerequisites of transition towards the intensive type of cultural reproduction and forming positive social identity. The author emphasizes that traditionally the major components of the government security were considered to be political, military, anthropogenic, ecological or economic. Nowadays, the urgent question is the spiritual security and educational security as a germane to the topic.
Key words: Social identity, identification, national identity, spiritual and socio-cultural security **53**

PHILOLOGY

Patroeva N. V., Lebedev A. A.
POETIC PHRASEOLOGY IN THE P. A. VYAZEMSKY LYRICS: FUNCTIONAL-SEMANTIC POTENTIAL OF PHRASEOLOLGICAL UNITS
Summary: The article is devoted to expressive use and ways of phraseological units transformation in P. A. Vyazemskiy's lyrics
Key words: Phraseological unit, transformation of a phraseological unit, P. A.Vyazemskiy's phraseology **60**

Tarlanov Z. K.
«...A LOOK PENETRATES THE THICK CURTAIN OF TIME...» (TO THE 260th ANNIVERSARY SINCE A. N. RADISHEV BIRTHDAY)
Summary: In the article, confined to the jubilation of A. N. Radischev, the issues connected with fate, content direction, stylistic arrangement and role in the history of the Russian literature and literary language of the main writer's work – *Travel from Moscow to St. Petersburg* are revealed. The main techniques of creating new linguistic means in the interest of meeting the needs for the «social language» – the language of science, education and enlightenment in Russia at the end of the XVIII century are analyzed. The place of folk lore genre traditions in narrative compositions and degree of their participation in revealing content-artistic author's strategy is mentioned. The text features, transferring it to a principally new type of a discourse are brought to light.
Key words: Radischev, the Russian literature language of the end of XVIII century, language, style, linguistic means, linguistic neologisms, traditions, innovations, the type of the discourse **67**

Tarasov K. G.
FROM THE V. I. Dal' EPISTOLARY HERITAGE
Summary: The published letters by P. G. Redkin to V. I. Dal' are kept in the Department of Manuscripts at the Institute of the Russian Language and Literature. The letters haven't been the subject of research and haven't been published yet. Nevertheless, the presented sources are authentic and add new aspects to the Dal's biography research.
Key words: Manuscripts, correspondence, biography research, the Bible translation **72**

PHILOSOPHY

Pivoyev V. M.
DREAM AS EXISTANCE AND NONEXISTANC
Summary: The article considers the correlation of alert and sleeping states of consciousness from the point of view of an opportunity to consider them as existence or nonexistence. The parameters of «day» and «night» consciousness, existence and nonexistence are compared in the article in order to define their essential characteristics.
Key words: Dream, existence, nonexistence, «day» and «night» consciousness, entelecheia, else-being **78**

Volkova S. V.
CULTURE AND EDUCATION: AN ATTEMPT OF PHILOSOPHICAL REFLECTION
Summary: A general intent of the article is to investigate a strong interdependency between the two spheres of our life – culture and education. The author makes an attempt to research the influence of cultural changes on creating a new educational ideal in accordance with cultural conformity and new sociocultural conditions.
Key words: Culture, educational ideal, rationality, dialog, sense, knowledge **85**

ECONOMICS

Isakov V. A., Zekunenko D. A.
TAX INSTITUTIONS AND TAX STRUCTURE IN MODERN RUSSIA
Summary: The impact of opportunist behavior on tax institutions and relation between tax institutions and tax structure is analyzed.
Key words: New institutional economics, transaction costs, opportunist behavior, tax structure, tax optimization **89**

Semenova M. A.
POWER INDUSTRY REFORM: THE DEVELOPED COUNTRIES EXPERIENCE
Summary: On the basis of the analysis of foreign countries power industry reforms, the author defines key aspects of transition from the vertically integrated state companies to the competitive market, and considers realization of these key aspects in Russia as well.
Key words: Power industry reform, competition, electricity market **96**

REVIEWS

Pigin A. V.
The book review: *Yukhimenko E. M. Literature Heritage of the Old Belief Group Located on the River Vig* **101**
Ruzhinskaya I. N.
The book review: *High School Historic Local Lore of Karelia: Practical Guide for Students* **105**

JUBILATION

To the 50th Birthday Anniversary of A. V. Voronin **107**
To the 50th Birthday Anniversary of V. B. Akulov **108**
To the 55th Birthday Anniversary of S. N. Chernov **109**

INFO FOR THE AUTHORS **110**

SCIENTIFIC INFORMATION **111**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ: инструмент для оценки научной деятельности и механизм продвижения научных журналов

Во всем мире одним из ключевых показателей для оценки работы отдельных исследователей и научных коллективов, влияния на развитие науки, определения качества исследований служит индекс цитирования авторов и импакт-фактор журнала (как средний показатель цитируемости его авторов). Величина индекса цитирования определяется количеством ссылок на публикацию автора в других источниках. Для корректного определения значимости научных трудов важно не только количество ссылок, но и качество самих ссылок. На статью может ссылаться авторитетное издание или популярный иллюстрированный еженедельник. Значимость таких ссылок разная. Для решения проблемы определения значимости периодического издания разработан свой индекс цитирования – импакт-фактор. В индексе цитирования заинтересованы все те, кто имеет отношение к науке и образованию: 1) Ученые с помощью индекса цитирования отслеживают текущую актуальную библиографию работ по своей тематике. 2) Чиновники, учитывая индексы цитирования, принимают решение о выделении финансовой поддержки для исследовательской деятельности отдельного ученого или научного коллектива. 3) Администраторы университетов и институтов на основании показателей цитирования и объема опубликованных работ определяют размеры финансового вознаграждения своих сотрудников. 4) Издатели научной литературы, используя импакт-факторы журналов, оценивают качество изданий, их авторитет и востребованность как научного продукта.

Федеральное агентство по науке и инновациям Министерства образования и науки РФ и Научная электронная библиотека занимаются реализацией проекта «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)». РИНЦ – это специализированная база данных по российским научным периодическим изданиям, создаваемая на основе индексирования библиографических описаний статей, аннотаций или рефератов, а также пристатейных ссылок цитируемой литературы. База оснащена мощной поисковой системой, способной реализовать поисковые запросы различной сложности. Благодаря этому продукту можно получать точные данные по индексу цитирования авторов и импакт-факторам журналов.

ЖУРНАЛ «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) В ИЮЛЕ 2008 ГОДА.

ПОДПИСАТЬСЯ НА СЕРИЮ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ» МОЖНО ПО КАТАЛОГУ ИЗДАНИЙ ОРГАНОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ» (ИНДЕКС 66094)